

Роль библиотек

**в информационном обеспечении
исторической науки**

**ROLE OF LIBRARIES IN INFORMATION SUPPORT
OF HISTORICAL SCIENCE**

Сборник статей

**Роль библиотек в
информационном обеспечении
исторической науки**

«Этерна»

2016

УДК 930.2
ББК 79

Сборник статей

Роль библиотек в информационном обеспечении исторической науки / Сборник статей — «Этерна», 2016

ISBN 978-5-480-00244-7

Цель проекта – серии из трех сборников «Музеи – библиотеки – архивы в информационном обеспечении исторической науки» – заключается в описании поставленной проблемы в преломлении основных хранилищ исторических источников, выступающих в ипостаси музейных предметов, изданий, архивных документов. В сборниках рассматриваются: место музеев – библиотек – архивов в информационной инфраструктуре науки; репрезентация их информационного потенциала; их собрания, фонды как информационный ресурс; технологии извлечения информации из источников и то, что ИКТ дают науке и музеям – библиотекам – архивам; коммуникация научного сообщества и сообществ хранителей информации. Второй сборник серии – «Роль библиотек в информационном обеспечении исторической науки». Его авторы – исследователи из 11 городов России: историки и библиотековеды, философы, филологи, культурологи, экономисты, представители технических наук, специалисты в области информатики и информационных технологий; известные и молодые ученые, методологи и библиотекари-практики, представители научных институтов и вузовской науки. Адресован историкам, библиотековедам, а также тем, кого интересуют междисциплинарные исследования на стыке исторической науки с гуманитарными и иными науками, науковедением, информатикой.

УДК 930.2
ББК 79

ISBN 978-5-480-00244-7

© Сборник статей, 2016

© Этерна, 2016

Содержание

От автора проекта	9
Введение в проблему	11
Место библиотек в продвижении научной и технической информации[1]	11
Тайна долгой жизни идей моего отца	19
Историческая наука и библиотеки: грани соприкосновения	23
Архивы, библиотеки, музеи в глобальной информационной среде	33
Документосфера как пространство синтеза музея, библиотеки, архива	50
Информационное обеспечение исторической науки и музеи – библиотеки – архивы как хранилища информации: теория, методология, практика[2]	64
Библиотека в информационной инфраструктуре исторической науки	69
Роль научной информации в развитии исследований советских историков[3]	69
Информационные ресурсы современной России по истории: состояние, перспективы развития	77
Библиотека как базовый элемент информационной инфраструктуры исторической науки[4]	89
Библиотека как необходимое условие исследовательской деятельности ученого: концепция Д. Б. Рязанова в контексте исследований феномена институтов социальной памяти	95
Реорганизация военно-библиотечного дела и проблемы информационного обеспечения исторической науки	101
Информационное обеспечение истории педагогики: к постановке проблемы	106
Библиотечное собрание как информационный ресурс исторической науки	112
Личные книжные собрания в исследовательской деятельности отечественных историков XX в.: традиции и современность	112
Личные книжные коллекции ученых в собрании Научной библиотеки Государственного музея истории религии как информационный ресурс для исследований в области истории	121
Конец ознакомительного фрагмента.	126

Роль библиотек в информационном обеспечении исторической науки

Автор-составитель **Е.А. Воронцова**

ROLE OF LIBRARIES IN INFORMATION SUPPORT OF HISTORICAL SCIENCE

Автор-составитель Е.А. Воронцова

Ответственные редакторы

А.О. Чубарьян, В.Р. Фирсов

Role of libraries in information support of historical science: a collection of articles / Author-compiler E.A. Vorontsova; responsible editors A.O. Chubaryan, V.R. Firsov. – Moscow: ETERNA, 2016.

ПРОЕКТ

Роль музеев – библиотек – архивов в информационном обеспечении исторической науки

Автор проекта: канд. ист. наук, старший науч. сотр. (ученое звание), научный редактор (высшая категория сложности), зав. сектором издательских проектов Государственного литературного музея **Евгения Александровна Воронцова**

Партнеры

Ассоциация «История и компьютер»

Российское общество интеллектуальной истории Институт археологии РАН Институт всеобщей истории РАН Институт российской истории РАН Институт истории СО РАН

Институт научной информации по общественным наукам РАН

Российская библиотечная ассоциация

Библиотека по естественным наукам РАН

Государственная публичная историческая библиотека России

Российская государственная библиотека

Российская национальная библиотека

Архив РАН

Научный совет по музеям СО РАН

Научно-образовательное культурологическое общество России Государственный исторический музей Государственный литературный музей

Кафедра исторической информатики МГУ им. М.В. Ломоносова Кафедра музеологии Факультета истории искусства РГГУ Исследовательская группа «Российская музейная энциклопедия»

Информационные партнеры

Диалог со временем: альманах интеллектуальной истории

Историческая информатика: журнал Ассоциации «История и компьютер»

Научно-педагогическая школа источниковедения – сайт Источниковедение. ru

Библиотекосведение

Библиотечное дело

Вопросы культурологии

При подготовке издания по инициативе автора проекта проведены

Секция «Роль библиотек в информационном обеспечении исторической науки» на юбилейной Международной научной конференции «150 лет на службе науки и просвещения» Государственной публичной исторической библиотеки России и Государственного исторического музея (6 декабря 2013 г.)

«Круглый стол» «Роль библиотек в информационном обеспечении исторической науки» (12 апреля) и секция «Библиотеки и историческая наука в ретроспективном контексте» (13 апреля) на Международной научно-практической конференции Российской государственной библиотеки «Румянцевские чтения – 2016» (12–13 апреля 2016 г., Москва)

«Круглый стол» «Роль библиотек в информационном обеспечении исторической науки» (18 мая) на XXI Ежегодной конференции Российской библиотечной ассоциации (16–19 мая 2016 г.), организованный Секциями: 35 – специальных научных, научно-технических и технических библиотек (председатель П.П. Трескова); 07 – по истории библиотек (председатель И.Г. Матвеева); 34 – по особо ценным рукописным документам и редким книгам (председатель А.Ю. Самарин)

Редакционная коллегия серии

Репина Лорина Петровна, член-корреспондент РАН, доктор исторических наук, профессор, главный научный сотрудник, руководитель Центра интеллектуальной истории Института всеобщей истории РАН; заведующая кафедрой теории и истории гуманитарного знания Института филологии и истории РГГУ. Президент Российского общества интеллектуальной истории, главный редактор журнала «Диалог со временем». Председатель редколлегии, главный редактор серии

Афанасьев Михаил Дмитриевич, кандидат педагогических наук, директор Государственной публичной исторической библиотеки России, член совета Российского исторического общества

Афиани Виталий Юрьевич, почетный член Российской академии художеств; кандидат исторических наук, директор Архива РАН, заведующий кафедрой археографии Историко-архивного института РГГУ. Член Бюро Отделения историко-филологических наук и Музейного совета РАН

Бак Дмитрий Петрович, директор Государственного литературного музея, член совета Российского исторического общества, председатель Ассоциации литературных музеев России

Бородкин Леонид Иосифович, член-корреспондент РАН, доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой исторической информатики, заместитель декана исторического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова, почетный президент Ассоциации «История и компьютер»

Владимиров Владимир Николаевич, доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой документоведения, архивоведения и исторической информатики Алтайского государственного университета, президент Ассоциации «История и компьютер»

Гайдуков Петр Григорьевич, член-корреспондент РАН, доктор исторических наук, заместитель директора Института археологии РАН

Ефременко Дмитрий Валерьевич, доктор политических наук, заместитель директора Института научной информации по общественным наукам РАН по научной работе

Калено в Николай Евгеньевич, доктор технических наук, профессор, директор Библиотеки по естественным наукам РАН, ведущий научный сотрудник Межведомственного суперкомпьютерного центра РАН

Кондаков Игорь Вадимович, кандидат филологических наук, доктор философских наук, академик РАЕН, профессор кафедры истории и теории культуры Отделения социокультурных исследований РГГУ, ведущий научный сотрудник Государственного института искусствознания. Вице-президент Научно-образовательного культурологического общества (НОКО) России, председатель Научной коллегии НОКО, заместитель председателя Научного совета РАН «История мировой культуры»

Пипкин Михаил Аркадьевич, доктор исторических наук, директор Института всеобщей истории РАН, ответственный секретарь серии «Всемирная история»

Определёнов Владимир Викторович, заместитель директора по информационным технологиям Государственного музея изобразительных искусств им. А.С. Пушкина, член Президиума АДТИ («Автоматизация деятельности музеев и информационные технологии»)

Петров Юрий Александрович, доктор исторических наук, директор Института российской истории РАН

Самарин Александр Юрьевич, доктор исторических наук, заместитель генерального директора Российской государственной библиотеки по научно-издательской деятельности, главный редактор журнала «Библиотековедение»

Сукиасян Эдуард Рубенович, кандидат педагогических наук, главный редактор Библиотечно-библиографической классификации (ББК), заведующий сектором Научно-исследовательского центра развития ББК Российской государственной библиотеки

Трескова Полина Прокопьевна, кандидат педагогических наук, директор Центральной научной библиотеки Уральского отделения Российской академии наук

Фёдоров Павел Викторович, доктор исторических наук, главный научный сотрудник Президентской библиотеки им. Б.Н. Ельцина

Фирсов Владимир Руфинович, доктор педагогических наук, заместитель генерального директора Российской национальной библиотеки, президент Российской библиотечной ассоциации, председатель Секции РБА по библиотечной политике и законодательству

Шелегина Ольга Николаевна, доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института истории СО РАН, заместитель председателя Научного совета по музеям СО РАН, секретарь Комитета музеологии стран Азии и Тихоокеанского региона ИКОМ ЮНЕСКО

Яновский Андрей Дмитриевич, кандидат исторических наук, заместитель директора Государственного исторического музея по научной работе

Научные консультанты

Тихонова Елена Валерьевна, кандидат педагогических наук, заместитель генерального директора Российской национальной библиотеки по библиотечной работе

Черный Юрий Юрьевич, кандидат философских наук, руководитель Центра по изучению проблем информатики Института научной информации по общественным наукам РАН

От автора проекта

Серия из трех сборников «Музеи – библиотеки – архивы в информационном обеспечении исторической науки» задумана с целью описать проблему информационного обеспечения исторической науки в таком ее преломлении, как основные информационные ресурсы – хранилища исторических источников, выступающих в ипостаси музейных предметов, изданий, архивных документов.

Структура сборников единообразна, что делает возможным сравнительный анализ этих хранилищ и, очевидно, откроет новые горизонты их использования в интересах науки, но вариации допустимы.

Первым в каждом из сборников идет раздел «Введение в проблему», а далее музеи – библиотеки – архивы рассматриваются следующим образом:

- их место в информационной инфраструктуре исторической науки;
- их собрания, фонды как информационный ресурс этой науки;
- технологии извлечения информации из музейных предметов – изданий— документов и их коллекций;
- информационно-коммуникационные технологии для исторической науки и музеев – библиотек – архивов;
- репрезентация их информационного потенциала;
- коммуникация научного сообщества и сообществ хранителей информации.

Сборник «Библиотеки в информационном обеспечении исторической науки» выстроен в соответствии с общим принципом, но с одним важным дополнением – разделом «Библиотеки и историческая наука в ретроспективном контексте», в котором собраны статьи по истории информационного обеспечения этой науки.

Как и первый сборник серии, он в полном смысле слова является междисциплинарным. Наряду с историками и библиотековедами в числе его авторов – философы, филологи, культурологи, экономисты, представители технических наук, специалисты в области информатики и информационных технологий. Закономерно представительство Библиотеки по естественным наукам РАН, где не только активно разрабатывалась проблема информационного обеспечения науки, но и была создана уникальная система, объединившая в единый информационный ресурс фонды нескольких десятков научных библиотек, где более 30 лет действует специальный семинар.

Роль камертона в сборнике играют статьи акад. А.О. Чубарьяна, О.С. Чубарьяна, акад. В.А. Виноградова.

Наиболее восприимчивыми к проблеме информационного обеспечения исторической науки оказались специалисты в области истории исторического знания (представительная группа статей сотрудников Института всеобщей истории и др.), истории библиотек, локальной истории, исторической информатики, библиографии и исторической библиографии, библиотечно-библиографической классификации.

Проблема оказалась интересной для сотрудников ряда ведущих библиотек России: Российской национальной библиотеки, Государственной публичной исторической библиотеки России, Библиотеки Российской академии наук, Государственной публичной научно-технической библиотеки Сибирского отделения РАН, Российской государственной библиотеки, Всероссийской государственной библиотеки иностранной литературы им. М.И. Рудомино, Президентской библиотеки имени Б.Н. Ельцина, Дворца книги – Ульяновской областной научной библиотеки им. В.И. Ленина, Кировской областной универсальной научной библиотеки им. А.И. Герцена, Самарской областной универсальной научной библиотеки, Тамбовской област-

ной универсальной научной библиотеки, научных библиотек Российского государственного гуманитарного университета и Музея истории религий.

Среди авторов (их более 60):

– известные и молодые ученые (академики РАН, 21 доктор и 30 кандидатов наук, аспиранты и магистранты);

– сотрудники библиотек (32 сотрудника);

– представители институтов системы РАН (Институт всеобщей истории, Институт научной информации по общественным наукам, Институт российской истории, Институт славяноведения, Институт востоковедения, Институт мировой экономики и международных отношений);

– представители вузовской науки (около 20 человек из 11 вузов: МГУ им. М.В. Ломоносова, Санкт-Петербургского, Новосибирского, Орловского, Пермского, Тамбовского университетов, НИУ «Высшая школа экономики», Северо-Кавказского федерального университета, Российской международной академии туризма, Государственного гуманитарно-технологического университета, Санкт-Петербургского государственного института культуры).

Это – исследователи из 11 городов России: Москвы, Санкт-Петербурга, Кирова, Новосибирска, Орла, Перми, Самары, Ставрополя, Ульяновска, Тамбова, г. Химки и Орехово-Зуево Московской обл.).

Введение в проблему

Место библиотек в продвижении научной и технической информации¹

Place of libraries in the provision of scientific and technical information

УДК 02(47+57)

О.С. Чубарьян,

O.S. Chubaryan

Аннотация: статья написана О.С. Чубарьяном для специального номера о библиотеках СССР (журнал «Library world», London; 1968. Vol. 69, № 815) почти 50 лет тому назад, однако она по-прежнему актуальна. В ней анализируется решение проблемы «библиотека и информация» в СССР: место библиотек в информационной деятельности, практика удовлетворения ими потребностей науки и производства в информации, сеть и типы научных библиотек, методы обеспечения информацией (выставки, залы новых поступлений, текущая библиографическая информация), опыт государственного библиографического учета. Поставлена проблема автоматизации библиографического поиска.

Abstract: the article was written by O.S. Chubaryan for a special issue on libraries of the USSR («Library world», London; 1968. Vol. 69, № 815) almost 50 years ago, however, it is still relevant. It examines the solution to the problem of “The library and information” in the USSR: the place of libraries in information activities, satisfaction of information needs of science and industry, network and types of academic libraries, methods of providing information (exhibition, halls of new acquisitions, current bibliographic information), the experience of state bibliographic control. Posed the problem of automating bibliographic search.

Ключевые слова: библиотековедение, библиотечно-библиографическая сфера, информационно-документационная сфера, информационная деятельность, фактографическая информация, библиотечно-библиографическая информация, потребитель информации – читатель, сеть библиотек, типы библиотек, информационно-поисковый язык.

Keywords: librarianship, library-bibliographic sphere, information and documentation sphere, information activities, factographic information, bibliographic information, information user – reader, network of libraries, types of libraries, information retrieval language.

Автор публикуемой статьи Оган Степанович Чубарьян (1908–1976) – выдающийся библиотечный деятель, библиотековед, доктор педагогических наук, профессор, автор более 100 книг и статей, в том числе учебника «Общее библиотековедение» [Чубарьян, 1960; 1979; 1985, и др.; о нем см.: Творчество как формула жизни, 2008], многие годы вел научную и преподавательскую работу, с 1963 г. работал в Государственной библиотеке СССР им. В. И. Ленина, в 1969–1972 гг. исполнял обязанности директора.

Статья, написанная им для специального номера журнала «Library world» (London), посвященного библиотекам СССР (1968. Vol. 69, № 815), очень интересна для современного

¹ В переводе на русский язык статья публикуется впервые. Редакция перевода, комментарии (даны по тексту в круглых скобках) – Э.Р. Сукиасян.

читателя. Мы имели в конце 1960-х гг. самую большую, распределенную по всей территории огромной страны, хорошо организованную систему библиотек, обеспеченную квалифицированными кадрами.

По типологии, принятой О.С. Чубарьяном, все библиотеки делились на: а) универсальные (он говорит в статье о центральных региональных, но не упоминает об огромной сети массовых библиотек) и б) научные и отраслевые. Систему библиотек учебных заведений, в том числе школьных, Оган Степанович рассматривал отдельно. Научные – это библиотеки АН СССР, научно-исследовательских институтов и конструкторских бюро министерств и ведомств. Отраслевые (в этой группе самые большие сети образовывали технические, медицинские и сельскохозяйственные) библиотеки имели двойное методическое руководство: у всех была своя центральная отраслевая библиотека, а в регионе – центральная региональная.

Как часы работала система комплектования библиотек, в том числе распределения валютных ассигнований. Свои задачи хорошо выполнял внутрисоюзный и международный книгообмен. Была создана лучшая в мире система государственной библиографии и статистики печати. Обязательный экземпляр (в формах бесплатного и платного, ведомственного и регионального) был гарантом формирования качественных фондов. Система карточных каталогов и библиографических картотек обеспечивала релевантный поиск в фондах библиотек, а система сводных каталогов давала информацию о составе фондов по стране в целом. Четко работала система межбиблиотечного и международного абонементов.

Во главе библиотек страны стояла ГБ Л. А ее научный руководитель – Оган Степанович Чубарьян – пользовался непререкаемым авторитетом не только в стране, но и во всем библиотечном мире.

Э.Р. Сукиасян

Проблема «Библиотека и информация», от решения которой зависит степень использования фонда мировой литературы учеными и специалистами, стала особенно актуальной. Участники дискуссии уже в течение нескольких лет высказывают различные взгляды на место современной библиотеки в системе научной и технической информации.

В СССР библиотеки, особенно научные и отраслевые, которых насчитывается более 50 тысяч (статистические данные в статье приведены на 1968 г. – Э.С.), рассматриваются в качестве составной части единой системы научно-технической информации. В тесной связи с отраслевыми информационными структурами (институтами, отделами, бюро) они решают общую проблему наиболее полного и эффективного использования новейших научно-технических достижений и передового опыта в интересах развития науки и совершенствования производства.

Однако это не означает, что различия между библиотеками и информационными органами исчезнут и что библиотеки прекратят функционировать как независимые организации. Мы не разделяем радикальные взгляды американских специалистов (например, Дж. Ширы) о том, что информационные органы полностью поглотят «бывшие» библиотеки (Джесси Шира, Jesse Shera, 1903–1982, специалист в области библиотечной и информационной науки; его монография переведена и издана в СССР [Шира, 1983]. – Э.С.). Сторонники таких взглядов забывают, что библиотечно-библиографическая и информационно-документационная сферы совпадают только частично. Помимо проведения информационной работы и реализации целей общего культурного образования библиотеки занимают определенное место в системе информационной деятельности.

В советском библиотековедении считается, что существуют два вида научной и технической информации: фактографическая и библиотечно-библиографическая информация. Фактографическая информация (этот термин получает все более широкое применение в науке и специальной литературе) – это информация в виде конкретных фактических материалов,

взятых из печатных или документальных источников в итоге их аналитико-синтетической переработки. Она предназначена для удовлетворения конкретных профессиональных потребностей специалистов. Фактографическая информация обычно сводится к изложению результатов, вместо источника дается сокращенный перевод, итоговый реферат, резюме, содержащие краткое описание исследования и его практические результаты.

Библиотечно-библиографическая информация призвана ориентировать ученых и специалистов в мировом фонде литературы и помочь использовать его в максимально возможной степени. Предметом такой информации является сама литература, ее распространение происходит по мере того, как она отражается в научной литературе. Несмотря на все попытки признать важность печатных материалов, они представляют собой основной источник информации. Поэтому библиотечно-библиографические методы не устаревают, а приобретают все большее и большее значение с ростом объемов печатной продукции. Библиотечно-библиографическая информация ориентирована на удовлетворение потребностей широкого круга ученых и специалистов путем применения своих собственных методов библиографического описания и систематизации источников. В этой связи необходимо видеть различие между потребителями информации и читателями библиотек, которые по-разному используют документные ресурсы. Их потребности находят отображение в формах, методах и организации информационного обслуживания.

Разделение функций, определяемое различием между фактографической и библиографической информацией, не предполагает, что между библиотеками и информационными органами имеют место антагонистические противоречия. Напротив, те и другие тесно связаны друг с другом, являются звеньями единой информационной системы. Результаты их деятельности (например, библиографические и реферативные или фактографические пособия) используются взаимно.

Говоря о различиях между этими учреждениями, мы имеем в виду функции их деятельности и разделение сфер ответственности. Единство обеспечивается за счет не поглощения учреждений одного типа учреждениями другого, а сотрудничества и координации их работы, взаимного обмена материалами. С развитием информационной деятельности, помимо сохраняющегося обслуживания читателей, библиотеки призваны удовлетворять потребности в информации путем ее размещения в библиотечных и библиографических пособиях для последующей аналитико-синтетической обработки. Советская практика удовлетворения информационных потребностей науки и производства на основе организации фондов, собранных и обработанных в основном в библиотеках, при которой исключается дублирование в накоплении источников информации, полностью доказала свою ценность. Она стала основой для тесного взаимодействия отраслевых информационных органов и библиотек.

Следует подчеркнуть еще одну функцию библиотек как части современной информационной системы. Отраслевые информационные органы публикуют на основе аналитико-синтетической обработки реферативные периодические издания, обзоры, описания исследований и рационализаторских предложений и др. материалы. Поток таких изданий постоянно растет, что привело к появлению проблемы организации использования этих материалов. Советский опыт доказал: эту проблему можно решить с помощью сети научных и отраслевых библиотек. Библиотеки этой сети становятся основным каналом для приближения информационных изданий к предприятиям, научно-исследовательским институтам, ведомствам, непосредственно к ученым и специалистам.

В современных условиях, когда повседневно растет значение информации, требуют совершенствования библиотечные и библиографические методы информационного обслуживания в работе отраслевых библиотек. Нельзя не признать, что почти во всех странах библиотекам не удалось идти в ногу с растущими потребностями ученых и специалистов. Этот факт порой приводит к ошибочным выводам. Например, в профессиональной печати некото-

рых стран публиковались статьи, в которых делались выводы: традиционные методы библиотечно-библиографической практики устарели, библиотеки не могут удовлетворить информационные потребности науки и производства на уровне современных требований. Вспомним, что в теории информации все началось с изучения этих методов весьма механическим способом. В советском библиотековедении никто, однако, не признавал, что недостатки библиотечных методов библиографического и информационного обслуживания означают кризис библиотеки. Мы видим в любой критике задачу повышения уровня деятельности научных и отраслевых библиотек с целью обеспечения полного и рационального использования мировых ресурсов как источника научной и технической информации.

Библиотечно – библиографические методы информирования ученых и специалистов выдержали испытание временем и составляют в настоящее время основу разносторонней деятельности, осуществляемой в учебных и отраслевых библиотеках. В современных условиях сохраняется задача дальнейшего совершенствования этих методов на основе обобщения опыта. Каковы пути решения этой задачи? Какие проблемы библиотечной работы возникли в этой связи?

Прежде всего, возникла проблема научного обоснования библиотечно-библиографического обслуживания науки и производства. Поскольку раньше многие проблемы решались без соответствующих научных обоснований, советские специалисты изучали потребности ученых и специалистов, возможности использования мировой литературы с помощью социологических методов. В этом направлении пока были сделаны лишь первые шаги. Собранный материал анализируется. Анкету заполнили 13 000 ученых и специалистов. Стало ясно, что исследование позволит наметить перспективы развития научных и отраслевых библиотек, совершенствования библиотечно-библиографических методов продвижения информации (в декабре 1964 г. было принято решение приступить к изучению проблемы «Библиотека и научная информация». В этой работе под руководством О.С. Чубарьяна принимал участие большой коллектив сотрудников многих библиотек страны. Разработка программы и методов сбора и обработки необходимых данных проводилась совместно с опытными социологами и математиками. За 1965–1971 гг. опубликовано 22 сборника материалов, а выводы представлены в итоговой монографии [Специалист – библиотека – библиография, 1971]. – Э.С.).

Другой проблемой является дифференцирование библиотечно-библиографического обслуживания науки и производства, ученых и специалистов. В советском библиотековедении основной тенденцией в библиотечно-библиографическом обслуживании специалистов является отраслевая специализация. Из этого вовсе не следует, что уменьшается роль универсальных научных библиотек, что их функции, как пишут некоторые зарубежные специалисты, могут выполнять отраслевые библиотеки. Проведенный опрос показал, что подавляющее число ученых и специалистов пользуются двумя или тремя библиотеками. Использование нескольких библиотек объясняется широтой и разнообразием библиотечно-библиографических потребностей. Они не могут быть удовлетворены только библиотеками одного типа.

Для обеспечения разносторонних потребностей ученых и специалистов в стране функционируют библиотеки двух типов: универсальные научные и отраслевые научные. Каждый из этих типов библиотек выполняет свои задачи.

Универсальные научные библиотеки являются крупнейшими библиотечными учреждениями государственного значения. Они предназначены для широких кругов читателей и размещаются в стране по территориальному признаку, образуя сеть общегосударственных библиотек, центральных библиотек в республиках, краях и областях. С точки зрения содержания их информационная работа строится на основе обязательного экземпляра. Бесплатный обязательный экземпляр поступает в общегосударственные библиотеки страны и является базой их библиографической деятельности. Региональные универсальные научные библиотеки централизованно обеспечиваются платным обязательным экземпляром (система платного обязатель-

ного экземпляра была введена в СССР в 1932 г., получением изданий и их распределением по сети библиотек страны занимался Центральный коллектор научных библиотек. – Э.С.). На этой основе универсальные научные библиотеки обеспечивают ученых и специалистов библиографической информацией межотраслевого, полидисциплинарного характера. Обнаруживаются межотраслевые связи, вскрываются закономерности взаимопроникновения наук и технологий. Кроме того, универсальные научные библиотеки комплектуются малотиражной литературой, которая не поступает в научные и отраслевые библиотеки. Важно также, что в фондах универсальных научных библиотек собираются значительные коллекции зарубежной литературы, которой, как правило, нет в отраслевых библиотеках.

Отраслевые и научные библиотеки, в отличие от универсальных, предназначены для удовлетворения конкретных библиотечных и библиографических запросов, связанных с профессиональной практической деятельностью их читателей. Эти библиотеки тесно связаны с предприятиями, научными учреждениями, конструкторскими бюро, их деятельность ориентирована на планы и подчинена решению задач тех организаций, при которых они функционируют. Значительную часть этой сети составляют технические библиотеки предприятий, обслуживающие как инженерно-технический персонал, так и квалифицированных рабочих.

Советский опыт доказал необходимость дифференцированного библиотечно-библиографического информационного обслуживания ученых и специалистов. Однако дифференциация научных и отраслевых библиотек не означает, что они осуществляют свою деятельность изолированно друг от друга. Невозможно представить библиотеку, которая могла бы удовлетворить собственными ресурсами все потребности науки и производства – даже в том случае, если она постоянно пополняет свои коллекции. В современных условиях проблема формирования единой системы библиотечно-библиографического обслуживания ученых и специалистов стала особенно острой. На практике единство системы информации библиотечно-библиографического обслуживания предполагает: четкое распределение функций между научными и отраслевыми библиотеками региона или отраслевой сети библиотек; сотрудничество и координацию комплектования библиотечных фондов в целях устранения параллелизма, хаотического накопления литературы без понимания перспективы ее рационального использования; организацию на национальном уровне широкого взаимоиспользования библиотечных ресурсов (фонды, библиографические ресурсы и т. п.); кооперацию деятельности библиотек по созданию справочного и библиографического аппарата, подготовке изданий текущей и ретроспективной библиографии.

Особое значение приобретает деятельность депозитарных библиотек. В СССР они не рассматриваются как собрания литературы, потерявшей актуальность. У нас депозитарная библиотека является центральным звеном в системе библиотечно-библиографического обслуживания науки и производства. Фонды большинства отраслевых и научных библиотек (в особенности тех, которые функционируют в научно-исследовательских учреждениях и на предприятиях) рассматриваются как коллекции оперативного назначения, содержащие актуальную литературу. Здесь нет необходимости держать публикации за многие годы, устаревшие по содержанию, редко спрашиваемые. В соответствии с единым планом комплектования некоторые издания собираются в центральных отраслевых или универсальных библиотеках, где они становятся доступными для общего пользования. Таким образом, функция депозитарного хранения реализуется в процессе комплектования фондов.

Текущая библиографическая информация – основной метод удовлетворения запросов ученых и специалистов, база информационной деятельности научных и отраслевых библиотек. Эта концепция предполагает создание отраслевых библиографических пособий, ориентированных на оперативное информирование о мировой литературе. Современные методы обеспечения информацией науки и производства базируются на основе рациональной системы текущих библиографических информационных изданий. Комплектование библиотечных фон-

дов (в особенности контроль за полнотой отбора), создание справочного аппарата (каталогов, библиографических картотек), весь процесс удовлетворения информационных, справочных и библиографических запросов ученых напрямую зависят от состояния этой системы. Поэтому библиотеки проявляют живой интерес к ее проблемам. Участие в подготовке изданий текущей библиографической информации, как и последующее их максимальное использование в обслуживании читателей, является одной из основных задач научных и отраслевых библиотек.

Отечественный опыт государственного библиографического учета заслуживает внимания. Такие издания, как «Книжная летопись», «Летопись журнальных статей», другие издания государственной библиографии, позволяют предоставить полную информацию обо всей печатной продукции СССР и составляют основу централизованной каталогизации для научных и отраслевых библиотек. С 1953 г. в стране начато издание «Реферативного журнала» (в 1967 г. он издавался в 162 сериях). Многие центральные научные и отраслевые библиотеки публикуют библиографические списки и бюллетени, содержащие важную информацию о мировой литературе. Сводные каталоги (традиционные указатели ретроспективного характера) не рассматриваются сейчас библиотековедами как форма текущей информации – они выполняют иные функции, превращаются в периодические отраслевые издания кумулятивного характера.

Параллельно с развитием справочной и библиографической деятельности в последние десятилетия библиотеки обогатились новым опытом, новыми методами обеспечения информацией ученых и специалистов. Приведем несколько примеров.

Научные и отраслевые библиотеки ввели в практику такой новый прогрессивный метод информирования, как постоянные выставки отечественной и зарубежной литературы для читателей. Многие библиотеки создали для этого специальные читальные залы. Вряд ли можно переоценить значение этого новшества (выставки, а позже и постоянно функционирующие в библиотеках читальные залы новых поступлений, как форма информационного обслуживания ученых и специалистов появились в 1960-х гг. и в течение десятилетия стали нормой библиотечной практики. – Э.С.). Его реализация приблизила к читателям фонды библиотек, сделала возможным оперативное информирование. Читатели узнавали о новых публикациях раньше появления информации в библиографических указателях.

Еще одним способом массового информирования читателей стали обзоры текущей специальной литературы. Многие библиотеки организовали для этой работы группы компетентных читателей. Им в первую очередь предоставлялись новые поступления – для анализа. Библиотечные обзоры оказались эффективной формой массового информирования о новой производственной литературе (по различным направлениям техники, медицины, сельскохозяйственного производства). Библиотеки стали публиковать сборники обзоров по отдельным актуальным вопросам.

Новые методы информационной работы библиотек, сложившиеся в их практической работе, выдержали испытание временем и сейчас доказывают свою эффективность.

Приходится соглашаться с тем, что мы встречаемся с серьезным отставанием уровня механизации и автоматизации библиотечных процессов. Первые шаги (часто пока еще экспериментальные) показали, что развитие библиотек, повышение уровня их информационной деятельности напрямую зависят от достижений в этих областях. Мы выступаем против высказываемых иногда ультрамеханистических взглядов превращения библиотеки в машину. Механизация и автоматизация производственных процессов рассматриваются нами как вспомогательное средство совершенствования работы библиотек, повышающее качество и оперативность многих библиотечно-библиографических процессов.

Хотелось бы остановиться особо на проблемах автоматизации библиографического поиска и создании такой системы связей между библиотеками, которая позволила бы упростить взаимное использование их фондов.

Для решения проблем автоматизации библиографического поиска в стране мы приступили к исследованиям, рассчитанным на длительный период (О.С. Чубарьян имеет в виду развернувшиеся в Государственной библиотеке СССР им. В.И. Ленина во второй половине 1960-х гг. проектно-конструкторские работы группы под руководством В.Ю. Невраева, целью которых была автоматизированная подготовка печатных машинных каталогов на основе ввода кодированной библиографической информации в ЭВМ; система была разработана специалистами этой библиотеки, прошла экспериментальную проверку и доказала свою эффективность; в 1974 г. работы прекращены. – Э.С.). Не выдвигая на первом этапе новых конструктивных предложений, мы изучаем возможности использования современных электронных вычислительных машин в библиографической деятельности, прежде всего для подготовки и издания печатных каталогов на основе машинной обработки. Подготовленные таким образом печатные каталоги позволят решить вопросы координации справочной и библиографической работы. Мы столкнулись с проблемами создания информационно-поискового языка, разработки принципов кодирования при автоматизированной обработке новых поступлений, с необходимостью выяснения особенностей автоматизированного поиска и выдачи библиографических справок.

Разработанная два года назад система оперативной связи должна была решить задачи передачи запросов и списков литературы между Государственной библиотекой СССР им. В.И. Ленина и Всесоюзной библиотекой иностранной литературы (ВГБИЛ), недавно переехавшей в новое великолепное здание в прекрасном районе Москвы, на пересечении рек Москва и Яуза. Четыре века назад здесь проходила граница древнего Белого города. ВГБИЛ, основанная более 45 лет назад, еще недавно обслуживавшая ограниченное число читателей, превратилась в главный депозитарий иностранной литературы в СССР, уникальное в мировой практике учреждение культуры. Ее работа разнообразна, охватывает не только традиционные сферы библиотечной и библиографической работы (в том числе справочной и информационной), но и область образования, распространения мировой прогрессивной культуры. Библиотека ведет справочно-библиографическое обслуживание по зарубежной литературе для всех библиотек страны, работает как центр межбиблиотечного и международного абонемента. Мы предполагаем, что с ее появлением будет радикально преобразована работа с фондами литературы на иностранных языках, рационально решены вопросы координации комплектования зарубежной литературой.

Мы сделали попытку представить в наиболее общем виде советский опыт организации библиотечно-библиографического обслуживания ученых и специалистов. Взаимный обмен опытом является важной предпосылкой для успешного решения многих проблем современной библиотечной практики, в том числе для повышения роли и значения библиотек в обеспечении информацией науки и производства.

Библиография

Специалист – библиотека – библиография: опыт исследования профессиональных потребностей в информации. М.: Книга, 1971. 446 с.

Творчество как формула жизни. Страницы биографии О.С. Чубарьяна / [сост., организатор проекта Л.М. Инькова]; Рос. гос. б-ка. М.: Пашков дом, 2008. 375 с.

Чубарьян О.С. Общее библиотековедение: Учебник для библиотечных ин-тов. 1-е изд., М.: Советская Россия, 1960. 202 с.

Чубарьян О.С. Человек и книга: Социал. пробл. Чтения. Тбилиси: Сабчота Сакартвело, 1985. 124 с.

Чубарьян, О.С. Проблемы теории и практики библиотечного дела в СССР: избр. тр. М.: Книга, 1979. 264 с.

ШираДж. Введение в библиотековедение = Introduction to Library Science: основные элементы библиотечного обслуживания / Пер. В.В. Скворцов, Э.Г. Азгальдов. М.: Высшая школа, 1983. 256 с.

Тайна долгой жизни идей моего отца

Secret of long life the ideas of my father

УДК 02(47+57)

А.О. Чубарьян,

A.O. Chubaryan

Аннотация: тайна долгой жизни идей О.С. Чубарьяна во многом связана со сходством проблем, обсуждавшихся в 1960—1970-х гг. и в настоящее время. Его центральная идея состояла в том, что библиотека есть и будет оставаться важнейшей формой хранения и репрезентации информации и важнейшим средством ознакомления пользователей с книгой, а книга и чтение – это главное средство познания, выработки мировоззрения, воспитания, т. е. овладения культурой в широком смысле. Библиотека играет активную роль в формировании человека. Главная задача заключается в том, чтобы найти баланс между огромными достижениями в области информационных технологий и пониманием роли культуры.

Abstract: the secret of long life of ideas O. S. Chubaryan is largely connected with the similarity of the problems discussed in the 1960s-1970s and at present. His Central idea was that the library is and will remain the most important form of storage and representation of information and an important means of familiarization of users with the book, and the book and reading are the main means of knowledge production Outlook, upbringing, i.e. learning culture in a broad sense. The library plays an active role in the formation of man. The main challenge is to find the balance between the huge advances in information technology and understanding the role of culture.

Ключевые слова: библиотековедение, историческая наука, информация, информационные технологии, библиотека, книги, чтение, познание, культура, дефицит образованности.

Keywords: librarianship, historical science, information, information technology, library, books, reading, knowledge, culture, lack of education.

Тайна долгой жизни идей моего отца во многом связана, мне кажется, со сходством проблем, обсуждавшихся в 1960—1970-х гг. и в наше время. Собственно, тогда и возникла точка зрения, распространенная до сих пор: об отмирании библиотек. В то время начали создаваться научно-информационные центры внутри библиотек, вокруг библиотек, и многие высказывали мнение, что с развитием информационных технологий необходимость в библиотеках отпадает. Центральная же идея моего отца, Огана Степановича Чубарьяна, состояла в том, что, напротив, библиотека есть и будет оставаться важнейшим средством ознакомления пользователей с книгой, а книга и чтение – это главное средство познания, выработки мировоззрения, воспитания, т. е. овладения культурой в широком смысле, которое в значительной степени проходит через книгу, печатные издания.

Прекрасно помню, что отец с самого начала этих дискуссий занял ясную, последовательную позицию, которую поддерживал концептуально и практически. Концептуальность состояла в том, что он считал библиотеки главным способом продвижения книги, а также выработки знания об обществе, о его принципах, истории, литературе, культуре в целом, так что роль библиотек в принципе не может подвергаться сомнению. Параллельно он реализовал эти идеи в работе, которую вел незадолго до своей кончины. В частности, он выпустил небольшое исследование, посвященное роли чтения в современном мире, – «Человек и книга: Социальные проблемы чтения» (М.: Наука, 1978). В Библиотеке им. В.И. Ленина была группа, которая

занималась социологией чтения, возглавляла ее заведующая сектором книги и чтения научно-исследовательского отдела В.Д. Стельмах, и мой отец опирался на данные этой группы. Социология чтения включала в себя и массу опросов о том, какое место оно занимает в жизни людей. Мой отец полагал, что эта сторона проблемы (социологический аспект и вообще роль чтения) является одним из основных фактов, подтверждающих его мысль относительно роли библиотек. Библиотеки, по его мнению, служили не просто книгохранилищем, хранилищем информации: он придавал очень большое значение *активной* роли библиотек в процессе культурной адаптации отдельных индивидов и их групп. Тема библиотек не выходила из его поля зрения. Он считал, что библиотека есть важнейшая форма хранения и репрезентации информации, которая идет по линии развития библиографии, информационных выпусков, информационного обеспечения, доведения книги до широких масс. Речь шла не просто о книгах и других печатных изданиях, а о (тогда это было модное слово, которое сейчас не любят) – *пропаганде* книги. Я знаю, что в эту работу было вовлечено Министерство культуры, помню большие совещания, которые проходили по данному вопросу. И это стало темой периодических встреч руководителей библиотечного дела Советского Союза. Тема фигурировала и как международная – на встречах в странах так называемого социалистического лагеря; отец выезжал туда довольно часто, имел широкие связи. Я и сам знал руководителей библиотечного дела ГДР, Болгарии, Польши. Он же имел связи с западными странами, инициировал создание и в 1969–1976 гг. был председателем Комиссии истории и теории библиотечного дела Международной федерации библиотечных ассоциаций и учреждений. Насколько я помню, его идеи получали широкую поддержку. В результате идея отмирания библиотек надолго отпала и возродилась только в наши дни.

Почему? Во-первых, конечно, изменились информационные технологии, появился Интернет, который во многих случаях заменяет другие источники информации. Это нововведение изменило нашу жизнь, изменило облик нашей молодежи, сделало ее активным участником современной жизни, так что теперь трудно представить нашу жизнь без Интернета. А во-вторых, мы – да и весь мир – столкнулись с дефицитом образованности. Советские люди были самым читающим народом в мире. А сейчас мы видим в России распространение... малообразованных людей. Когда я возглавлял группу по преподаванию истории в школе, то столкнулся с этим. И сегодня сталкиваюсь – как сопредседатель комиссии по изменению курса обществознания в школе. Постоянно озвучивается вопрос: а зачем нам все это – библиотеки, русская литература? Зачем современному молодому человеку читать «Войну и мир»? Это же тяжело. Может быть, достаточно изучить сюжет, посмотреть экранизацию, прочитать краткое изложение книги в Интернете. Я слышал эти вопросы на многих обсуждениях. По мнению таких людей, Интернет может заменить и чтение, и исторические изыскания (исторические документы также можно смотреть в Интернете). Я знаю массу коллег, которые готовят научные труды, пользуясь только Интернетом. Бывает так, что исследователи ссылаются на архивные источники, хотя сами никогда не бывали в архивах. А ведь школьникам нужно прививать интерес к чтению не ради знания сюжетов, а для воспитания эстетического вкуса, приобщения к культуре. Сейчас в нашей стране, да и в мире целом, дефицит на культурных людей. И тяга к культуре все еще велика. Вот недавно всех поразили очереди на выставку Серова, когда вдруг масса людей ринулась в очереди посмотреть «Девушку с персиками», хотя ее всегда можно видеть в Третьяковской галерее (на выставке «Валентин Серов. К 150-летию со дня рождения», проходившей 7 октября 2015 – 31 января 2016 в Москве, в Третьяковской галерее на Крымском Валу, были представлены 255 произведений мастера из 25 российских и 4 зарубежных музеев, а также из 9 частных коллекций. – *Прим. ред.*). Это неплохой признак. Но плохо, когда интерес идет не от желания приобщиться к культуре, а просто от моды.

Сегодня существует большая опасность: чтение перестало быть спутником жизни. Вновь возрождается вопрос: зачем нам библиотеки? Раньше же в библиотеки ходили не только

для того, чтобы написать кандидатскую или докторскую диссертацию. Многие ходили, чтобы читать романы. Наше общество вновь стоит перед необходимостью выработки каких-то норм и принципов взаимосвязи информации и учреждений культуры – музеев, библиотек, архивов. Кстати, моя идея, которую наверняка поддержал бы мой отец, состоит в том, что надо в обязательную программу для школьников ввести, как это сделано уже во многих странах, обязательное посещение музеев, библиотек. Это должно быть частью внеурочной, но обязательной программы: раз в месяц сходить в музей и обязательно в библиотеку – подержать в руках книги, увидеть их. Это имело бы огромное воспитательное значение.

Отец стоял за активную роль библиотеки в формировании облика человека. А ведь Интернет – это не форма воспитания. Человек там сам выбирает, что смотреть. Если он недостаточно культурен, образован, то блуждание по Интернету ничего не даст ему. Потому найти баланс между огромными достижениями в области информационных технологий и пониманием роли культуры крайне важно. Иначе можно дойти до абсурда – не прочесть в жизни ни одной книги, ни разу не сходить в библиотеку, вообще не понимать, что такое библиотека. Конечно, в библиотеках полно макулатуры – и оставшейся от советского периода, и современной. Но недостатки не являются основанием для ликвидации основы.

Сейчас идут дискуссии вокруг школьного курса литературы. Опять царит вкусовщина. Но в том, что библиотека должна оставаться центром притяжения, центром распространения знания, воспитания, просвещения, что эта роль должна быть за библиотеками сохранена – в этом, как и во времена моего отца, нет сомнения. Когда культурные люди приезжают в Лондон, они считают для себя обязательным сходить в библиотеку Британского музея.

Думаю, надо возродить интерес к чтению. Недавно патриарх Кирилл, выступая за создание общества русской словесности, начал с того, что процент читающего населения у нас снизился, Россия откатилась примерно на 30-е месте по чтению. Особенно пугают цифры по уровню чтения среди молодежи. У многих моих знакомых дети ничего читают, а многие читают, только чтобы сдать ЕГЭ. Раньше библиотеки организовывали читательские конференции, выпускали рекомендательные списки чтения. Сейчас это перестало быть правилом. Это надо возрождать. Современная литература очень разнообразна и неоднородна по качеству. Как молодому поколению разобраться в ней?

Кстати, выбор мною профессии – во многом заслуга моего отца. Он понимал значение истории. Я окончил школу с золотой медалью и мог в то время поступить в любой вуз без экзаменов. Я собирался пойти в МГИМО, но накануне подачи документов вечером папа (а он был человеком очень гуманным, мягким и деликатным) сказал мне: а может, тебе все-таки подать документы не в МГИМО, а в Московский государственный университет? МГУ им. М.В. Ломоносова был тогда синонимом классического образования. Почти все ведущие историки России были оттуда: Ключевский, Грановский, Соловьев и др. Так что отец понимал значение истории и горячо поддерживал мой интерес к ней. Причем к разным ее аспектам. Отец был одним из основателей Клуба миниатюрной книги, собирал их, у меня хранится большая коллекция. Под его редакцией вышел каталог миниатюрной книги – тоже в миниатюрном издании. Я и после смерти папы ходил в Клуб, связан с этими людьми. Что интересно: папу интересовала концептуально-методологическая роль миниатюрной книги. В качестве источника информации ее роль довольно сомнительна, но в качестве стимула к чтению книг обычного формата миниатюрная книга имеет культурное значение. Мой отец опубликовал ряд статей по теоретическому обоснованию роли такой книги. Тогда это было актуально. Хрущев не хотел, чтобы его издавали в миниатюрном варианте, зато Брежнев издавали в миниатюрном варианте очень активно. Все, что было связано с книгой и культурой, было интересно моему отцу. Кроме миниатюрных книг, он собирал открытки и марки, но не любые, а только открытки и марки, посвященные деятелям культуры и книгам. Мой отец превосходно читал лекции, ярко, интересно. Но его роль была и в том, что он поддерживал, как сегодня бы мы сказали, демо-

кратический дух. Однажды в «Литературной газете» появилась статья, в которой его обвиняли в потворстве сионистам, перечислялись фамилии сотрудников, профессоров, которых он поддерживал. Его вызывали на заседание в горком. Прекрасно помню, как на кухне он это с мамой обсуждал. На 10 марта 1953 г. было назначено заседание по его персональному делу. Но после 5 марта позвонили и сказали, что заседание отложено. На том все и закончилось. Армия была в общем-то несовместима с его характером и складом ума. Отец прошел войну, но после ранения он остался в Гатчине, где преподавал тактику в высшем военном училище.

Он настолько гуманно относился к людям, что я просто не знаю людей, которые бы плохо относились к нему. Но как всегда бывает, такие люди очень ранимы, и жизнь ему портили. Те, кто с ним работал, отмечали его как организатора, но не как командира – он не командовал. Я сам многие годы был директором института и знаю, как это тяжело.

Отец умел сразу понять суть спора, суть проблемы, суть разногласия. И в военной тактике он мог разобраться – не только с точки зрения военного применения, но и с точки зрения, как сегодня бы сказали, менеджмента.

Вообще же, тема библиотек, как и тема музеев и архивов, – постоянная тема, поскольку сохраняется их задача – снабжать информацией пользователей: и тех, кто просто интересуется, и тех, кто занимается профессиональными исследованиями, и общество в целом. Информация – специфическая отрасль, и по мере ее развития, уверен, роль библиотек будет сохраняться.

Библиография

Творчество как формула жизни. Страницы биографии О.С. Чубарьяна / [сост., организатор проекта Л.М. Инькова]; Рос. гос. б-ка. М.: Пашков дом, 2008. 375 с.

Чубарьян О.С. Общее библиотековедение: Учебник для библиотечных ин-тов. 1 – е изд., М.: Советская Россия, 1960. 202 с.

Чубарьян О.С. Человек и книга: Социальные проблемы чтения. Тбилиси: Сабчота Сакартвело, 1985. 124 с.

Чубарьян, О.С. Проблемы теории и практики библиотечного дела в СССР: избр. тр. М.: Книга, 1979. 264 с.

Историческая наука и библиотеки: грани соприкосновения

Historical science and the library: faces of contact

УДК 02; 930

М.Д. Афанасьев,

M.D. Afanas'ev

Аннотация: библиотеки в силу своих функций являются важным информационным институтом для историка. Одновременно научное сообщество оказывает поддержку библиотекам в пополнении фондов, в создании информационных систем. Библиографические проекты библиотек (в частности, библиографирование дневников и мемуаров) создают фундамент для исторических исследований. В настоящее время осознается значение библиотеки как «места памяти». Этому содействует активная деятельность библиотек в изучении местной истории, проведении историко-культурных исследований. Организуя научные конференции («Чтения»), дискуссионные «круглые столы», библиотеки осуществляют научно-организационную поддержку исторических исследований. В итоге совместная деятельность ученых-историков и библиотекарей создает эффективную основу для исторических исследований.

Abstract: By virtue of their functions, libraries are important information institution for historians. At the same time, the scientific community offers support for libraries as in replenishing funds and the creation of information systems. Bibliographic library projects (in particular, a bibliography of diaries and memoirs) provide the foundation for historical researches. Currently becoming more and more aware of the importance of the library as a “memory space”. This promotes vigorous activity of libraries in local history studies and carrying out historical and cultural studies. Organizing scientific conferences (“Chteniya”), discussion roundtables, the libraries provides scientific and organizational support for historical researches. As a result, joint work of historians and librarians creates an effective basis for historical research.

Ключевые слова: историческая наука, библиотековедение, библиотека, фонды как информационный ресурс, «место памяти», научная библиография, историко-культурные исследования, научное сообщество, коммуникация, научно-организационная поддержка исследований.

Keywords: historical science, library science, library as an information resource, a «place of memory», scientific bibliography, history and cultural studies, scientific community, communication, organization and research support.

Предметом рассмотрения в данной работе будет вопрос о формах взаимодействия библиотек и исторической науки в России. Нет никакого сомнения, что на протяжении всей истории библиотек, в силу своих функций, они работали в сфере информационного обеспечения ученых-историков. Но в каждую историческую эпоху формы и характер взаимодействия историков и библиотек были различными. Последние десятилетия, начиная с перестройки, стали одними из наиболее динамично развивающихся в российской истории. В полной мере это затронуло и историческую науку. Библиотеки, несмотря на их более консервативный характер, также радикально изменились.

Как учреждение, предоставляющее услуги обществу, библиотека не может быть абсолютно независимой. В противном случае она будет, в соответствии с законом Паркинсона, бюрократической организацией, которая самостоятельно формулирует задачи для себя и сама

их решает. Энергичная и полезная библиотека ориентирована на потребности общества, идет за ними или предвидит их, не прерывая связи со своими пользователями.

Другим важным фактором (в дополнение к требованиям аудитории), определяющим форму работы библиотеки извне, является ее место в государстве. Без необходимой государственной поддержки, без регулярных поступлений литературы библиотека не может отвечать запросам своих пользователей и, следовательно, не может адекватно реагировать на потребности общества.

Наконец, и само научное сообщество оказывается значимым для библиотеки не только как «потребитель» ее услуг, но и как заинтересованный партнер в строительстве библиотеки, отвечающей его нуждам и, в конечном счете, потребностям всего общества. Попробуем рассмотреть те точки соприкосновения, в которых происходит процесс взаимопользы и взаимобогащения.

Библиотеки как ресурсная база исторических исследований. Говоря о том, в какой степени библиотеки способны оказать помощь исторической науке, следует оценить ресурсные возможности данного института.

При многочисленности библиотек в стране с крупными фондами, ориентированными на удовлетворение исследовательских запросов в области истории и, шире, гуманитарных и общественных наук, сравнительно немного. В первую очередь укажем на национальные библиотеки: Российская государственная библиотека (РГБ; общий фонд 40,2 млн экземпляров, из них 15,6 млн книг), Российская национальная библиотека (РНБ; общий фонд 32 млн экземпляров, из которых 13 млн книг), Президентская библиотека им. Б.Н. Ельцина, быстро набирающая силу в сфере электронных ресурсов и цифровых копий печатных и рукописных документов (в настоящее время ее фонд электронных документов по социальным и гуманитарным наукам превышает 200 тыс. ед. и быстро пополняется).

Крупными библиотеками гуманитарного профиля являются три федеральные библиотеки: Государственная публичная историческая библиотека России (ГПИБ России; фонд 6 млн экземпляров, из них 3,9 млн книг), Всероссийская государственная библиотека иностранной литературы им. М.И. Рудомино (ВГБИЛ; фонд 4,6 млн экземпляров, из них 2 млн книг), Российская государственная библиотека искусств (РГБИ; фонд около 1,7 млн экземпляров).

Крупнейшим книжным ресурсом обладает Российская академия наук, имея библиотечные сети в Санкт-Петербурге (Библиотека РАН, БАН; фонд 19,5 млн экземпляров, из них 7, 4 млн книг), Москве (Библиотека ИНИОН РАН с филиалами в институтах), Новосибирске (Государственная публичная научно-техническая библиотека Сибирского отделения РАН, ГПНТБ СО РАН; фонд 9 млн экземпляров, в том числе 10 тыс. рукописей и старопечатных изданий).

Важный ресурс составляют библиотеки ведущих университетов: Научная библиотека Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова (общий фонд 8,5 млн экземпляров, из них 5 млн книг), Научная библиотека Санкт-Петербургского государственного университета (общий фонд 6,5 млн экземпляров, из них 4,3 млн книг), Научная библиотека им. Н.И. Лобачевского Казанского (Приволжского) федерального университета (общий фонд 4,6 млн экземпляров, из них 2,5 млн книг), зональные научные библиотеки – им. Ю.А. Жданова Южного федерального университета (общий фонд 2,3 млн экземпляров, из них 1,5 млн книг) и им. В.А. Артисевич Саратовского государственного университета им. Н.Г. Чернышевского (3,2 млн экземпляров), а также научная библиотека Томского государственного университета (3 млн экземпляров).

Следующий уровень составляют библиотеки субъектов Российской Федерации, чьи объемы фондов варьируются в зависимости от «возраста» и характера деятельности библиотеки между 3 млн и 200 тыс. экземпляров.

Ценные для историков библиотечные фонды содержат ряд библиотек музеев: Государственных Эрмитажа (общий фонд 600 тыс. экземпляров) и Русского музея в Санкт-Петербурге, Государственного исторического музея и Третьяковской галереи в Москве и др.

Основная ответственность сбора источников информации для работы историков, таким образом, лежит в России примерно на 150 библиотеках, имеющих очень разный потенциал и очень разное (далеко не всегда хорошее) материальное обеспечение. В отличие от архивов, широко практикующих издание путеводителей и имеющих единый информационный портал «Архивы России», дающий информацию ученым о данной ресурсной базе, подобных публикаций о библиотечной системе нет. Последний выпуск справочника «Библиотеки России» вышел в свет в 2000 г. [Большие и малые библиотеки России, 2000].

Совместные усилия библиотек и научного сообщества в пополнении фондов библиотек. Ресурсное значение библиотек складывается из двух компонентов – накопленных за годы существования фондов (их объем, применительно к перечисленным библиотекам, мы указали выше) и пополнения фондов выходящей литературой (отечественной и зарубежной). Насколько полно и оперативно будет идти этот процесс, настолько полезна, в конечном счете, окажется для исследователя та или иная библиотека.

В последние десятилетия любой исследователь в России, и историк здесь не исключение, оказался в чрезвычайно сложной ситуации. На смену периоду сокращения возможности опубликовать научную книгу, характерному для начала 1990-х гг., пришло время, когда количество публикаций стабилизировалось, однако тиражи изданий неуклонно снижаются. Так, в 2012 г. вышли в свет книги по истории и исторической науке (включая и научно-популярные издания) 3936 названий, средним тиражом 1720 экземпляров, а через три года, в 2015 г., – на одно название больше (3937), но тиражом уже 1382 экземпляра [здесь и далее подсчитано по: Печать Российской Федерации]. Для большей части научной литературы тираж был гораздо ниже. Как указывается в справке, опубликованной на сайте Всероссийской книжной палаты в 2015 г., «среди тиражных групп, как и обычно, по количеству названий доминируют две категории изданий, а именно – малотиражные (до 500 экземпляров) и среднетиражные (до 5 тыс. экземпляров). К первой группе относится основная часть научных и краеведческих изданий» [Там же]. То есть именно те, которые представляют особый интерес для научного сообщества историков. Еще один характерный пример: один из лидеров издания исторической литературы, входящий в топ-лист 100 самых активных издательств России, издательство «Нестор-история», имел в 2015 г. средний тираж в 385 экземпляров.

Особую остроту с доступностью вышедших книг наблюдаем по отношению к региональным изданиям. Если в Москве и Санкт-Петербурге, где концентрируется значительная часть институтов, занимающихся изучением истории, доступ к вышедшим здесь книгам можно так или иначе решить, то малый тираж научных книг, вышедших вне столиц, делает их практически недоступными.

Средние тиражи книг, вышедших в 2015 г. по федеральным округам

Федеральный округ	Средний тираж, экз.
Дальневосточный ФО	585
Приволжский ФО	1548
Крымский ФО	670
Северо-Кавказский ФО	573
Сибирский ФО	321
Уральский ФО	631
Южный ФО	1542

Из приведенной таблицы исключены Центральный и Северо-Западный округа, куда входят Москва и Санкт-Петербург, «смазывающие» картину. Надо иметь в виду, что в ней учтены

все издания, вышедшие на указанной территории, а не только научная литература. Последняя, как знаем, имеет еще меньшие тиражи.

Когда ученый находится в ситуации ограниченной доступности новой научной литературы по истории, особо важной представляется роль библиотек в ее приобретении и предоставлении читателю. Из библиотек, перечисленных выше, только семь, в соответствии с Федеральным законом об обязательном экземпляре документов, принятом в 1994 г., обладают правом получения такого экземпляра: РГБ, РНБ, БАН, ГПНТБ СО РАН, ГПИБ России, Научная библиотека МГУ, ИНИОН РАН (в настоящее время предпринимаются законодательные попытки сократить число получателей обязательного экземпляра, но и в сокращенный список, по-видимому, войдет большинство из перечисленных библиотек). Другие библиотеки приобретают их самостоятельно через конкурсные процедуры (торги) или напрямую у издателей.

Но даже получение обязательного экземпляра не избавляет библиотеку от пробелов в своем фонде. Это вызывает особую тревогу, потому что пробелы затрагивают в основном ту литературу, которую практически невозможно найти за пределами библиотеки. В число обязательных экземпляров не попадают наиболее важные для ученых издания. Это, во-первых, – книги, вышедшие ограниченным тиражом, выпущенные на средства авторов. Вторая группа включает книги российских авторов на русском языке, опубликованные при поддержке зарубежных центров или издателей (иногда с указанием Москвы как места создания). Напечатанные за рубежом, они оказываются вне системы обязательного экземпляра и крайне нерегулярно поступают в российские библиотеки.

Эксперты спорят о фактическом количестве книг, которые не доходят до библиографического учета Книжной палаты, поэтому не включены в государственные библиографические указатели и не поступают автоматически в крупнейшие книгохранилища. Пессимистические оценки колеблются между 15–20 % всех вышедших изданий, более реалистична цифра 5–10 %.

Библиотеки прилагают усилия, чтобы уменьшить пробелы, используют для этого различные формы, изыскивая дополнительные источники приобретения литературы. В арсенале методов, например, Исторической библиотеки – работа на книжных ярмарках, в том числе региональных, тесные книгообменные связи с библиотеками субъектов Российской Федерации, мониторинг издательской деятельности академических институтов и исследовательских центров и групп в вузах страны, использование своих представителей в крупных городах – центрах книгоиздания.

Именно в сфере пополнения фондов библиотек актуальной, но труднодоступной литературой есть широкое поле для сотрудничества между библиотеками и научным сообществом. Обе стороны оказываются заинтересованы в полном и качественном комплектовании фондов библиотек. В описанной ситуации объединение усилий привело к тому, что сами авторы, издатели, читатели библиотеки проявляют заботу о том, чтобы их книги и книги, необходимые профессиональному сообществу, были в библиотеках. Не случайно сегодня важный источник библиотечных приобретений составляют книжные пожертвования частных лиц и организаций.

Ежегодно, как и многие другие библиотеки, Историческая библиотека получает книги от авторов научных трудов, редакторов и издателей. Многие из этих книг не учтены Книжной палатой в обязательном экземпляре и не поступили в библиотеку иным путем. Среди поступающих в дар книг есть и зарубежные издания отечественных авторов, и книги прежних лет издания, по тем или иным причинам отсутствующие в фонде. Объем бесплатных поступлений достигает 3000 экземпляров в год. Большое количество книжных пожертвований является не только выражением признательности и благодарности со стороны читателя за помощь в работе, но и результатом целенаправленных совместных усилий библиотеки и ее читателей в общем и важном деле.

Значение справочно-поискового аппарата библиотеки как инструмента содействия историческим исследованиям. Как бы ни

были богаты фонды библиотеки, они останутся невостребованными без справочного аппарата, позволяющего осуществлять эффективный поиск информации. Традиционно, до появления электронных инструментов организации поиска, таким аппаратом в библиотеках являлась система каталогов. На примере ГПИБ России можно увидеть, как взаимная заинтересованность ученых и библиотекарей в решении этой проблемы привела к созданию уникальной поисковой системы.

Уже в момент создания библиотеки в 1938 г. на основе соединенных библиотек Исторического музея (ГИМ) и Институты красной профессуры встал вопрос о формировании единой системы каталогов библиотеки, ориентированной на читателя-историка. В процессе работы по слиянию каталогов разнородных библиотек, лежащих в основе нового собрания, в единый алфавитный каталог были приняты принципиальные решения, повысившие его поисковые возможности. К наиболее важным из них отнесем два. Первое – описание оттисков статей, широко представленных в собрании ГИМа, как самостоятельных изданий. Это позволило ввести в научный оборот множество журнальных публикаций, которые в ином случае были бы малоизвестны научной общественности. Второе – разработка собственной системы коллективных авторов, позволившей с большой эффективностью сгруппировать разнообразные издания учреждений вне зависимости от того, как менялось его наименование и в каких формах оно выпускало свои труды.

В начале 1950-х гг. библиотека приступила к созданию систематического каталога. Система классификации для него разрабатывалась библиотечными специалистами совместно со специально созданной Академией наук СССР группой историков. Созданная схема классификации пошла проверку временем и, несмотря на кардинальные идеологические перемены, в своей основе сохранилась и в постсоветское время. Систематический каталог создавался на базе существовавшего в библиотеке ГИМа предметного каталога, однако полностью предметный каталог не был ликвидирован – сохранены и стали развиваться как самостоятельный поисковый инструмент предметные рубрики, более эффективно отражавшие содержание документов, нежели разделы систематического каталога (персоналии, географические названия и т. п.).

Принципиальным решением ГПИБ стало включение в систематический каталог описаний статей из научных сборников – уникальное явление для библиотечной практики. Благодаря этому каталоги Исторической библиотеки выгодно отличаются от каталогов других библиотек полнотой и богатством представленной информации.

Параллельно были созданы картотеки на журнальные статьи – дореволюционные и советского периода.

В итоге сформирована целостная поисковая система, репрезентативно отражавшая информационный потенциал библиотеки. Прделанное в прошлые годы позволило в новое время создать качественный электронный каталог, аналога которому мы не имеем ни в одной библиотеке. После оцифровки всей системы карточных каталогов и картотек электронные каталог ГПИБ отражает всё многообразие источников информации: книги, журналы, журнальные статьи, оттиски и статьи из сборников в едином поиске. В качестве инструмента тематического поиска можно воспользоваться поисковыми возможностями библиотечной классификации, предметными рубриками, контекстным поиском по библиографическому описанию. Если к этому прибавить возможности современного читателя дистанционно заказывать литературу для чтения или копирования, то можно говорить об описанной системе как об удачном решении проблемы эффективного поиска информации для исторических исследований.

Библиотека как «место памяти». В рамках изучения феномена исторической памяти французским историком П. Нора было сформулировано понятие «места памяти» (Lieux de m emoire) – места, предмета, действия, в котором овеществлена национальная память, явля-

яющиеся важным элементом исторической памяти народа, сообщества. Рассматривая деятельность библиотеки в данном контексте, мы наблюдаем, как она приобретает черты такого «места памяти». Ключевым моментом в этом процессе становится работа библиотек по собиранию в своих фондах не только вторичной (печатной, библиографической) информации, но и первичных материалов, артефактов, становящихся Источниковой базой для исследователей и символически важным элементом исторической памяти для любого ее посетителя.

Отчасти эта деятельность традиционна для библиотек, ориентированных на обеспечение научных исследований. Они ведут целенаправленное и углубленное формирование специальных коллекций, которые могли бы составить источниковую базу историков – современных и будущих. Такие коллекции принципиально отличаются от обычного тематического собрания печатных изданий. Даже будучи тиражированными, включенные в них документы имеют ценность не только благодаря заключенной в них информации, но и как артефакт; информация в них – свидетель эпохи, потому они могут рассматриваться как исторический источник.

Ярким примером является коллекция «нетрадиционной печати», собранная и собираемая в настоящее время ГПИБ России. Возникновение в эпоху перестройки новых общественных движений, преобразование их в политические партии, активизация религиозных общин, выход в публичную сферу политического и культурного андеграунда сопровождалась многочисленными спонтанно публикуемыми материалами в виде газет, журналов, книг, брошюр, листовок, которые зачастую не имели систем распространения, кроме свободной раздачи в местах собраний (на встречах, митингах, на улицах прохожим), или распространялись в среде единомышленников. Они нигде не регистрировались и, из-за их оппозиционного характера, не попадали в государственные хранилища – библиотеки и архивы. Очевидно, что этот материал является необходимым и чрезвычайно важным источником для изучения общественной жизни в 1980— 1990-х гг. Но даже распространяемые сегодня по неформальным каналам печатные издания представляют интерес для политического анализа современного общества и исторической науки будущего.

Первые подобные документы были собраны самими по сути неформальными организациями (Московская независимая общественная библиотека, Московское бюро информационного обмена, Общество «Мемориал» и др.). С 1989 г. первую «официальную» коллекцию формирует Историческая библиотека, которая ясно осознала свою миссию библиотеки как института памяти [Московские коллекции самиздата, 1992]. За ней последовала Российская национальная библиотека. Сегодня «летучие» материалы, отображающие политическую и культурную жизнь общества, собирают многие библиотеки, становясь тем самыми важными элементами исторической памяти общества.

Другим тематическим комплексом источников, свидетельствующих о российской истории, сформированным в библиотеках, стали коллекции изданий российской эмиграции. Крупными собраниями в этой сфере обладают библиотека Дома русского зарубежья им. А. Солженицына, ГПИБ России, РГБ, ВГБИЛ и др.

П. Нора, описывая феномен «места памяти», указывал: «Даже место, внешне совершенно материальное, как, например, архивное хранилище, не является местом памяти, если воображение не наделит его символической аурой» [Нора, 1999. С. 40]. Такая символическая аура появляется у библиотеки, когда она в своей деятельности по формированию подобных коллекций затрагивает общественно значимые для исторической памяти сюжеты. И мы наблюдаем, как ряд библиотек в последние годы сделал именно этот шаг. Здесь в первую очередь можно говорить о широко распространившихся в библиотечной среде собирании, сохранении и предоставлении обществу документальных и материальных свидетельств о Великой Отечественной войне. Участие в ней, жизнь в ту эпоху нашли отражение в письмах, дневниках, воспоминаниях рядовых людей. Их собирают сегодня в библиотеках.

Мемориальная деятельность все более становится одним из ключевых направлений в работе общедоступных библиотек. По поручению правительства Москвы разрабатывается специальный нормативный документ – Регламент деятельности мемориальных библиотек как особого типа московских публичных библиотек. Все это дает основания считать библиотеку местом памяти [Маркова, 2009], а у ученых появляется еще один массовый источник по истории изучаемой эпохи.

Научная библиография как форма сотрудничества ученых и библиотекарей. Можно с уверенностью сказать: в XX в. с появлением профессиональных библиографов, с созданием творческих коллективов в библиотеках расширились масштабы работы, появились библиографические труды, оказавшие заметное влияние на историческую науку и на общественное сознание в целом. Роль их, по нашим представлениям, со временем будет только расти. При этом следует отметить, что работа над крупнейшими библиографическими проектами шла зачастую по инициативе и при участии ученых-историков.

Яркой фигурой в их среде в плане развития библиографической деятельности, несомненно, был П.А. Зайончковский, совместивший в своем лице историка, источниковеда и библиографа. Именно ему принадлежит идея библиографирования мемуаров и дневников, реализованная при поддержке библиографов всех крупнейших библиотек страны. В условиях советской науки это культурное событие было особенно важным. Оно смогло дать основу молодым исследователям по-иному формулировать предмет исследований, внести в них те аспекты, которые развиваются в мировой исторической науке: история повседневности, семейная история и т. д. Проект, стартовавший более 40 лет назад, не закончился выходом многотомника «История дореволюционной России в дневниках и воспоминаниях» (т. 1 вышел в 1976 г.). За ним последовала серия библиографических изданий по теме «Советское общество в воспоминаниях и дневниках» (1987–2017). Наконец, Исторической библиотекой выпущен четырехтомник «Россия и российская эмиграция в воспоминаниях и дневниках» (2003–2006). И на этом точка не поставлена: действует соглашение между РНБ, РГБ и ГПИБ России о продолжении работы по библиографированию мемуаров, посвященных дореволюционной и советской России. Стоит только пожалеть, что другая идея П.А. Зайончковского – библиографирование публикаций эпистолярного наследия – так и не была реализована.

Исторически значима работа российских библиотек, дающая старт развитию целых направлений исторической науки, по изданию сводных каталогов книг (XVIII в., первой четверти XIX в. и др.). Современный интерес исторической науки к «приватной» информации, к фактам в истории отдельных людей, развертывание генеалогических исследований стали импульсом для ряда библиотечных библиографических проектов. Так, библиографы РНБ выпустили серию каталогов наиболее информативных типов дореволюционных изданий – «Памятных книжек губерний Российской империи» [Памятные книжки губерний и областей Российской империи, указатель содержания, 2002]. Потребностям историографии отвечают подготовка и выпуск указателей статей в периодических изданиях XIX – начала XX в. Историки имеют в руках указатели к журналам «Дело» (1866–1888), «Новый путь», «Вопросы жизни» (1903–1905), подготовленные в РНБ. В ГПИБ России идет планомерная работа по росписи эмигрантской периодики.

Из сказанного выше можно сделать вывод, что российские библиотеки все еще активны в традиционной библиографической работе. Бурное распространение электронных форм представления информации только расширило их возможности в данном направлении, облегчило историкам доступ к этой информации, но не повлияло на содержание работы, остающейся актуальной и ориентированной на поддержку широкого спектра исследовательских проектов. В эпоху глобальных перемен формы работы библиографов меняются. Но несомненно одно – значение библиографической работы библиотек не уменьшится, она будет так же востребована научным сообществом.

Краеведческая деятельность библиотек и историческая наука. Среди тенденций, характеризующих современное состояние исторической науки в стране, следует отметить регионализацию – ориентацию на изучение исторических процессов на примере своего края или региона, выбранного в качестве объекта исследования. Такой подход вполне вписывается в рамки изучения истории повседневности. В этом плане возрастает значение работы библиотек по историческому краеведению, т. е. по изучению края, собиранию материалов по его истории. Она традиционна для библиотек всех уровней, особенно тех, жизнь и деятельность которых связана с определенным регионом (областная библиотека) или населенным пунктом (муниципальная библиотека). Но и в ней заметны важные для нашей темы новации.

Сегодня региональные и даже муниципальные библиотеки не ограничиваются библиографической работой. Выше уже говорилось о мемориальной функции библиотек, которая опирается на изучение истории края. Следствием этого стало их привлечение к участию в исследовательских и публикаторских проектах. Так, при создании региональных энциклопедий и других справочных изданий по истории города, края ни один из российских регионов не обошелся без участия библиотек (областные библиотеки Волгоградской, Воронежской, Кировской, Орловской областей и мн. др.). При участии библиотек в регионах выходят историко-краеведческие альманахи, сборники, журналы, учебники по истории региона и т. д.

Библиография составляет основу любой культурно-познавательной деятельности библиотек. В региональных библиотеках за многие годы краеведческой работы сформировался солидный запас библиографических материалов, как текущих, так и ретроспективных, что представляет несомненный интерес для историков. В последние годы усилия библиотек направлены на подготовку научно-ориентированных библиографических изданий. В первую очередь это проявилось в издании сводных каталогов, включающих сведения о том, в каких библиотеках региона, страны имеются описанные в библиографии экземпляры. Яркий пример такой работы, имеющей большое значение для исторических исследований, – «Сводный каталог якутской книги» (2015) более чем за сто лет издательской деятельности в крае.

Ценный источник информации о фактическом положении книгоиздания в России – библиографические указатели местной печатной продукции, создаваемые с помощью региональных библиотек и основывающиеся на получении ими обязательных экземпляров местных изданий. Они дополняют в значительной степени государственную регистрацию.

Деятельность региональных библиотек далеко выходит за рамки сбора информации для региональных исследований. Подготавливаемые ими материалы создают надежную информационную базу для историографических исследований любого масштаба.

Историко-культурные исследования в библиотеках. Наряду с историко-краеведческой работой, основу которой составляют традиционные формы деятельности (библиографическая и собирательская), в библиотеках последние десятилетия активно развивается самостоятельная исследовательская работа, направленная на изучение собственных книжных (документальных) коллекций. Говоря об этом, мы не имеем в виду ту большую работу по истории книжных памятников, исследовательскую работу, осуществляемую крупнейшими библиотеками страны (РГБ, РНБ, БАН, ГПНТБ СО РАН) как научными институтами (притом, что официально этот статус за некоторыми из них сегодня не закреплен, эта работа продолжается). Рассмотрим феномен исследовательской работы региональных и вузовских библиотек. Здесь мы наблюдаем два родственных друг другу направления – изучение истории: книги (на базе собственных коллекций) и библиотек.

Историко-книговедческий аспект работы библиотек реализуется в поэкземплярном изучении фондов, выявлении книжных памятников, их описании. Главное, что отличает библиотечный аспект этой деятельности, – особое внимание к судьбе книги, ее провенансу, благодаря чему научному сообществу представлен богатый материал в области не только книговедения, но и биографии и просопографии. Практическим результатом подобных исследований стали

выпускаемые библиотеками каталоги экслибрисов, включающие не только сведения об этой форме малой графики, но и биографические сведения о владельцах книг, художниках, данные о судьбе книжных собраний [Архипова, 2010; Пчелов, 2010, и др.] и сводные каталоги книжных памятников [Пирогова, Белобородов, 2005–2007; Русские издания гражданской печати XVIII века в хранилищах Хабаровского края, 2010]. До их выхода информация о том, какие книжные сокровища хранятся в региональных библиотеках, была научной общественности практически недоступна.

В тесной связи с изучением книжных коллекций в библиотеках развивалось и изучение истории библиотек. Интересы библиотечных специалистов не ограничиваются историей собственного учреждения, хотя ему уделяется особое внимание. Изучаются давно исчезнувшие библиотеки [Потупчик, 2011]. О масштабах и распространенности подобных исследований в библиотеках говорит тот факт, что наряду с региональными научными конференциями на протяжении двух десятилетий ежегодно, чередуясь в Москве и Санкт-Петербурге, проходили общероссийские конференции, посвященные истории библиотек: «Библиотека в контексте истории» (Москва, РГБ) и «История библиотек» (Санкт-Петербург, РНБ). Результаты зафиксированы в ряде монографий по истории отдельных библиотек и сборниках, посвященных истории библиотек регионов [Маломётова, 2008; Общедоступные библиотеки Москвы в контексте истории, 2014].

Научно-организационная поддержка исторических исследований. Изложенное выше (историко-краеведческая и научно-исследовательская работа) подвигло библиотеки к развитию нетипичных для них, но присущих научным учреждениям, форм работы – проведению научных конференций, «круглых столов», семинаров.

В традиции крупных научных библиотек со статусом научно-исследовательских институтов было проведение ежегодных или разовых научных конференций: «Федоровские чтения» Государственной библиотеки СССР им. В.И. Ленина, посвященные истории книги, сменили «Румянцевские чтения» РГБ с более широкой проблематикой. ГПИБ России проводила конференции под девизом «Библиотеки и история», регулярные научные конференции проходили в Библиотеке Академии наук. Более типична работа библиотек по организации площадок для общения профессиональных историков – проведение «круглых столов», дискуссий. Такая форма поддержки исторической науки в прошлые годы была характерна для Исторической библиотеки.

Современный этап коммуникации библиотечного и научного сообществ ознаменовался феноменом научных конференций, проводимых самими библиотеками с приглашением ученых-историков участвовать в них на равных с библиотечными специалистами условиях. Это приобрело систематический (часто – ежегодный) характер. С присущей им скромностью библиотеки, как правило, называют свои конференции «чтениями» и посвящают их какой-либо значимой для данного региона или библиотеки фигуре. Заслуженный авторитет в научной среде завоевали «Чертковские чтения» ГПИБ России, «Петряевские чтения» Кировской областной научной библиотеки им. А.И. Герцена и многие другие.

Даже библиотеки, не выполняющие независимых исследований, организуют конференции. В некоторых случаях библиотеки инициируют встречи заинтересованной аудитории с хорошо известным исследователем («Опочиненские чтения» в городе Мышкине Ярославской области). Во всех случаях библиотеки, организуя конференции, предоставляют пространство для дискуссии, демонстрируют книжную выставку, готовят библиографические материалы. Данная форма поддержки научного сообщества с их стороны особенно актуальна в ситуации снижения количества научных конференций в академической среде. Они стали привычным местом для встречи исследователей и общественности, для обсуждения текущих исторических и политических вопросов.

Благодаря деятельности по информационному обеспечению, в том числе исторической науки, научно-библиографической работе, усилиям по формированию коллекций и облегчению доступа к ним, благодаря собственным исследованиям, библиотеки – несмотря на многие нерешенные вопросы – являются важным элементом жизни исторической науки. А научное сообщество оказывает влияние на жизнь и деятельность библиотек не только как благодарный «потребитель» их услуг, но и как ответственный партнер в решении задач, волнующих и библиотечарей, и историков.

Библиография

Архинова Е.И. Экслибрисы библиотек и частных коллекций в фонде Тверской областной универсальной научной библиотеки им. А.М. Горького: иллюстрированный каталог. Тверь: Тверская ОУНБ, 2010. 71 с.

Большие и малые библиотеки России: Справочник. М.: Либерия, 2000. 318с.

История дореволюционной России в дневниках и воспоминаниях: Аннот. указ, книг и публикаций в журналах. Т. 1: XV–XVIII века / Науч. рук., ред. и введение проф. П.А. Зайончковского. М.: Книга, 1976. 301 с.

Маломётова З.А. «Для удовлетворения любознательных умов к дальнейшему образованию...» Очерки из истории Астраханской областной библиотеки им. Н.К. Крупской. 1838–2008. Астрахань, 2008. 351 с.

Маркова Т.Б. Библиотека-музей как место памяти // Вестник СПбГУ. Сер. 6. 2009. Вып. 4. С. 87–91.

Московские коллекции самиздата. Материалы к сводному каталогу самиздата и независимой периодической печати / Сост. Е. Струкова, М. Паскалова, С. Соловьева. М.: Из глубин, 1992. 264 с.

Нора П. Проблематика мест памяти // Франция-память. СПб.: Изд-во С.-Петербур. ун-та, 1999. С. 17–50.

Общедоступные библиотеки Москвы в контексте истории. 1884–1941: Сб. ст. М.: Б-ка читальня им. И.С. Тургенева, 2014. 235 с.

Памятные книжки губерний и областей Российской империи, указатель содержания: В 2 ч. / Рос. над. б-ка; [сост. Н.М. Балацкая и др.; науч. ред. В.В. Антонов, Н.М. Балацкая]. СПб.: Дмитрий Буланин, 2002.

Печать Российской Федерации. Электр, ресурс <http://www.bookchamber.ru/statistics.html>

Пирогова Е.П., Белобородов С.А. Сводный каталог книг гражданской печати XVIII – 1-й четверти XIX века в собраниях Урала: В 2 т. Екатеринбург: Сократ, 2005–2007.

Русские издания гражданской печати XVIII века в хранилищах Хабаровского края: Каталог / Радишаускайте Н.В. и др. Хабаровск: Дальневосточная гос. науч. б-ка, 2010. 137 с.

Потупчик М.Н. Первая техническая библиотека Западной Сибири // Пользуновский альманах. 2011. № 2. С. 56–60.

Россия и российская эмиграция в воспоминаниях и дневниках: Аннот. указ, кн., журн. и газетн. публ., изд. за рубежом в 1917–1991 гг. / Гос. публ. ист. б-ка России, Стэнфорд, ун-т. Т. 1–4 (5 кн.). М.: Российская политическая энциклопедия, 2003–2006.

Сводный каталог якутской книги (1812–1917 гг.) / Над. б-ка Респ. Саха (Якутия), Науч. – исслед. центр кн. памятников; [сост.: Т.А. Андросова, С.И. Бойтунова, В.Б. Борисов и др.; науч. ред. С.В. Максимова]. Новосибирск: Наука, 2015. 520 с.

Советское общество в воспоминаниях и дневниках: Аннот. библиогр. указ, кн., публ. в сб. и журн. М.: Книга, 1987–2017.

Экслибрисы и штемпели на книгах Научной библиотеки РГГУ: антология / Рос. гос. гуманит. ун-т; авт. – сост. Е.В. Пчелов; худож. С.С. Ипполитов. М.: Изд. центр РГГУ, 2010. 440 с.

Архивы, библиотеки, музеи в глобальной информационной среде

Archives, Libraries, Museums in the Global Information Environment

УДК 0

Ю.Ю. Черный,

Yu. Yu. Chernyy

Аннотация: в статье представлена логика эволюции институтов социальной памяти (архивов, библиотек и музеев) со времени их возникновения до наших дней. Показано, что в рукописную эпоху архивы, библиотеки и музеи представляли собой единое целое. Делается предположение, что конвергенция институтов социальной памяти в электронную эпоху является возвращением к истокам на новом технологическом уровне. Описывается направление развития глобальной информационной среды примерно до 2040 г. в сторону формирования глобального мозга – коллективного интеллекта человечества. Специальное внимание уделяется проекту «Нейронет» (Web 4.0) – одной из перспективных разработок в рамках Национальной технологической инициативы Российской Федерации.

Abstract: the article presents the logics of the evolution of social memory institutions (archives, libraries and museums) since their inception to the present day. It is shown that in the era of handwritten archives, libraries and museums represented a single entity. It is assumed that the convergence of the institutions of social memory in a digital age is a return to the origins of a new technological level. Development of global information environment vector is described up to approximately 2040 in the direction of a global brain formation – collective intelligence of humanity. Special attention is paid to the project «Neuronet» (Web 4.0) – one of the most promising developments in the framework of National Technological Initiative of the Russian Federation.

Ключевые слова: архивы, библиотеки, музеи, социальная память, рукописная коммуникация, электронная коммуникация, Интернет, глобальный мозг, коллективный интеллект, ноосфера, Нейронет, трансгуманизм, конвергенция, индустриализм, постиндустриализм, глобализм, глобальная информационная среда.

Keywords: archives, libraries, museums, social memory, hand-written communication, electronic communication, the Internet, global brain, collective intelligence, the noosphere, Neuronet, transhumanism, convergence, industrialism, post-industrialism, globalism, global information environment.

Введение. Американский философ, социолог и футуролог Э. Тоффлер предсказывал, что в конце XX – начале XXI в. социальная борьба развернется не между политическими системами, а между силами, представляющими Вторую (индустриальную) и Третью (постиндустриальную) волны развития цивилизации. Она завершится примерно к 2025 г. победой Третьей волны. Масштабными социокультурными изменениями будут затронуты все сферы жизни, в том числе и *система социальной памяти*. Решающую роль в процессе ее преобразования сыграет компьютер. Он усилит интеллектуальные способности человека так же, как машины индустриальной эпохи в свое время усилили его физические возможности.

14-ю главу книги 1980 г. «Третья волна» Тоффлер посвятил изменению интеллектуальной среды [Тоффлер, 1980]. Он писал, что все виды памяти можно разделить на индивидуальную (частную), не доступную для других, и память общую, открытую для совместного доступа (социальную). Частная память умирает вместе с человеком, а социальная продолжает

существование. В способности хранить и отыскивать информацию в общей памяти и заключается секрет успешного эволюционного развития нашего вида. То, каким образом мы создаем, накапливаем социальную память или пользуемся ею, затрагивает самые истоки судьбы.

На протяжении своей истории человечество *дважды* коренным образом меняло способ организации социальной памяти. Первоначально социальные группы были вынуждены накапливать общую память в головах родо-племенных старейшин и мудрецов. Важнейшие сведения (о том, как развести огонь, заострить палку, заманить в ловушку птицу, вязать плоты или ходить за быками) хранились в форме истории, мифа, традиционного практического знания и легенды и передавались устно или на примерах. Весь накопленный опыт группы размещался в нейронах, нервной ткани и конъюгациях (соединениях) хромосом людей. При этом объем социальной памяти был жестко ограничен.

Цивилизация Второй волны извлекла социальную память из-под «черепной коробки», нашла новые способы ее хранения и тем самым вывела ее за рамки прежних ограничений. Она изобрела картотеки, распространила массовую грамотность, построила тысячи библиотек и музеев. Увеличив запас кумулятивного знания, она ускорила процессы нововведений и социальных перемен.

Создавая инфосферу Третьей волны, мы находимся на пороге очередного преобразования социальной памяти. При помощи новейших электронных средств деятельность общества самым подробным образом регистрируется в записи. Вскоре мы вплотную приблизимся к *цивилизации «фотографической» памяти*. В отличие от совсем недавнего времени цивилизация Третьей волны будет иметь в своем распоряжении гораздо лучше организованную информацию о себе самой.

Но дело не только в количественных изменениях. Третья волна снова *вдохнет в свою память жизнь*. Первоначально, когда социальная память накапливалась в человеческих умах, она подвергалась постепенному разрушению, пополнению, смешиванию, комбинированию, но оставалась деятельной, энергичной и потому живой. После того, как промышленная цивилизация вывела большую часть социальной памяти за пределы индивидуального мозга, память стала объективированной (воплощенной в документальных артефактах – книгах, платежных ведомостях, газетах, фотографиях и фильмах), но вместе с тем неподвижной и пассивной. Эти символы оживали лишь в том случае, когда снова вводились в человеческий мозг. Поэтому цивилизация Второй волны, радикальным образом расширив социальную память, в то же время заморозила ее.

Активизация новоявленной расширенной памяти в эпоху Третьей волны высвободит в культуре новые силы. В отличие от традиционной библиотеки или каталога, компьютер не только поможет организовать или синтезировать «крупницы информации» в согласованные модели реальности, но и раздвинет границы возможного. Он сделает реальным поток невообразимых ранее теорий, идей, идеологий, художественных озарений, технических прорывов, экономических и политических инноваций, ускорит процесс исторических изменений и обеспечит резкий сдвиг в сторону социального многообразия Третьей волны.

Во всех предшествующих обществах инфосфера предоставляла средства коммуникации между людьми. Третья волна не только приумножит их, но и впервые в истории обеспечит мощные средства для коммуникации между машинами и для общения людей с окружающей их интеллектуальной средой. Революция в инфосфере станет столь же грандиозной и поразительной, как и революция в техносфере – энергетической и технологической основе общества.

Вдохновенный пророческий дар Тоффлера, к тому же получивший подтверждение в ходе дальнейшего развития событий, не может оставить равнодушным. Вместе с тем в рассуждениях американского ученого содержится одна неточность. Из-под «черепной коробки» социальную память извлекла цивилизация не Второй (индустриальной), а Первой (аграрной) волны, пришедшая на смену охотничье-собирательскому (доаграрному) обществу. Поэтому из поля

зрения Тоффлера выпал весь период рукописной коммуникации, длившийся несколько тысяч лет с момента изобретения письменности до движения Реформации (XVI–XVII вв.). Институты социальной памяти возникли именно в то время и имели иной вид, чем в более позднюю индустриальную эпоху.

Архивы, библиотеки и музеи в период рукописной коммуникации. Своим появлением архивы, библиотеки и музеи обязаны изобретению *письменности*. Традиционно считается, что она возникла на основе протописьменных знаковых систем в IV–III тыс. до н. э. Однако в последние годы все чаще говорят о необходимости удлинения этого срока еще на два-три тысячелетия [Гринченко, 2007. С. 132–133].

Способность фиксировать устную речь в знаковой форме и передавать ее в пространстве и времени зародилась в первых цивилизациях древности: месопотамской, древнеегипетской, критской, индусской, древнекитайской и мезоамериканской. Информационная революция эпохи неолита, которой предшествовал длительный период существования бесписьменного общества [Семеновкер, 2007; Столяров, 2009], была связана с потребностями цивилизационного развития – появлением городов, торговли и ремесел, образованием мощных централизованных государств, классовым расслоением населения [Соколов, 2014. С. 96]. Значение изобретения письменности для общества настолько велико, что время ее возникновения разделяет историю человечества на две эпохи – доисторическую (первобытную) и историческую.

Основными функциями архивов, библиотек и музеев были и остаются сбор, обработка, хранение и передача информации. Б.А. Семеновкер указывает, что первоначально организационная триада информационной деятельности составляла *единое целое* и лишь впоследствии из-за различий в составе и технологии произошло ее естественное разделение. Архивы аккумулировали документы о деятельности человека, общества и государства (документы «действия» и «решения»), библиотеки – материалы творческой деятельности литературного, научного и художественного содержания (документы «мысли»), а музеи – разнообразные материальные объекты жизнедеятельности человека и природы [Семеновкер, 2011. С. 5]. Вместе с тем в рукописную эпоху каждый из институтов сохранял в своем составе элементы двух других: архивные фонды включали книги и материальные объекты, библиотеки имели архивы и музейную часть, нередко с постоянной экспозицией, а музеи – документы и книги, в том числе архивы и подсобные библиотеки. В древности и в Средние века архивы и библиотеки представляли собой один институт, особенно в монастырях. Это объясняется тем, что до появления книгопечатания оба института занимались исключительно рукописями. В ранних европейских музеях библиотеки тоже являлись частью их собраний.

Отличие архивов, библиотек и музеев друг от друга объясняется особенностями их возникновения и развития. Архив появляется и растет естественно в результате документирования определенной деятельности, в то время как библиотеки и музеи пополняются осознанно в форме комплектования. «Первоначально библиотеки появились в составе архивов в связи с возникновением потребности иметь под рукой тексты, предназначенные не для ежедневного и эпизодического, а для длительного и постоянного использования. В отличие от архивов, библиотеки и музеи в большей степени нацелены на передачу информации, в том числе в образовательных целях» [Там же. С. 6].

Возникновение архивов стало индикатором перехода от устной памяти и культуры к письменной. Оно было связано с появлением государства и хозяйственной деятельности, а также усилением межгосударственных отношений. Древнейшие архивы появились в Месопотамии в первой половине III тыс. до н. э. и затем распространились на Египет, Микенскую Грецию, Малую Азию и Персидскую империю вплоть до эпохи эллинизма и Селевкидов. В Китае появление архивов относится к концу периода династии Чжоу. Первыми письменными документами стали документы об учете труда крестьян, а первыми архивами – собрания этих документов. Вначале письменность как новое техническое средство коммуникации находилась

под контролем правящей группы, но затем она постепенно получала более широкое распространение. В отличие от архивов древнего Востока, подчиненных частным целям правителя, архивы античной Греции имели не хозяйственный, а правовой характер. Они возникали как публичные институты, связанные с ценностями демократии и желанием граждан контролировать руководителей государства. Позднее в результате развития товарно-денежных отношений и необходимости распоряжения крупными материальными ценностями возникли частные архивы [Там же. С. 14–18].

История библиотек – это история их востребованности обществом [Володин, 2002. С. 9—10]. Библиотеки возникали, когда появлялась потребность многократно использовать письменный текст. Они зародились в лоне архивов и длительное время, в том числе в Средние века, могли составлять с ними одно целое. Подлинное различие между архивами и библиотеками проявилось только к концу римского периода. Библиотеки стали местом памяти и письменной коммуникации, центрами суммирования старого и нового опыта на основе нового метода передачи информации – *чтения*. В течение столетий библиотека оставалась единственным социальным институтом, который являлся для каждого человека организованной и устойчивой информационной системой. Она должна была предоставлять потребителю необходимые сведения в нужное время, удовлетворяла потребность в копировании текстов с целью сохранения и передачи знаний.

Одной из первых библиотечных цивилизаций стала Месопотамия. Самой значительной в этом регионе была библиотека ассирийского царя Ашшурбанипала (VII в. до н. э.), состоявшая из глиняных табличек с клинописными текстами. Ашшурбанипал страстно любил писаное слово и намеревался собрать у себя все знания, накопленные к тому времени. Его библиотека считалась погибшей вместе с Ниневией в 612 г. до н. э., однако в 1849 г. часть ее (более 25 тыс. табличек) была найдена при раскопках. В настоящее время они хранятся в Британском музее в Лондоне.

Древние библиотеки являлись символами и центрами власти. В Китае было принято хранить книги и документы вместе, так как книги на исторические, религиозные и морально-этические темы считались пособиями по управлению государством. Поэтому книги обычно размещались при правительственных учреждениях. Не менее тесная связь прослеживается между библиотеками и религиозными институтами. Вплоть до XVIII в. библиотеки в основном создавались с религиозными целями. Александрийский Мусей (о нем ниже) был храмом Муз, поэтому к Александрийской библиотеке, ядро которой составил архив обожествленного Александра Македонского, относились как к хранилищу божественной мудрости и божественного закона. Слава ее как самой знаменитой библиотеки Древнего мира достигла нашего времени. По инициативе профессоров Александрийского университета она возрождена и открыта на старом месте в 2002 г. под названием «Библиотека Александрина» [Черный, 2006]. Основные уроки, благодаря которым ее образ сохранился до настоящего времени, состояли в том, что она: по составу фондов и технологиям стала образцом национальной библиотеки; показала, что научная библиотека является важной составляющей частью научной работы; создала собственный библиографический аппарат, что привело к возникновению идеи национальной библиографии [Семеновкер, 2011. С. 98–99].

Связь библиотек с культовыми местами сохранилась и в средневековой Европе. Идеологическая функция библиотеки заключалась в подчинении христианской идее и государству. В странах, принимавших христианство, библиотеки возникали в связи с потребностями книжности, богослужения и церковного образования. Так произошло, например, в Эфиопии и на Руси.

В арабо-мусульманском мире с его культом знания естественным местом для возникновения первых библиотек стали религиозные центры, а также места обучения, собраний, встреч и поэтических чтений. Обычно самая крупная мечеть имела самую большую и полноценную библиотеку. Подобным образом складывалась ситуация и в Юго-Восточной Азии после при-

нения буддизма в качестве государственной религии. Здесь центрами создания библиотек становились буддийские храмы и монастыри.

Первые библиотеки правителей и храмов Древнего мира были закрытыми. Свободный доступ к документам возник только с появлением публичных (общедоступных) библиотек в Древнем Риме. Идея создания в Риме библиотеки такого рода принадлежала Юлию Цезарю, увидевшему Александрийскую библиотеку до гибели ее основной части в войне. Особенность Древней Греции, а затем и Рима, состояла в том, что библиотеки в них создавались не коллективами, а индивидуумами – учеными, философами, поэтами, ораторами и официальными лицами. Публичные библиотеки становились важной средой общения.

История библиотек неотделима от истории образования. Инициаторами их создания были философские школы Эллады, в особенности школа Аристотеля. В дальнейшем именно перипатетики были привлечены к организации Александрийской библиотеки [Семеновкер, 2011. С. 86–92].

Музеи возникли позже архивов и библиотек. По своей цели музей ближе к архиву, чем к библиотеке, но, как и библиотека, он имеет образовательно-показательные задачи [Маяковский, 1998]. Для всех трех социальных институтов характерно стремление в первую очередь сохранить свои артефакты для их изучения и использования.

Принцип музея состоит в изъятии из окружающей среды предметов музейного значения для их сохранения. Стихийное накопление коллекций в форме собирательства происходило уже в первобытном обществе. В Древней Греции в святилище Долины Муз в Беотии за 12 веков скопилось множество статуй богов, животных, героев, певцов, музыкантов и стелл с посвятельными надписями, которые рассматривали паломники. Древние называли Мусеем не только храм под открытым небом, но и весь священный участок, на котором он находился. Таким образом, античный Мусей (Музейон) оказался сакральным местом поклонения девяти Музам – олимпийским богиням, дочерям Зевса и Мнемосины.

Музей существовали у разных философских школ, в том числе у пифагорейцев и в платоновской Академии. Но в полной мере он получил реализацию в Ликее Аристотеля. В его составе были ботанический и зоологический сады и, возможно, коллекция минералов. Сам Аристотель занимался изучением внутреннего строения животных и был искусным препаратором. После вскрытия редких животных из них изготавливались чучела, которые хранились в Мусее и использовались в качестве иллюстративного материала при чтении лекций.

Перипатетики перенесли музейную традицию в Александрию, где Мусей основан в III в. до н. э. царями Египта Птолемеем I Сотером и Птолемеем II Филадельфом по инициативе Деметрия Фалерского. Проект Мусея тесным образом связан с исследовательской и политической программой Аристотеля, описанной в виде идеального города в его «Политике». Мусей представлял собой храм Муз, во главе которого стоял верховный жрец. Он включал Александрийскую библиотеку (подобно тому, как это устроено в современных научных центрах), а также, как полагают, обсерваторию, минералогические коллекции и коллекции медицинских препаратов. В мастерской Герона Александрийского изготавливались сотни сложнейших механических приспособлений. Как и в Ликее, при Мусее создавались коллекции чучел животных и гербарии. Основой для этой деятельности служили сады и зверинец. На протяжении 800 лет Александрийский Мусей был крупнейшим религиозным, исследовательским, учебным и культурным центром эллинизма. Здесь под влиянием культа Муз возникло учение неоплатонизма; велись исследования в области натурфилософии, математики, астрономии, географии, медицины, теории музыки, лингвистики и других наук; творили великие ученые – Архимед, Аристарх Самосский, Эрасистрат, Эрастофен, Евклид, Герофил, Гиппарх, Папп Александрийский, Герои Александрийский, философы Филон Александрийский и Плотин, поэты Зенодот Эфесский, Каллимах из Кирены и Феокрит [Поршнева, 2006; Поршнева, 2011]. Являясь частью

царского квартала, Музей имел царский характер. Правители Египта пользовались им для собственного удовольствия и государственной пользы.

По образцу Александрийского возникли музеи и храмовые комплексы, посвященные другим богам или обожествляемым императорам, в Антиохии, Пергаме, Риме. В них непременно присутствовали портики, сады, библиотеки, открытые публике коллекции скульптуры и живописи. Свой корабль-музей имел тиран Сиракуз Гиерон. Создавались музеи при виллах римлян (например, Цицерона близ Тускула и Путеол).

В обычай вошло размещение картин на стенах и статуй на площадях. (Эта идея перешла в «Город Солнца» Т. Кампанеллы: «По повелению мудрости, во всем городе стены, внутренние и внешние, расписаны превосходнейшей живописью, в удивительно строгой последовательности, отражающей все науки... Для всех этих изображений имеются наставники, а дети без труда и как бы играючи знакомятся со всеми науками наглядным путем до достижения десятилетнего возраста» [Кампанелла, 1954. С. 40–43].) Тогда же, в период поздней Римской республики, возникла дошедшая до наших дней традиция украшать здания и интерьеры библиотек статуями и бюстами знаменитых писателей. Так было и в первой публичной библиотеке Рима, созданной Азинием Поллионом. Подобным же образом были украшены библиотеки в Пергаме, Галикарнасе (Малая Азия), Тимгаде (Северная Африка) и др.

В Европе современному названию «музей» предшествовали другие названия: «студьоло», «студио» в Италии, «кунсткамера», «вундеркамера» или «театр» в странах Центральной и Северной Европы. Термин «музей» (*лат.* museum) в отличие от «музей» (*греч.* museion) распространился в европейских странах начиная с Возрождения. В нем содержалась аллюзия к Александрийскому Музею как авторитетному научному учреждению античности. Впервые его использовал итальянский ученый-гуманист и епископ Ночерский Паоло Джовио. В 1536–1543 гг. неподалеку от озера Комо он построил дом, специально приспособленный для размещения его коллекции. Зал, посвященный Музам и Аполлону, Джовио назвал музеем. В 1591 г. Джованни Паоло Ломатцо в трактате «О музеях» окончательно оформил представление о музее как о месте, где выставляются произведения искусства и редкие предметы.

Традиционной моделью возникновения музея является собирательство, а основное отличие музея от коллекции состоит в его постоянстве: частная коллекция может быть рассредоточена после смерти владельца или по каким-то внешним обстоятельствам, а музей переживает своих основателей. Еще одно важное отличие – публичный характер музея: музейное собрание предназначено для осмотра при определенных условиях [Семеновкер, 2011. С. 274–282].

В наши дни под влиянием информационно-коммуникационных технологий (ИКТ) все более явно проявляется тенденция сближения практики различных институтов социальной памяти, а нередко и их объединения в составе одного учреждения [Прянишников, 2009]. В этой связи особую ценность приобретает осознание факта синкретического характера архивно-библиотечно-музейного дела в эпоху рукописной коммуникации. Как представляется, *конвергенция институтов социальной памяти* оказывается для архивов, библиотек и музеев не случайным процессом, а возвращением к истокам на новом технологическом уровне.

Глобальный мозг: от метафоры к реальности. Пророк информационного века М. Маклюэн характеризовал переход к электронным средствам коммуникации при помощи термина «*имплозия*», означающего взрыв вовнутрь: «После трех тысяч лет взрывного разброса, связанного с фрагментарными и механическими технологиями, западный мир взрывается вовнутрь, – писал он в 1964 г. – На протяжении механических эпох мы занимались расширением наших тел в пространстве. Сегодня, когда истекло более столетия с тех пор, как появилась электрическая технология, мы расширили до вселенских масштабов свою центральную нервную систему и упразднили пространство и время, по крайней мере в пределах нашей планеты. Мы быстро приближаемся к финальной стадии расширения человека вовне – *стадии технологической симуляции сознания* (выделено мной. – Ю.Ч.), когда творческий процесс позна-

ния будет коллективно и корпоративно расширен до масштабов всего человеческого общества примерно так же, как ранее благодаря различным средствам коммуникации были расширены вовне наши чувства и наши нервы» [Маклюэн, 2003. С. 5].

Маклюэн утверждал, что механическая технология разбивает мир на фрагменты, а электрическая вновь собирает его. Поэтому он придавал большое значение появлению телеграфа. Благодаря мгновенной скорости распространения информации уже при передаче телеграфных сообщений образуется состояние всеобщей включенности. В дальнейшем оно усиливается при помощи новых коммуникационных средств: телефона, радио, телевидения и компьютера. Рождаясь, каждый человек как будто подключается к *мировой информационной сети*, основу которой составляет энергия электромагнитного поля. «Сегодня мы живем в Эпоху Информации и Коммуникации, поскольку электрические средства коммуникации мгновенно и непрерывно создают тотальное поле взаимодействующих событий, в котором участвуют все люди. Теперь мир публичного взаимодействия обладает такой же инклюзивной всеохватностью интегральной взаимной игры, которая до сих пор характеризовала только наши частные нервные системы. А все потому, что электричество по своему характеру органично и через свое технологическое применение в телеграфе, телефоне, радио и других формах подтверждает органическую социальную связь. Одновременность электрической коммуникации, характерная также для нашей нервной системы, делает каждого из нас наличным и доступным для любого другого человека в мире» [Там же. С. 282].

Этот взгляд на электричество как на своего рода универсальную субстанцию не случаен. Достаточно вспомнить Ж. Верна, считавшего электричество «первоосновой Вселенной», и отца Павла Флоренского, ставившего его в один ряд с одом (жизненной силой) и астралом [Геллер, 2006]. «Маг электричества» Н. Тесла полагал, что электромагнитные явления связаны с мировым эфиром [Тесла, 1891]. Подобно им, Маклюэн видел в электричестве основу, которая в будущем сможет объединить все человечество.

Как известно, Маклюэн воспринимал всемирную историю сквозь призму эволюции средств коммуникации и выделял в ней четыре периода: эпоху дописьменного варварства, тысячелетие фонетического письма, «Гутенбергову галактику» (пять сотен лет печатной техники) и «Галактику Маркони» – современную электронную цивилизацию. В более общем смысле эту концептуальную схему можно представить как движение от первоначальной гармонии («человек слушающий») к нарушению коммуникативного баланса («человек смотрящий») и восстановлению гармонии на новом уровне (синтез «человека слушающего» и «человека смотрящего»). А.В. Соколов характеризует последнюю стадию следующим образом: «Окружающая реальность снова предстает в своей живой конкретности, а человек получает иллюзию соучастия в текущих событиях. К людям возвращается “сенсорный баланс” эпохи дописьменной коммуникации. Электронные технологии общения способствуют слиянию мифологического (непосредственного) и рационалистического (опосредованного) способов восприятия мира, создают предпосылки для целостного развития личности. “Электронная галактика” влечет “ретрибализацию” существующих обществ и на новой технологической основе воспроизводит “первобытное единство коллективного сознания”, превращая нашу планету в единую “глобальную деревню”. В этой “деревне” не будет индивидуализма и национализма, отчуждения, агрессивности и военных конфликтов» [Соколов, 2014. С. 245–246].

И хотя гармонии в информационном обществе пока не наблюдается, исходная схема сохраняет смысл, если понимать ее несколько иначе: *единство – разделение – восстановление единства*. Такой подход при исследовании феномена Интернета в контексте макроэволюционной динамики культуры реализует российский философ и культуролог А.А. Пелипенко. По его мнению, в древности наши предки обладали *всеобщей симпатической связью* друг с другом и с окружающим миром. Именно ее отчасти сознательно, но главным образом бессознательно пытается восстановить современный пользователь информационных технологий: «Утвержде-

ние, что пребывание в виртуальной реальности выступает эффективнейшей и наиболее технологически доступной формой трансцендирования, звучит абстрактно, однако свидетельства психиатров, фиксирующих растущее число умственных расстройств на почве “компьютерной интоксикации”, служат ему подтверждением. Не надо быть искушенным антропологом, чтобы понять, что личная страничка в Сети есть не что иное, как своеобразный магический двойник (душа, alter ego) современного стихийного неоязычника в запредельном/виртуальном мире, границы которого столь же проницаемы, сколь проницаемы были для архаика границы, отделявшие его от мира духов» [Пелипенко, 2014. С. 88–89].

Общеисторическая логика развития человеческой ментальности и культуры может быть представлена как нарастающая динамика удаления от естества до некоторого предела, за которым следует возвращение к естеству на новом уровне. С момента возникновения сознания и разрыва всеобщей связи с миром главной потребностью человека стало стремление восстановить эту связь. Однако каждый акт единения оборачивался новым отчуждением. Так был запущен «вечный двигатель» параллельного эволюционирования культуры и ментальной сферы человека.

Для того чтобы приступить к реконструкции всеобщей связи, нужно было познать предел противоположного – дробности элементов сущего и самих форм мышления. К нему была устремлена *логоцентрическая парадигма культуры*, утвердившаяся у «осевых» народов и распространившаяся на большую часть человечества. Жизненный цикл этого глобального периода истории составляли: отделение мифа от ритуала, возникновение письменности, утверждение логоцентризма в монотеистических религиях спасения, изобретение книгопечатания и, наконец, информационная революция современности. Попытки припасть к Единому путем опрощения и архаизации ментальных форм к успеху не привели, поскольку синкретические связи никогда не восстанавливаются в первоначальном виде, а духовная энергия «припадения к истокам» была использована развивающимся логоцентризмом в собственных целях – для интеллектуального конструирования образа духовного Абсолюта. Апофеозом логоцентризма в европейском культурном ареале стало Новое время с его рационализмом, сциентизмом, механицизмом и другими атрибутами мышления просвещенного европейца. Все они отражали глубинную бессознательную установку на аналитическое отношение к реальности, побуждающую к бесконечному разделению любых целостностей в попытках ухватить последние неделимые основы сущего.

Ряд цивилизационных кризисов XIX–XX вв. поставил вопрос о завершении логоцентрического этапа истории и глобального поворота к *неосинкретизму*. Последний был реализован не только на уровне религии, философии и искусства, но и в виде формирования нового типа культурного сознания – Новой естественности. Он представлен субъектом экранной революции, «клиповое сознание» которого мозаично, текуче, ориентировано на краткосрочные процессы и процедуры. В отличие от человека Слова, ментальность человека Цифры отмечена всеохватным релятивизмом (в том числе и моральным), ситуативностью, прагматизмом, расплывчатостью смыслов и условностью любых ценностей. Его стихия – Интернет, впервые в истории западной культуры обозначивший дискурс Сущего в противоположность дискурсу Должного. В Глобальной сети Сущее с его спонтанностью, ненормативностью и «неправильностью» вышло за границы культурных регуляций и обрело право голоса [Там же. С. 88–94].

Интернет стал *искусственным аналогом всеобщей связи*, сконструированным человечеством в момент предельного измельчения и дискретизации образа реальности, когда без него было уже невозможно обойтись. «Как известно, человечество ставит перед собой лишь те задачи, которые способно решить. И, добавим, решить в ответ на глубинные и часто неосознанные потребности. Возможности сегодняшнего Интернета соответствуют лишь началу новой неосинкретической эпохи, рифмующейся “через голову” эпохи логоцентризма с доосевым временем. Глобальная сеть – это пока еще именно сеть, а не сплошное полевое пространство всео-

хватной связи. Но вектор развития явственно направлен в эту сторону, и преобразование Сети в глобальное (а не только информационное) поле универсальной связи, вероятно, будет осуществляться в обозримом будущем» [Там же. С. 94]. Можно предположить, что глобальное поле универсальной связи – то же самое, что математик и философ В.В. Налимов называл *континуальными потоками сознания* [Налимов, 1976; Налимов, 1989], а один из основателей отечественной информатики Ф.Е. Темников – *синхронными полями общения* [Темников, 1983; Волкова, 2013].

Исследования, посвященные моделированию и пониманию Интернета, позволили получить результаты, свидетельствующие о его *неслучайности*. Выяснилось, что Глобальная сеть живет и эволюционирует подобно тому, как идет размножение и эволюция живых организмов. Динамика роста и топология Сети отвечают степенным зависимостям, характерным для существования сложных физических и биологических систем Вселенной. «Поведение Сети примерно того же типа, что и поведение электромагнитных полей, галактик, процессы вызревания и развития растений. По мнению исследователей, причины такого поведения кроются в том, что количество ссылок на очень многих Web-страницах в десятки раз превосходит среднесетевое значение – семь ссылок на другие страницы и ресурсы. И именно это “генетическое” свойство контента исключает Интернет из числа объектов, с достаточной точностью описываемых простыми моделями» [Гордиенко, 2000].

В Европе и США в рамках эволюционной эпистемологии и эволюционной кибернетики активно развивается направление, которое рассматривает Всемирную паутину как прообраз будущего *коллективного интеллекта*, философски и научно предсказанного в виде концепции *ноосферы* Э. Леруа, П. Тейяром де Шарденом и В.И. Вернадским. Три важные работы на эту тему появились уже в середине 1990-х гг. – статья Г. Майер-Кресса и К. Барцис «Глобальный мозг как структура, развивающаяся из всемирной компьютерной сети, и последствия этого вывода для моделирования», статья Ф. Хейлигена и И. Болен «Всемирная паутина как супермозг: от метафоры к модели», книга П. Рассела «Глобальный мозг пробуждается: наш следующий эволюционный скачок» [Mayer-Kress, Barczys, 1995; Heylighen, Bollen, 1996; Russell, 1995]. Сотрудник Свободного университета Брюсселя (Бельгия) Ф. Хейлиген и его аспирант И. Болен были первыми, кто предложил алгоритмы, способные превратить Интернет в самоорганизующуюся, обучающуюся сеть, представляющую коллективный интеллект, т. е. глобальный мозг человечества. В статье 2007 г. «Глобальный суперорганизм: эволюционно-кибернетическая модель формирующегося сетевого общества» [Heylighen, 2007] Хейлиген представил взгляд на общество как суперорганизм [Суперорганизм]. Он предложил подходы к изучению эволюционных механизмов, лежащих в основе этого движения, а также их приложения к текущим и будущим событиям в глобализирующемся мире. В настоящее время под его руководством разрабатывается математическая и имитационная модель коллективного интеллекта в Институте глобального мозга, основанном в 2012 г. при Свободном университете Брюсселя [The Global Brain Institute]. Другими известными центрами, работающими над проблемой коллективного интеллекта, являются сетевой проект FuturICT, Центр коллективного интеллекта Массачусетского технологического института (Бостон, Массачусетс, США), проект «Миллениум», Международный институт когнитивной информатики и когнитивного компьютеринга при Университете Калгари (Калгари, Канада), Университет сингулярности, Институт человеко-компьютерного взаимодействия при Университете Карнеги-Меллон (Питсбург, Пенсильвания, США).

Постепенно, в том числе и в нашей стране, разворачивается практическая работа в этом направлении. В Послании Президента Российской Федерации В.В. Путина Федеральному собранию 4 декабря 2014 г. сформулирована задача создания Национальной технологической инициативы (НТИ) [Национальная технологическая инициатива] – государственной программы мер по поддержке развития в России отраслей, которые в течение следующих 20

лет могут стать основой мировой экономики. Одним из наиболее перспективных проектов, разрабатываемых в рамках НТИ, признан проект «Нейронет» по созданию распределенных искусственных компонентов сознания и психики. Его возглавляют А.А. Иващенко, председатель совета директоров группы компаний «ХимРар», и Л.М. Огородова, заместитель министра образования и науки России.

«Следующая технологическая революция будет связана с нейротехнологиями и кардинальным увеличением производительности умственного труда за счет интеграции мозга человека и вычислительных машин. Стремительное развитие этого направления начнется после завершения расшифровки (картирования) работы мозга, по аналогии с биотехнологической революцией, которая стартовала после расшифровки генома человека.

НейроНэт (так в источнике. – Ю.Ч.) станет следующим этапом развития нынешнего Интернета (Web 4.0), в котором взаимодействие участников (человек – человек, человек – машина) будет осуществляться с помощью новых нейрокомпьютерных интерфейсов, в дополнение к традиционным методам, а сами компьютеры станут нейроморфными (похожими на мозг) на основе гибридных цифроаналоговых архитектур. Прогнозируется появление социальных нейросетей и полноценного гибридного человеко-машинного интеллекта.

Применение нейротехнологий в области образования позволит резко увеличить объем и скорость усвоения новых знаний, при этом развитие таких технологий, как нейрофитнес и модуляция памяти, приведет к возможности многократного усиления когнитивных способностей.

В области медицины появятся технологии, позволяющие использовать искусственные конечности и дополнительные органы чувств, которые к 2035 г. разовьются в доступное для массового потребителя нейроуправление бытовым пространством. При этом уже в десятилетней перспективе ожидается появление эффективных таргетных биомаркеров и препаратов, позволяющих лечить различные возрастные деменции, включая болезнь Альцгеймера и болезнь Паркинсона. А через двадцать лет возможно открытие генных и клеточных технологий коррекции мозга» [Аннотация к плану мероприятий («дорожной карте») по развитию рынка НейроНэт Национальной технологической инициативы].

Согласно прогнозу, к 2020 г. размер новых сегментов рынка Нейронета достигнет 100 млрд долларов США, а после 2025 г. ожидается его экспоненциальный рост до 1,8 трлн долларов США в 2035 г. [Там же].

Общую координацию проекта «Нейронет», как и других перспективных проектов, осуществляет созданная Правительством России автономная некоммерческая организация «Агентство стратегических инициатив» (АСИ); председатель его наблюдательного совета В.В. Путин 21 июля 2016 г. принял участие в работе Форума стратегических инициатив в Москве [Около двухсот передовых проектов поддержало за пять лет существования Агентство стратегических инициатив, 2016], посвященного формированию концепции долгосрочного социально-экономического развития России до 2035 г. [Форум стратегических инициатив, 2016].

23—24 июля 2016 г. в Москве на территории центра дизайна «ARTPLAY» состоялся фестиваль науки и высоких технологий «Напо-город» (организатор – коммуникационное агентство «You Know» при поддержке Департамента культуры г. Москвы, благотворительного фонда «За словом дело» и Дома культуры «Гайдаровец»). В анонсе указывалось, что насыщенная программа подойдет любому, независимо от возраста и сферы деятельности: «Восемь секций будут работать для гостей, которые смогут отправиться в ROBO-кафе, чтобы попробовать папо-латте и космическую еду астронавтов, потом – на сеанс в ROBO-кино, чтобы посмотреть самые зрелищные фильмы о роботах и технологиях. Или – на ROBO-ринг, где меряются силами железных мускул самые современные роботы! В это время дети могут повеселиться в специальной ROBO-зоне для маленьких или попробовать себя в роли ученых в NAN О-институте.

Кроме того, в городе будущего есть ROBO-библиотека, в которой ученые, писатели-футурологи, историки, космонавты и летчики-испытатели будут делиться опытом и знаниями; NANO-маркет, с аттракционами виртуальной реальности и различными высокотехнологичными гаджетами, 3D-оборудованием и новейшим программным обеспечением; ROBO-клуб, где музыканты играют на напечатанных на SD-принтере инструментах; интерактивные площадки из фруктов и множество других интересных площадок, научных шоу и инсталляций для детей и взрослых» [Фестиваль «Напо-город», 2016]. Так новые технологии проникают в общество и становятся его достоянием.

В октябре 2014 г. на экспертном семинаре Российской венчурной компании профессор бизнес-школы Сколково, директор Global Education Futures П. Лукша, представляя проект «Дорожная карта развития Нейронета» [Митин, 2014], выделил три этапа движения к нему: 1) Биометринет (пред-Нейронет) – с 2014 по 2024 г.; 2) зарождение Нейронета – с 2025 по 2035 г.; 3) возникновение полноценного Нейронета – после 2035 г. К глобальным трендам, ведущим к Нейронету, он отнес: 1) *оестественление технологий* (возникновение «бесшовных» интерфейсов между естественными функциями тела и сознания и технологическими решениями); 2) *увеличение возможностей тела и сознания* (создание протезов, кибертел, искусственных органов чувств, усиленного интеллекта, экзокортекса на основе искусственного интеллекта); 3) *«оживление» техносферы* (появление Интернета вещей и «умных» сред, искусственного интеллекта в управлении и образовании, искусственных агентов, которые копируют и заменяют психические функции) и 4) *усиление влияния сетевой культуры* (коллективной, горизонтальной, ориентированной на сложность, построенной на эмерджентных эффектах) [Luksha, 2014].

Предполагается, что ближайшая реальность Нейронета – Биометринет будет выглядеть к 2020 г. следующим образом. Широко распространятся носимые биометрические устройства. Получаемые с них данные активно станут использоваться в здравоохранении и играх, направленных на изменение поведения. Нейромаркетинг через BigLiveData сформирует цифровые модели индивидуального поведения. Биометрия начнет применяться в образовании (обучение корректируется с учетом биометрических данных), использоваться для обучения управлению состояниями сознания. Появятся протезы, контролируемые напрямую нервной системой. Пройдут первые эксперименты по созданию групп, связанных нейроинтерфейсами. Возникнут семантический Интернет, интерфейсы «мозг-компьютер», построенные на моделях естественной вербальной и невербальной коммуникации [Там же].

Биометрическое будущее гораздо ближе к каждому из нас, чем можно себе представить. О готовности внедрить систему биометрической идентификации клиентов в течение двух-трех лет недавно заявил глава Сбербанка Г. Греф: «У нас сейчас рассматривается целый ряд подходов к вопросам безопасности. Например, такие как voice recognition (идентификация по голосу) и image recognition (идентификация по внешности). Эти решения, которые доводят точность идентификации до 99,9 %, находятся в высокой степени готовности. <...> Это не только защита от мошенничества, но и удобство. Не нужно никуда ездить, не нужно документов, чтобы мы идентифицировали ваш голос для совершения любой операции. В нашей новой платформе «18+» заложен функционал идентификации клиентов по ладони. Мы сейчас все больше и больше банкоматов закупаем с биометрией. Соответственно, как таковая карта, основная задача которой состоит в идентификации, уходит в прошлое. После внедрения платформы «18+», а оно планируется к 2018 году, частота использования карты как инструмента платежа начнет резко снижаться. Банкинг изменится драматически» [Каледина, 2016]. Как уточнили в пресс-службе Сбербанка, идентификация клиентов по голосу планируется в масштабах всего банка, она будет доступна во всех регионах и всем клиентам по их желанию. По данному направлению большая часть тестов уже проведена. Как выяснилось, для внедрения новых способов идентификации не существует юридических препятствий. «По словам директора юридической группы “Яковлев и партнеры” Анастасии Рагулиной, новый способ

полностью вписывается в действующее российское законодательство. Она отметила, что при заключении договора банк с согласия клиента может включить пункт об использовании личных данных клиента, к которым в том числе относятся внешность и голос. В частности, это предусмотрено ст. 11 закона «О персональных данных»» [Там же].

Несколько иная, чем у П. Лукши, периодизация эволюции Нейронета изложена в аналитическом докладе 2015 г. «Подходы к формированию и запуску новых отраслей промышленности в контексте Национальной технологической инициативы, на примере сферы “Технологии и системы цифровой реальности и перспективные «человеко-компьютерные» интерфейсы (в части нейроэлектроники)”». Здесь первый этап (ростки будущей сети) – 2015–2020 гг., второй (пролог Нейронета) – 2020–2030 гг., третий (полноценные очаги Нейронета) – 2030–2040 гг., четвертый (Нейронет охватывает область коммуникаций целиком) – после 2040 г. [Там же]. Впрочем, периодизации расходятся незначительно: разница не превышает пяти лет.

Предстоящее вхождение в нейросреду и технологическое овладение процессами нейрокоммуникаций сопряжено со множеством рисков. К их числу относят: 1) нейрохакинг – взлом сетей Нейронета с нанесением вреда человеческому телу и сознанию, распространение специфических вирусов; 2) угрозу внешнего управления людьми (в том числе со стороны искусственного интеллекта), нарушение неприкосновенности частной жизни; 3) изменение человеческой сущности, превращение людей в биороботов; 4) расслоение человечества, превращение элиты в новый биологический вид сверхлюдей [Нейронет].

Поэтому естественно, что у Нейронета есть не только сторонники, но и противники. Г.И. Царева, общественный деятель и создатель критических фильмов о влиянии высоких технологий на общество, называет проект «Нейронет» *дорожной картой уничтожения человечества*. «Само понятие “Нейронет” подразумевает появление интерфейса – соединение мозга человека и компьютера, представляющего собой систему передачи электрических импульсов от нервной системы человека к электронному устройству и обратно. Это всемирная система объединенных сетей (интернет документов, интернет людей, интернет вещей, интернет живых систем), в которых коммуникация и совместная деятельность осуществляется с использованием инструментов нейрокоммуникации. Основная идея “Нейронета” – это идея глобального, коллективного мозга, связь психики разных людей, обмен сенсорным и эмоциональным опытом напрямую: человек будет воспринимать мысли, ощущения и эмоции других людей. В ближайшем будущем популярными станут нейроигры, когда будет возможным глубоко погружать человека в виртуальные миры и достигать эффекта слияния с ними; разработка систем телеприсутствия, нейропротезирования и моделирования мозга; изучение сознания и способов переноса “Я” человека на небиологический субстрат – искусственное тело, а также возможность достигать измененных состояний сознания, симулируя не только зрительные и звуковые, но и тактильные переживания, при этом станет возможным размывание границ между физической и цифровой реальностью – такова цель “Нейронета”» [Царева].

К 2020 г. будут созданы интерфейсы для управления объектами интернета вещей, в том числе и роботами. «Умные вещи» наполнят не только внешнюю среду, но и тела людей. Количество физических объектов, подключенных к Интернету, возрастет до 50 млрд. Интернет вещей в реальном времени позволит зафиксировать в Сети данные о перемещении стула по кухне или о пищевых привычках домашнего кота. Уже получила экспериментальное подтверждение возможность связать непосредственно два мозга коммуникационным каналом и передавать по нему сообщения. В ближайшем будущем появятся интерфейсы для общения высших видов животных (китообразных, собак, лошадей, обезьян и др.), что позволит развивать их психические функции и даст им возможность вербально коммуницировать с людьми. Мозг человека может быть «связан» с мозгом любого животного и не только перенимать его ощущения, но и получать присущие им дополнительные свойства тела.

По мнению Г.И. Царевой, Нейронет – орудие в руках глобализаторов, при помощи которого они добиваются тотальной власти над человечеством. «В наших обществах навязывается представление, что тело и человек – это сырье, которое может быть изменено: ими можно манипулировать, чтобы восстанавливать функции, которые были утрачены, или приобретать новые, еще не известные, о которых можно только догадываться. Формировать же сознание и восприятие человека будут не машины, а те, кто стоит за ними. К сожалению, человечество пока не осознало, что когда произойдет соединение электронных устройств с нервной системой человека и он будет осознавать свое единство с “машиной”, то это уже будет практическим воплощением в жизнь одного из условий превращения его в “новое эволюционное существо”, а по сути – в киборга.

Это все не фантастика и футурология, а жесткая реальность наших дней. Главная цель всего этого процесса – это изменение человека как такового и превращение его в некий искусственный биообъект, который будет лишен свободной воли и станет послушной марионеткой в руках правящей элиты, которого можно будет уничтожить в любой момент, послав на чип определенный сигнал» [Там же].

Ставшая реальной угрозой эволюционного «схлопывания» истории человечества обсуждается в России на самом высоком уровне. Выступая 30 сентября 2015 г. в рамках проекта «Время эксперта» перед членами Совета Федерации Федерального собрания Российской Федерации, президент Национального исследовательского центра «Курчатовский институт» член-корреспондент РАН М.В. Ковальчук отметил, что сегодня доминантой мировой политики стала борьба за истощающиеся ресурсы. Военная колонизация сменилась технологическим порабощением, а лидерство обеспечивается технологическим превосходством [Выступление Михаила Ковальчука в Совете Федерации 30 сентября 2015 года]. Как и Г.И. Цареву, М.В. Ковальчука беспокоит возможность направленного вмешательства в процесс эволюции человека с целью подчинения масс элите: «И цель – создать принципиально новый подвид *Homo sapiens* – служебного человека. <...> Свойство популяции служебных людей очень простое: ограниченное самосознание, и когнитивно это регулируется элементарно, мы с вами видим, это уже происходит. Вторая вещь – управление размножением, и третья вещь – дешевый корм, это генно-модифицированные продукты. И это тоже уже все готово. Значит, фактически сегодня уже возникла реальная технологическая возможность выведения служебного подвида людей. И этому помешать уже не может никто, это развитие науки, это по факту происходит, и мы с вами должны понимать, какое место в этой цивилизации мы можем занять» [Там же].

Создание Глобального мозга на основе нейрокоммуникации (планетарного Соляриса) [Дзялошинский, 2012] – одна из задач, которую человечеству предстоит решать в ближайшем будущем. Судя по всему, сама ее постановка не случайна и предопределена фундаментальными закономерностями метаэволюции систем неживой, живой и социотехнологической природы [Гринченко, 2007; Щапова, 2011; Гринченко, Щапова, 2013; Гринченко, 2014]. Овладение нейросредой будет осуществляться при помощи технологий *улучшения человека* (Human Enhancement) [Улучшение человека] в рамках концепции *трансгуманизма*, получившей организационное оформление во второй половине 1990-х гг. [Трансгуманизм]. В новой технологической гонке, на очередном витке повторяющей процесс создания ИКТ в 1980—1990-е гг. [Черный, 2014(а); Черный, 2014(б); Черный, 2016], участвуют США, страны Европейского союза, Япония, Китай и Россия (проект «Нейронет» в рамках Национальной технологической инициативы, деятельность Научного совета РАН по методологии искусственного интеллекта, проект «Россия 2045» и др.). В нашей стране исследования в области нейрокоммуникаций проводят Институт высшей нервной деятельности и нейрофизиологии РАН, Институт медико-биологических проблем РАН, Институт мозга человека им. Н.П. Бехтеревой РАН, Институт эволюционной физиологии и биохимии им. И.М. Сеченова РАН, НБИКС-Центр НИЦ «Курчатовский институт», лаборатория нейрофизиологии и нейрокомпьютерных интер-

фейсов биологического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова, НИИ нейрокибернетики им. А.Б. Когана Южного федерального университета [Нейронет].

Так в общих чертах выглядит контекст развития глобальной информационной среды на следующую четверть века – примерно до 2040 г. Как представляется, трансформация традиционных институтов социальной памяти, возникших и сформировавшихся в письменную эпоху (архивов, библиотек и музеев), будет осуществляться в его рамках.

Заключение. Э. Тоффлер убедительно показал, что секрет успеха индустриальной цивилизации заключался в ее системном характере. Шесть взаимосвязанных принципов (стандартизация, специализация, синхронизация, концентрация, максимизация и централизация) образовали уникальный внутренний план, пронизывавший все стороны человеческой жизни. В наши дни скрытый код индустриализма разрушается и меняется на новый. Люди Второй волны инстинктивно используют и защищают старые принципы, тогда как люди Третьей волны бросают им вызов.

Новый постиндустриальный мир будет сформирован в пределах жизни двух-трех ближайших поколений. Такого темпа изменений мировая история еще не знала. «Первая волна перемен – сельскохозяйственная революция – потребовала тысячелетий, чтобы изжить саму себя. Вторая волна – рост промышленной цивилизации – заняла всего лишь 300 лет.

Сегодня история обнаруживает еще большее ускорение, и вполне вероятно, что Третья волна пронесется через историю и завершится в течение нескольких десятилетий. Те, кому довелось жить на нашей планете в этот взрывной период, в полной мере почувствуют влияние Третьей волны на себе» [Тоффлер, 1980].

В условиях взаимосвязанного и взаимозависимого мира идея *единого планетарного сознания* наполнилась реальным содержанием. Ее носителями стали работники транснациональных корпораций, защитники окружающей среды, финансисты, революционеры, интеллектуалы, поэты и художники. Подобно тому, как в свое время национализм говорил от лица нации, глобализм выступает от лица всего мира. Его появление представляется эволюционной необходимостью – ступенью к «космическому сознанию», охватывающему не только Землю, но и Вселенную [Там же].

Зарождение ноосферы произошло около 100 000 лет назад при переходе в процессе эволюции от *homo erectus* («человека прямоходящего») к *homo sapiens* («человеку разумному»). Особенно активное развитие сферы генерации, систематизации, хранения, воспроизведения и распространения знаний наблюдается в наши дни. «Если механизм человеческой памяти за все прошедшие тысячелетия и претерпел незначительные изменения, постепенно совершенствуясь, но не меняясь в принципе, то фиксация знаний в ноосфере претерпела за то же время значительные изменения, пройдя путь от наскальных рисунков и каменных фигурок первобытного человека (15–20 тыс. лет назад), надписей на стенах храмов и глиняных дощечек периода древних цивилизаций (5 тыс. лет назад) до нынешних библиотек с энциклопедиями, толковыми словарями, учебниками и сочинениями лучших мыслителей всех времен и народов. К новейшим формам фиксации знаний относятся электронные носители информации. С появлением Интернета ноосфера вступила в новую стадию своего развития, при которой воспроизведение и распространение знаний будет приобретать все более широкие масштабы и происходить на более высоком и качественном техническом уровне» [Кондрашин, 2003].

В постиндустриальную эпоху работники архивной, библиотечной и музейной сфер будут вынуждены периодически возвращаться к проблеме нахождения разумного баланса между традициями своих отраслей, с одной стороны, технологическими и социальными новациями – с другой, достижениями наук (исторической науки в том числе) – с третьей. Как добиться того, чтобы быть современным и при этом сохранить идентичность, постоянно меняться – и остаться самим собой? Представляется, что зрелый ответ на этот вопрос возможен при учете закономерностей развития глобальной информационной среды.

Библиография

Аналитический доклад «Подходы к формированию и запуску новых отраслей промышленности в контексте Национальной технологической инициативы, на примере сферы “Технологии и системы цифровой реальности и перспективные «человеко-компьютерные» интерфейсы (в части нейроэлектроники)”». М., 2015. 78 с. Режим доступа: <http://asi.ru/nti/docs/Doklad.pdf>

Аннотация к плану мероприятий («дорожной карте») по развитию рынка НейроНет Национальной технологической инициативы. Режим доступа: <http://asi.ru/nti/docs/NeuroNet.pdf>

Волкова В.Н. Информатика: семь идей профессора Ф.Е. Темникова. Текст доклада на 14-м заседании семинара «Методологические проблемы наук об информации» (Москва, ИНИОН РАН, 28 ноября 2013 г.). Режим доступа: http://inion.ru/files/File/MPNI_14_Volkova_V_N_Doklad.pdf

Володин Б.Ф. Всемирная история библиотек. СПб.: Профессия, 2002. 352 с.

Выступление Михаила Ковальчука в Совете Федерации 30 сентября 2015 г. // Троицкий вариант – Наука. 8 октября 2015 г. Режим доступа: <http://trv-science.ru/2015/10/08/vystuplenie-mikhaila-kovalchuka-v-sf>

Геллер Л. «Органопроекция»: в поисках очеловеченного мира // Звезда. 2006. № 11. Режим доступа: <http://magazines.russ.ru/zvezda/2006/11/ge17.html>

Гордиенко И. К вопросу об организмах // Компьютерра. № 37 (366). 2000. 24 октября. С. 18. Режим доступа: <http://www.kinnet.ru/cterra/366/5139.html>

Гринченко С.Н. Метаэволюция (систем неживой, живой и социально-технологической природы). М.: ИПИ РАН, «Мир», 2007. 456 с. Электронная версия книги доступна по адресу: http://www.ipiran.ru/grinchenko/book_2/text.shtml

Гринченко С.Н. Проблемы эволюции человека в информационном обществе // Сборник материалов XVI конференции «Наука. Философия. Религия»: Человек перед вызовом новейших информационных и коммуникативных технологий (г. Дубна, 21–22 октября 2013 г.). М.: Фонд Андрея Первозванного, 2014. С. 274–282. Электронная версия доступна по адресу: http://www.inion.ru/files/File/NFR_Dubna-2013_Sbornik.pdf

Гринченко С.Н., Щапова Ю.Л. Информационные технологии в истории Человечества. М.: Новые технологии, 2013. 32 с. (Приложение к журналу «Информационные технологии». № 8/2013). Электронная версия доступна по адресу: http://www.ipiran.ru/grinchenko/lp813_web.pdf

Дзялошинский И.М. Медиапространство России: пробуждение Соляриса. М.: Изд-во АПК и ППРО, 2012. 422 с.

Каледина А. Сбербанк опознает клиентов по голосу. Крупнейшая кредитная организация страны внедряет систему, которая сделает банковские карты фактически ненужными // Известия. 26 мая 2016 г. Режим доступа: <http://izvestia.ru/news/615407>

Кампанелла Т. Город Солнца / Пер. и коммент. Ф.А. Петровского. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1954. 227 с.

Кондрашин И.И. Ноосфера // Глобалистика: Энциклопедия / Гл. ред. И.И. Мазур, А. Н. Чумаков; Центр научных и прикладных программ «ДИАЛОГ». М.: ОАО Издательство «Радуга», 2003. С. 705.

Маклюэн Г.М. Понимание Медиа: Внешние расширения человека / Пер. с англ. В. Николаева; закл. ст. М. Вавилова. М.; Жуковский: КАНОН-пресс-Ц, Кучково поле, 2003. 464 с. Электронная версия книги доступна по адресу: http://yanko.lib.ru/books/media/mcluhan-understanding_media.pdf

Маяковский И.Л. Архив, библиотека и музей // Мир библиографии. 1998. № 4. С. 50–55.

Митин В. Нейронет (NeuroWeb) станет следующим поколением Интернета // PC Week. Идеи и практики автоматизации. 17.10.2014. Режим доступа: <http://www.pcweek.ru/idea/blog/idea/7022.php>

Налимов В.В. Непрерывность против дискретности в языке и мышлении. Тбилиси: Тбилисский ун-т, 1976. 83 с.

Налимов В.В. Спонтанность сознания. Вероятностная теория смыслов и смысловая архитектура личности. М.: Прометей, 1989. 287 с.

Национальная технологическая инициатива. Программа мер по формированию принципиально новых рынков и создания условий для глобального технологического лидерства России к 2035 г. Режим доступа: <http://asi.ru/nti>

Нейронет // Википедия. Свободная энциклопедия. Режим доступа: <https://ru.wikipedia.org/wiki/Нейронет>

Около двухсот передовых проектов поддержало за пять лет существования Агентство стратегических инициатив // Новости Первого канала. 21 июля 2016 г. Режим доступа: http://www.itv.ru/news/2016/07/21/306522-okolo_dvuhsot_peredovyh_proektov_podderzhalo_za_pyat_let_suschestvovaniya_agentstvo_strategicheskikh_initsiativ

Нелипенко А. А. Феномен Интернета в контексте макроэволюционной динамики культуры // Интернет и социокультурные трансформации в информационном обществе. Сборник материалов международной конференции (Южно-Сахалинск, 8—12 сентября 2013 г.) / Сост. Е.И. Кузьмин, А.В. Паршакова. М.: МЦБС, 2014. С. 88–94. Электронная версия сборника доступна по адресу: http://mcbs.ru/files/sakhalin2013_web.pdf

Поршнев В.Н. Музей в культурном наследии античности. СПб.: Санкт-Петерб. гос. ун-т культуры и искусств, 2006. 264 с.

Поршнев В.Н. Сакаральное пространство Александрийского Мусея: этапы формирования // Вопросы музеологии. 2011. № 1 (3). С. 47–56.

Прянишников Н. LAMBRARY или БАМТЕКА: Библиотека, включающая архив и музей // 60 параллель / 60 parallel. 2009. № 1 (32). С. 28–37. Режим доступа: http://www.intelros.ru/pdf/60_parallel/32/04.pdf

Семеновкер Б.А. Эволюция информационной деятельности. Бесписьменное общество. М.: Пашков дом, 2007. 141 с.

Соколов А.В. Социальные коммуникации: учеб. для бакалавров, обучающихся по направлению подготовки 071900.62 «Библиотечно-информационная деятельность» / Науч. ред. Г.В. Михеева. СПб.: Профессия, 2014. 288 с.

Столяров Ю.Н. Крупный вклад в представление об эволюции документа. Рец. на кн.: Семеновкер Б.А. Эволюция информационной деятельности. Бесписьменное общество / Рос. гос. б-ка. М.: Пашков дом, 2007. 141 с.; *Он же.* Эволюция информационной деятельности. Рукописная информация. Ч. 1. / Б.А. Семеновкер; Рос. гос. б-ка. М.: Пашков дом, 2009. 245 с. // Научные и технические библиотеки. 2009. № 8. Режим доступа: <http://ellib.gpntb.ru/subscribe/index.php?art=9&journal=ntb&num=8&year=2009>

Суперорганизм // Википедия. Свободная энциклопедия. Режим доступа: <https://ru.wikipedia.org/wiki/Суперорганизм>

Темников Ф.Е. Синхронные поля общения // Труды МЭИ. Вычислительные сети коллективного пользования: Тематич. сб. Вып. 603. М.: МЭИ, 1983. С. 55–58.

Тесла Н. О природе электричества. Выдержки из лекции Никола Тесла, прочитанной им перед студентами Колумбийского электротехнического университета 20 мая 1891 г. (Essential notes by Nicola Tesla about the possible Nature of the Electricity & also about his own work at this field). Режим доступа: <http://www.bourabai.kz/tesla/electricity.htm>

Тоффлер Э. Третья волна. Режим доступа: <http://e-libra.ru/read/243888-tretya-volna.html>

Трансгуманизм // Википедия. Свободная энциклопедия. Режим доступа: <https://ru.wikipedia.org/wiki/Трансгуманизм>

Улучшение человека // Википедия. Свободная энциклопедия. Режим доступа: https://ru.wikipedia.org/wiki/Улучшение_человек

Фестиваль «Нано-город» // Центр дизайна «ARTPLAY». Режим доступа: <http://www.artplay.ru/events/festival-nano-gorod.html>

Форум стратегических инициатив. 21–22 июля 2016. Москва, ВДНХ. Режим доступа: <http://asi.ru/forum>

Царева Г.И. Нейронет – дорожная карта уничтожения человечества// Московское областное отделение Коммунистической партии Российской Федерации. Режим доступа: <http://mkkprf.ru/15500-neuronet-dorozhnaya-karta-unichtozheniya-chelovechestva.html>

Черный А.И. Александрийский музейон и его библиотека – восьмое чудо света // Международный форум по информации. 2006. Т. 31, № 3. С. 3—17.

Черный Ю.Ю. Информационно-коммуникационные технологии (ИКТ) как инструмент геополитической экспансии развитых государств // Сборник материалов XVI конференции «Наука. Философия. Религия»: Человек перед вызовом новейших информационных и коммуникативных технологий (г. Дубна, 21–22 октября 2013 г.). М.: Фонд Андрея Первозванного, 2014(а). С. 56–69. Электронная версия доступна по адресу: http://www.inion.ru/files/File/NFR_Dubna-2013_Sbornik.pdf

Черный Ю.Ю. Размышления об информационном обществе // Интернет и социокультурные трансформации в информационном обществе. Сборник материалов международной конференции (Южно-Сахалинск, 8—12 сентября 2013 г.) / Сост. Е.И. Кузьмин, А.В. Паршакова. М.: МЦБС, 2014(6). С. 46–60. Электронная версия доступна по адресу: http://mcbs.ru/files/sakhalin2013_web.pdf

Черный Ю.Ю. Шестая волна технологических инноваций: от информационно-коммуникационных технологий (ИКТ) к конвергентным нано-био-инфо-когнитивным (НБИК) технологиям. Текст доклада на 25-м заседании совместного семинара ИПИ РАН и ИНИОН РАН «Методологические проблемы наук об информации» (г. Москва, ИНИОН РАН, 25 февраля 2016 г.). Режим доступа: [http://inion.ru/files/File/MPNI_25_Chernyy_Yu_Yu_Doklad\(1\).pdf](http://inion.ru/files/File/MPNI_25_Chernyy_Yu_Yu_Doklad(1).pdf)

Щанова Ю.Л. Материальное производство в археологическую эпоху. СПб.: Алетейя, 2011. 236 с.

Heylighen F. The Global Superorganism: an evolutionary-cybernetic model of the emerging network society// *Social Evolution & History*. 2007. Vol. 6. No. 1. P. 58–119. Перевод на русский язык доступен по адресу: <http://www.uic.unn.ru/pustyn/lib/super/index.ru.html>

Heylighen F., Bollen J. The World-Wide Web as a Super-Brain: from metaphor to model // *Cybernetics and Systems '96*. R. Trappl (ed.). Austrian Society for Cybernetics, 1996. P. 917–922.

Luksha P Russian version of NeuroWeb Foresight (results of the roadmap design by group of ca. 100 researchers, producers & practitioners around cognitive technologies). Режим доступа: <http://www.slideshare.net/PavelLuksha/neuroweb-foresight-results-vmar2014-russian-version>

Mayer-Kress GBarczys C. The Global Brain as an Emergent Structure from the Worldwide Computing Network, and its Implications for Modelling// *The Information Society*. 1995. Vol. 11. No. 1. P. 1–28.

Russell P. The Global Brain Awakens: Our Next Evolutionary Leap. Miles River Press, 1995. The Global Brain Institute. Режим доступа: <https://sites.google.com/site/gbialternative/home>

Документосфера как пространство синтеза музея, библиотеки, архива

Documentosphere as a space of museum, library, archive synthsis

УДК 025:004

А.В. Соколов,

A. V. Sokolov

Аннотация: исторически сложившаяся документосфера включает архивное, книжное, музейное дело, однако архивоведение, документоведение, книговедение, музееведение, библиотековедение развиваются обособленно и различным образом трактуют понятие «документ». Для практического сотрудничества и научной интеграции отраслей документальной коммуникации необходимо осознание их сущностного единства в качестве различных явлений документосферы. В статье показаны возможные направления межнаучного взаимодействия в процессе исследования документосферы.

Abstract: the historical documentosphaera includes archiving, book business, museum. Archival, records management, bibliology, museology developed separately and in different ways interpret the concept of “document”. For practical cooperation and integration of the scientific branches of documentary communication it is need an awareness of their essential unity as various phenomena of documentosphaera. Article submissions indicate possible areas of cooperation in the process interscience research of documentosphaera.

Ключевые слова: архивоведение, документоведение, документосфера, книговедение, музееведение, библиотековедение, научная интеграция, сотрудничество, коммуникация, синтез.

Keywords: archival, records management, documentosphaera, bibliology, museology, scientific integration, cooperation, synthesis, communication, librarianship.

Документосфера — неологизм, редко встречающийся в научных текстах. Лишь в одном словаре-справочнике удалось обнаружить дефиницию: «**Документосфера** — сфера обращения документализованной информации. Характеризует состояние, качество документальной памяти человечества. Включает такие коммуникационные явления, как: документальный поток, документальный массив, документальный ресурс, документальный фонд, документальная информация; процессы: документирование, документография, документализация, документальное обслуживание и др.» [Ильганаева, 2009. С. 83]. Упрощая приведенную формулировку, назовем документосферой ту область социально-культурного пространства, где создаются, передаются, хранятся и используются сообщения смысловой коммуникации, именуемые «документы».

В XVIII в., веке Просвещения, слово «документ» отсутствовало в русской лексикографии. Об этом свидетельствует тот факт, что Российская академия, главными задачами которой были «сочинение грамматики и словаря» и изучение древнерусских литературных памятников, не нашла в «Словаре Академии Российской, производным порядком расположенном», вышедшем в 1789–1794 гг. в 6 томах и включавшем свыше 40 000 слов, места для заморского слова «документ». Только в середине XIX в. в «Словаре церковно-славянского и русского языка, составленном Вторым отделением Императорской Академии наук в 1847 году» появилось: «Документ – ученый акт или деловая бумага, служащие доказательством или свидетельством чего-либо». С тех пор в практике канцелярского делопроизводства и юридического судопро-

изводства, да и в обыденном общении, термин «документ» понимается как «деловая бумага, юридический акт, служащий доказательством чего-то, подтверждающий право на что-то» или как «официальное удостоверение личности, пропуск, паспорт». Это понимание резонно считать аутентичным (подлинным, исходным, первоначальным) значением лексемы «документ» в русском языке. Однако аутентичное значение недолго оставалось единственным.

С конца XIX в. и до наших дней расширяется ассортимент информационно-коммуникационных наук, исходящих из общенаучного постулата, что документ – «материальный объект, содержащий информацию в зафиксированном виде и специально предназначенный для ее передачи во времени и пространстве», – это «документированная информация». Известны более дюжины академически признанных «наук о документе»: архивоведение, археография, библиографоведение, библиотековедение, документоведение, документалистика, документология, журналистика, информатика, источниковедение, книговедение, криминалистика, музееведение и др. Кроме того, существует десяток вспомогательных (специальных) исторических дисциплин, изучающих отдельные виды документов: бонистика, геральдика, дипломатика, нумизматика, палеография, сфрагистика, эпиграфика и др. Каждая наука в рамках своей компетенции пытается раскрыть феномен документа, его отличительные признаки, свойства и социальные функции, технологии создания, обработки, распространения, структуры документальных систем. Стали привычными несовместимые ответы на вопрос «что есть документ?», рассуждения относительно сущности, функций, типологии документов и проблем «книга и документ», «информация и документ». В XXI в. технотронные, виртуальные и электронные документы обновили и обострили проблематику многолетних дискуссий. Не остались в стороне от диспутов историки, культурологи, семиотики, теоретики социальной коммуникации, хотя термин «документ» они используют не всегда, предпочитая «памятник», «знак», «символ», «информация».

Неопределенность понятия «документ», терминологическая несогласованность, хаотичное переплетение документоведческих концепций дезориентируют образовательный процесс и формирование научных школ. В высшей школе подготовка бакалавров и магистров ведется по направлениям «Документоведение и архивоведение» (или «Документоведение и документационное обеспечение управления»), «Библиотечно-информационная деятельность», «Музеология и охрана объектов культурного и природного наследия». Научно-методическое сотрудничество между направлениями практически отсутствует. В итоге вместо общей теории документа получаются сепаратные курсы «управленческое документоведение», «теория архивного дела», «библиотечно-библиографическое документоведение», «основы музееведения». Еще труднее проследить вектор научной интеграции в Номенклатуре специальностей научных работников, неустанно модернизируемой Высшей аттестационной комиссией (ВАК). Там имеется раздел «Документальная информация (документ)», включающий научные дисциплины: документалистика, архивоведение, документоведение, библиотековедение, библиографоведение, книговедение. Эти дисциплины органично связаны с такими науками о документах, как музееведение, историческое источниковедение, археология, текстология, журналистика, литературоведение, криминалистика, социология управления, которые распределены по другим разделам номенклатуры.

Отсюда следует вывод, что эмпирически и стихийно сложился ассортимент учений, теорий и учебных курсов, раскрывающих те или иные аспекты информационно-коммуникационного феномена, именуемого «документ». Правда, ведущие теоретики архивоведения, документоведения, книговедения склонны критически оценивать «реальную разработанность», «общетеоретические обобщения», «фундаментальность осмысления» предметов своих научных дисциплин, но эту самокритику хотелось бы воспринимать не как свидетельство слабости исследовательской мысли, а как признание сложности решаемых задач и недопонимания их со стороны властных структур. Задачи настоящей статьи заключаются в сопоставлении трак-

товок понятия «документ» в архивоведении, музееведении, источниковедении и книговедении, чтобы приблизиться к сущностному, междисциплинарному (может быть, общенаучному) определению документа.

Архивный документ как социально-культурная ценность. В отечественном архивоведении представлены два понимания сущности архива: 1) *ведомственно-потребительское*, когда архив рассматривался как продолжение канцелярского делопроизводства, осуществляющее более-менее долговременное хранение деловых бумаг, утративших оперативное значение; здесь приоритетны функции кумуляции фондов и справочно-информационного обслуживания; 2) *историко-культурное*, когда архивный фонд воспринимается как коммуникационный канал для передачи ценностей национальной культуры из поколения в поколение, а архивы предстают следствием присущего человеку стремления к самопознанию и увековечению памяти о себе; здесь приоритет отдается мемориальной функции и функции гуманизации общества. Функциональные установки выражаются в отношении персонала к архивным документам. В первом случае на первый план выходит конъюнктурно-политическая и прагматическая полезность, во втором – культурно-историческая ценность документа, которая сочетается с бескорыстно-научным интересом к нему как к памятнику прошлого. Соответственно в литературе по архивоведению предлагаются разные подходы к определению понятия «архивный документ».

В постсоветской России объектом архивоведения считался документ в виде «материального носителя записи с зафиксированной на нем информацией», а предметом – архивные документы, находящиеся на архивном хранении или подлежащие архивному хранению. В Законе Российской Федерации «Об Архивном Фонде РФ и архивах» (2004) архивный документ определен как «материальный носитель с зафиксированной на нем информацией, который имеет реквизиты, позволяющие его идентифицировать, и подлежит хранению в силу значимости указанных носителя и информации для граждан, общества и государства» (статья 3). Хотя упоминание о значимости архивных документов для граждан, общества и государства присутствует, главное внимание в законодательстве и в других руководящих материалах уделялось не реализации культурно-исторического потенциала архивных фондов, а использованию хранимых документов «в качестве доказательства при подтверждении правовых обязательств или деловой деятельности» (ГОСТ Р ИСО 15489-1-2007 Управление документами).

Прагматическая ориентация превалирует в терминологических стандартах «Делопроизводство и архивное дело. Термины и определения». В ГОСТ Р 51141—98 и сменившем его ГОСТ Р 7.0.8—2013 документ определяется как «зафиксированная на носителе информация с реквизитами, позволяющими ее идентифицировать», а архивный документ трактуется как «документ, сохраняемый или подлежащий сохранению в силу его значимости для граждан, общества, государства». Смущают два обстоятельства: 1) сказано, что документ – это информация, а не материальный носитель, но многозначное понятие «информация» в ГОСТах не раскрывается; 2) требуется, чтобы всякий документ обладал реквизитами, реквизит же довольно невнятно определяется как «элемент оформления документа» (выходит, что черновые автографы или указатели типа «вход воспрещен», этюд или фотография, которые не имеют реквизитов, считаться документами не могут). Трудно руководствоваться замысловатыми формулировками такого рода.

Историко-культурная ориентация в архивной практике представлена слабо. Очень жаль. Как показала Т.И. Хорхордина, именно в случае гуманизации российских архивов «особенно возрастает значение профессии архивиста и научных основ архивной деятельности. Выявление, отбор для хранения архивных материалов, обеспечение сохранности архивных фондов и условий для их использования становятся важным критерием уровня цивилизованности государства и общества» [Хорхордина, 2003. С. 481–482]. Важное профессионально-мировоззренческое значение для архивного дела и для других документально-коммуникационных инсти-

тутов имеет ее призыв: «...объективно различать три уровня понимания сущности и функций архивов и профессии архивиста: обслуживание социальных запросов, служение нации (государству) и вневременной, “вечный” характер как источника исторических знаний, т. е. научной системы человеческих знаний о мире и о себе» [Там же. С. 248]. Отсюда следует вывод о многоцелевом назначении этого социального института: архивы служат для управления социальными, политическими, международными процессами, защищают имущественные интересы и права собственников, являются хранителями национальной памяти и исторических источников, очагом культуры.

Аутентичный документ как предмет документоведения. Разнообразные документы государственного, юридического, служебного, личного происхождения, отбираемые для хранения в архивах, как правило, служат доказательством чего-то, подтверждением права на что-то, т. е. ассоциируются с первоначальным значением слова «документ», которое мы условно назвали «аутентичным». К аутентичным архивным документам относятся: используемая в дипломатической практике международная переписка (меморандумы, ноты, верительные грамоты и т. п.); деловые (коммерческие, хозяйственные) письма, служащие для установления деловых контактов между предприятиями, организациями, органами власти; внутрифирменные управленческие документы (служебные, объяснительные и докладные записки, распоряжения и приказы, электронная почта и пр.).

Типичный жизненный цикл аутентичного документа складывается из четырех этапов: первый этап – замысел и порождение (вне архивной отрасли); второй – существование в качестве регулятора процессов, явлений, событий действительности, когда документ выполняет властные, исполнительные, организационные, коммуникативные, информационные и иные функции; третий – после утраты оперативного значения по итогам ценностной экспертизы он может быть уничтожен либо оставлен для долгосрочного или вечного хранения в архиве; четвертый этап – описание, снятие ограничений на доступ к нему и превращение его в публичный исторический источник. Архивное дело охватывает два этапа: третий – комплектование и хранение архивных фондов, являющийся предметом архивоведения как комплексной научной дисциплины, изучающей и разрабатывающей теоретические, методические и организационные вопросы этого дела и его историю, и четвертый – аналитико-синтетическая обработка собранных документов, которая образует предмет археографии как научной дисциплины, разрабатывающей принципы и методы подготовки документальных публикаций (теоретическая археография) и осуществляющей практическую их реализацию (прикладная археография).

Типичный цикл документооборота соответствовал технологии бюрократического управления по схеме «орган власти – канцелярия – архив», и властные структуры, начиная с царь-реформатора Петра I, постоянно заботились о его совершенствовании. Достаточно вспомнить о «Генеральном регламенте» 1720 г., откуда в русский язык пришли слова «архив» и «архивариус». Однако с ростом просвещения российские архивы начали комплектовать не только продукты канцелярского делопроизводства, но и исторические акты, манифесты, памятные записи, литературные автографы и прочие произведения письменности, не предназначавшиеся первоначально для архивного хранения. В советское время архивное дело институционализировалось в виде многоуровневой системы государственных архивов (центральных, краевых, областных), а также ведомственных и местных архивов. В начале 1930-х гг. в Москве был открыт государственный историко-архивный институт (МГИАИ), призванный готовить специалистов высшей квалификации для работы в государственных архивах, а затем и работников государственного делопроизводства. Именно МГИАИ стал первооткрывателем документоведения как научной и учебной дисциплины.

Историю отечественного документоведения принято начинать со статьи К-Г. Митяева «Документоведение, его задачи и перспективы развития» [Митяев, 1964]. В ней обосновано научное понятие документа как «результата сознательного запечатления (документирова-

ния) информации о явлениях объективной действительности различными способами в целях надежной передачи этой информации во времени и на расстоянии, при обязательной идентификации запечатленного на языке слов» [Там же. С. 29]. Документоведение он определил как «научную дисциплину, изучающую в историческом развитии способы, отдельные акты и системы документирования явлений объективной действительности и создаваемые в результате документирования отдельные документы, их комплексы и системы» [Там же. С. 35]. В 1960-е гг. документоведение признано в качестве самостоятельной научной дисциплины, о чем свидетельствует образование в 1966 г. Всесоюзного научно-исследовательского института документоведения и архивного дела (ВНИИДАД); в 1969 г. оно внесено в номенклатуру специальностей научных работников.

Документоведение родилось в недрах архивоведения, но изначально позиционировало себя не как отрасль науки об архивах, а как самостоятельная теория документа и документирования, охватывающая архивные документы, но не ограничивающаяся ими. Возник принципиальный вопрос: на какое понятие документа ориентироваться? На аутентичное, управленческо-бюрократическое, социально-культурное? Мнения разделились. Одни ученые рассматривали документоведение как прикладную эмпирическую дисциплину, сложившуюся в результате осмысления практики делопроизводства и изучающую функции документов в управленческой деятельности и рациональное построение конкретных систем документации. Другие исходили из социально-культурного понимания документа как «результата закрепления информации о предметах объективной действительности и о мыслительной деятельности человека посредством письма, графики, фотографии, звукозаписи или другим подобным способом на любом носителе» [Словарь, 1982. С. 59], независимо от целевой и функциональной направленности документационной практики.

С середины 1970-х гг. в нашей стране получила предпочтение ориентация на управленческую практику, что в научном плане означало приоритет эмпирического управленческого документоведения в системе наук о документе. Его предметом стало изучение структуры и свойств управленческих документов, закономерностей документооборота в учреждениях, совершенствование технологии документационного обеспечения аппарата управления. Ныне на рынке учебной литературы преобладают прагматичные пособия по управленческому документоведению, адресованные обучающимся по специальности «документоведение и документационное обеспечение управления».

Однако имеют место и теоретически углубленные интерпретации науки о документе. Примером социально-культурного документоведения может служить учебник Н.С. Ларькова [Ларьков, 2016]. Автор исходит из потребности в формировании обобщающей науки о документе и документационных процессах в обществе, способной обеспечить «глубокое проникновение в социальную и информационную сущность документа». Стремясь «дать максимально объемное, обобщающее и в то же время наиболее точное и краткое определение понятия “документ”, отвечающее содержанию и задачам документоведческой науки», он предлагает следующую теоретическую формулировку: «Документ – это включенная в социальную коммуникацию семантически структурированная информация, искусственно закрепленная на материальном носителе в стабильной знаковой форме» [Там же. С. 42]. Эта формулировка, в отличие от управленческих трактовок, далеко отстоит от аутентичного эмпирического понимания документа, что ведет к немаловажным следствиям.

В контексте теоретического обобщения, свойственного социально-культурной интерпретации документоведения, Н.С. Ларьков решает вопрос о соотношении понятий «книга» и «документ»: «Книга исторически и логически по своей информационной, социальной сущности и основным функциям, по характеру материального носителя, способу передачи информации также является документом, хотя и обладающим, безусловно, значительной спецификой» [Там же. С. 26]. Его вывод прямо противоположен научным взглядам сторонников

управленческого документоведения. Представитель этой когорты документоведов Г.А. Двоеносова руководствуется дефиницией: «Документ – конвенциональная форма представления первичной и достоверной информации о явлениях, событиях, фактах объективной реальности, которая может быть использована как доказательство и как инструмент действия» [Двоеносова, 2012. С. 132]. Здесь отчетливо просматривается произвольность исходных понятий (стыдливо названная «конвенциональная форма»), свойственная эмпирическому управленческому документоведению.

В статье «Феномен документа» Г.А. Двоеносова, задавшись целью «показать отличия документа и книги как разных социальных феноменов», честно признается: «Не будучи специалистом в области книговедения, библиотековедения и библиографии, сложно судить о том, какой научный подход наиболее способствует раскрытию сущности такого феномена, как книга». И тут же заявляет: «Документ и книга – два совершенно разных информационных объекта, которые имеют разные цели, предназначены для решения разных социальных задач и различаются технологиями создания, хранения и использования» [Двоеносова, 2015. С. 2]. Принципиальное различие между ними она усматривает в том, что «всякий официальный документ или частное письмо – правдивый, объективный свидетель прошлого, его материальный остаток. Всякая же рукопись литературного, научного и исторического характера есть лишь мнение о фактах и явлениях – по своей природе всегда субъективное» [Там же]. Следовательно, «отношения между документами и книгами – это отношение первичного и вторичного», ибо архивы хранят достоверную «первичную информацию», а библиотеки распространяют в обществе полиграфически растиражированные субъективные мнения авторов «вторичной информации» относительно известных им фактов. «Целью создания документа изначально было доказательство совершенных действий, явлений, событий, фактов. Книга же создавалась с целью сохранения, передачи и распространения знаний, чувств, впечатлений» [Там же. С. 5].

Развивая свой феноменологический подход, автор в статье «Документ – имя собственное!» признает документами только «собственно первичные документы», а никак не книги или музейные предметы. Первичный документ – «уникальное достижение цивилизации, древнейший продукт человеческой деятельности, исключительное социальное явление и в то же время – все еще не познанный объект науки», и только он имеет право «называться своим собственным, данным ему изначально именем – документ» [Двоеносова, 2014. С. 91]. Она отмечает претензии библиотечных документологов на разработку «общей теории документа» и переименование книг в разновидность документов. Налицо словесное табу: ограничение словоупотребления, обусловленное вневелингвистическими факторами, в данном случае – стремлением управленческого документоведения к гегемонии в области наук о документе. С подобными притязаниями мы согласиться не можем.

Каковы реальные научные достижения управленческого документоведения, многими признаваемого лидером среди наук о документе? Директор ВНИИДАД М.В. Ларин, спустя почти 50 лет после создания этой головной научной организации в области документоведения, не без горечи признал: «документоведение как научная дисциплина только еще складывается», «мы находимся лишь в процессе ее становления», «предстоит определиться с сущностными характеристиками главных объектов и предметов для изучения – документов и систем документации, выявить свойства и признаки документа, проследить развитие его функций на протяжении времени» [Ларин, 2014. С. 139]. Он предложил «не включать в документоведение книговедение и ряд дополнительных разделов из других дисциплин», «не пытаться изменить саму суть документоведения», а «четко очертить контуры нашей дисциплины в рамках традиционных представлений о документоведении», отбросить точку зрения, «согласно которой документ – это универсальное понятие, любая записанная информация» [Там же. С. 140]. Его удручает плачевное состояние управленческого документоведения, где «нет единства понимания ключевых терминов» («делопроизводство», «документационное обеспечение управле-

ния», «управление документами»), не говоря уже о центральном понятии «документ», которому «сегодня нет альтернативы».

Странно, что руководство главного (и пока единственного) научно-исследовательского института в области документоведения и архивного дела в подобной ситуации консервативно настаивает на продолжении прикладных разработок, игнорируя фундаментальные социально-культурные подходы, связанные не с канцелярским делопроизводством, а со смысловой социальной коммуникацией. Мы не сомневаемся в практической востребованности, государственной и административной значимости управленческого документоведения. В ассортименте наук о документе обязательно должно найтись место для прикладной научно-учебной дисциплины, изучающей документационное обеспечение управленческих структур. Однако для определения этого места нужно отказаться от эмпирических, обыденных в своей основе трактовок документа и перейти к научно-интеграционным воззрениям на ассортимент наук о документе, с включением в него музееведения и книговедения.

Музейный документ как исторический источник. В музееведении (музеологии), некоторыми музееведами относимом к документоведческим наукам, термин «музейный документ» не используется. В качестве центрального понятия традиционно выступает «музейный предмет» – по определению А.М. Разгона, «извлеченный из реальной действительности предмет музейного значения, включенный в музейное собрание и способный длительное время сохраняться» [Основы, 2010. С. 37]. Это предмет подлинный, «аутентичный источник знаний и эмоций», результат деятельности человека, обладающий научной, исторической, мемориальной или художественной ценностью. Важнейшими его свойствами считаются: информативность (быть источником сведений о явлениях природы и общества, характеризовать особенности среды бытования, в которой он находился), экспрессивность (способность воздействовать на эмоциональную сферу человека), аттрактивность (свойство привлекать внимание, возбуждать интерес) [Там же. С. 37–40]. Если сопоставить перечисленные свойства музейного предмета с определением аутентичного документа, отличительным свойством которого является способность «служить доказательством чего-то, подтверждением права на что-то», то можно сделать вывод, что качество информативности (быть источником сведений) позволяет считать всякий музейный предмет документом, характеризующим определенное место и время, т. е. свидетельством, служащим историческим источником.

Основоположник школы «Анналов» М. Блок утверждал: «Разнообразие исторических свидетельств почти бесконечно. Все, что человек говорит или пишет, все, что он изготавливает, все, к чему он прикасается, может и должно давать о нем сведения» [Блок, 1986. С. 39]. Поэтому в исторические исследования широко вовлечены вещественные, изобразительные, аудиальные источники, что привело к развитию вспомогательных исторических дисциплин. В исторической науке существует масса определений понятия «исторический источник», типологий источников.

Культурная антропология не довольствуется историей письменной культуры, а пытается воспроизвести дописьменную эволюцию человечества. Этой цели служат археологические музеи, которые собирают, хранят, изучают и экспонируют предметы, обнаруженные в результате археологических исследований и имеющие историческую и художественную ценность. Объектами музеефикации бывают и недвижимые памятники археологии: городища, погребения, оборонительные, культовые сооружения. Отсюда – музеи-заповедники, музеи под открытым небом, музеи-памятники, которые редко называют «документами».

Музееведы предпочитают считать историческими свидетельствами письменные, графические, кино-, фото-, фонодокументы и их коллекции (собрания). Однако С.О. Шмидт, повторяя, что «исторический источник – это все то, откуда черпают сведения о прошлом, т. е. не только отражение непосредственного исторического процесса, но и то, что помогает познать ход исторического процесса во всем его многообразии» [Шмидт, 1997. С. 36], отстаивал необ-

ходимость введения обобщающего понятия «документальный памятник». Он не акцентировал различия в понимании архивных документов и музейных предметов, но о них свидетельствует разработанная им и получившая признание типология исторических источников [Шмидт, 1985]. В этой типологии видное место занимают не только «письменные памятники во всем многообразии их форм и видов», но и «вещественные источники во всем их многообразии (от предметов археологии до современных машин и бытовых предметов), не только чучела животных, птиц и муляжи плодов, гербарии (выставленные в музеях), но и сами животные, птицы, растения и другие природно-географические источники. Разумеется, не забыты произведения изобразительного искусства, этнографические раритеты и “звуки” в широком и узкомузыкальном смысле» [Шмидт, 1997. С. 87–88].

Основой профессионализма историка-исследователя является, как известно, историческое источниковедение. В учебном пособии для студентов Высшей школы экономики приведена следующая трактовка: «Источниковедение – гуманитарная дисциплина, объект которой – исторические источники, т. е. вся совокупность произведений человека / продуктов культуры – эмпирическая реальность исторического мира, а предмет – изучение исторического источника как культурного феномена и на этой основе поиск, извлечение, оценка и использование в науке и иных социальных практиках информации о человеке и обществе в их исторической составляющей. Источниковедение выросло из практической потребности установления подлинности и достоверности документов. Современное источниковедение обращается ко всей совокупности произведений культуры с целью понимания Другого (человека, социума, культуры), расширения на этой основе собственной культуры, обогащения мировосприятия». Историк должен не только уметь добывать факты путем критики исторических источников, но и владеть источниковедческим подходом, который может и должен стать основанием «толерантного отношения к Другому, что представляет собой непереносимое требование современной этики» [Источниковедение, 2015. С. 7–9].

Источниковедение логически связано с документоведением, ибо лишь подлинный документ может служить надежным историческим источником. Довольствоваться только письменными записями историки не могут, хотя именно к этому призывают их консервативные архивисты и библиотековеды. Между сторонниками «двумерных» и «трехмерных» документов развернулась многолетняя дискуссия [Земсков, 2006]. Классик мировой библиотечной науки Ш.Р. Ранганатан признавал книги и статьи документами, поскольку они служат для записи «микромысли» на бумаге или другой плоской поверхности, «подходящей для работы, транспортировки сквозь пространство и сохранности во времени». «Пионер информатики» П. Отле считал, что под понятие «документ» вполне подходят не только библиотечные фолианты, но и скульптуры, археологические находки, коллекции, «составленные из предметов в их естественном виде, а не в виде словесных описаний». В «Манифесте о природе документации» (1951) С. Брие утверждала, что камень в реке документом не является, а камень в музее – документ; что антилопу, живущую на воле в саванне, документом назвать нельзя, но если ее поместили в клетку зоопарка и изучают, она становится первичным документом, и все статьи о ней – вторичные, производные документы.

Ю.Н. Столяров, с удовлетворением отмечая, что Ш.Р. Ранганатан расширил понятие «книга» до понятия «документ» и раздвинул понятие «библиотека», пришел к заключению: чтобы разобраться с сущностью понятия «документ», нужно выработать максимально общее определение и оттолкнуться от него. Это определение он сформулировал четко и лаконично: «Документ есть объект, позволяющий получить от него требуемую информацию. Если нужную информацию могут предоставить антилопа в саванне, камень в реке и звезда в небе, то в этот момент и для этих целей они представляют собою документы. Если же в информационном отношении перечисленные объекты интереса для субъектов не имеют, то и документами для этих субъектов они не являются. *Документ – понятие относительное*» (курсив автора)

[Столяров, 2006. С. 77]. Его вывод имеет важное значение для правильной постановки вопроса о синтезе трех документальных центров: архива, библиотеки, музея.

Структура документосферы. Документы, как известно, имеют не естественное, а искусственное происхождение, их порождает не природа, а общество. Какого типа документы производятся в результате документирования? Чтобы ответить на этот вопрос, обратимся к типологии. Скрупулезный анализ российской, украинской, польской документоведческой литературы, выполненный Г.Н. Швецово-Водкой, показал, что существуют восемь трактовок понятия «документ», соответствующих восьми типам документов, используемых в современной документосфере [Швецова-Водка, 2010. С. 22–167]:

документ I – любой материальный объект, несущий закрепленную информацию, который можно использовать для изучения какого-либо физического или интеллектуального явления;

документ II – результат человеческого труда, предмет материальной культуры человечества, свидетельствующий об уровне развития человеческой цивилизации (орудия труда, оружие, здания, машины и т. д.);

документ III – материальный объект, созданный специально для передачи в обществе зафиксированной на нем семантической информации, т. е. материальное воплощение человеческой мысли в виде «документов трех измерений» (модели, макеты, скульптуры, памятники и проч.);

документ IV – материальный объект, на котором семантическая информация закреплена способом записи (независимо от вида записи), включая произведения письменности и печати, рисунки и гравюры, фотографии и кинофильмы, любой вид записи голоса или изображения;

документ V – запись, являющаяся спутником определенной духовной деятельности и отражающая ее (источники личного происхождения – мемуары, дневники, автобиографии, письма; техническая документация и др.);

документ VI – запись, содержащая сведения о юридическом факте (например, материалы конкретно-социологических исследований, статистические данные);

документ VII – запись о юридическом факте, имеющая необходимый набор засвидетельствования (типа судебно-следственного дела);

документ VIII – запись о юридическом факте, удостоверяющая личность (пропуск, мандат, паспорт).

Данная типизация построена эмпирически; ее достоинство заключается в том, что она отражает реальные духовные потребности общества, которые в свете информационного подхода выглядят как социальные информационные потребности. Документы I, II, III типа объединяют три общих качества – все они: служат носителями семантической информации, содержанием которой является знание; демонстрируют в качестве знаковой формы не запись, сделанную письменах, а собственный многомерный образ, свою телесность; предназначены для использования в процессе социального познания. Документы типа I и II генетически документами не являются, процедура их документирования заключается в содержательном отборе и комментировании. Документы типа I представляют Вселенную, включающую «любые материальные объекты», в том числе «ландшафты, представителей животного и растительного мира, предметы быта, архитектурные памятники и т. п.». Швецова-Водка оговаривает, что «значение Документа I охватывает только такие материальные объекты, которые собраны человеком и представлены для обозрения, ознакомления и изучения» в качестве музейных предметов [Там же. С. 28]. Объем типа документ II включает не все множество «предметов материальной культуры человечества», а только некоторые особенно познавательные образцы, отобранные для музея. Другое дело монументы или панорамы, отнесенные к документам III и специально созданные в качестве носителей семантической информации: каждый из них уникален, единственный в своем роде (хотя имеются их копии и репродукции). Назначение документов данных типов – служить средством удовлетворения познавательных социальных

потребностей, т. е. потребностей общества в познавательной информации. Благодаря документам типа I, II, III в структуре документосферы образуется *сектор социального познания*.

Чтобы познавательная информация, воплощенная в документах I, II, III, дошла до потребителя (П), требуется коммуникационный процесс по схеме Д П. Поэтому познавательный сектор документосферы, где превалирует музейный социальный институт, входит в состав *сектора социальной коммуникации* – центрального сектора документосферы, организационное ядро которого образуют социальные институты *библиосферы* (книгоиздание, журналистика, книжная торговля, библиография, библиотечное дело). Документы IV и V, представляющие собой записи, – типичные продукты письменности и полиграфии, являются носителями семантической информации; ее смысловое содержание охватывает не только знания, но и умения, волевые воздействия, эмоции, фантазии, т. е. все виды смыслов. Материальные носители этих документов ассоциируются с плоской поверхностью бумаги и ее заменителей, а знаковую форму образуют все виды человекочитаемых знаков и изображений в кодированном или некодированном виде. Социальное назначение документов типов IV и V – служить средством удовлетворения всех видов духовных потребностей в научной, художественной, политической, обыденной информации.

Триада документов VI, VII, VIII – носитель управленческой, в том числе юридической, информации. Она представляет собой один из видов семантической информации, содержание которого суть волевые воздействия государственной или местной власти, связанные с потребностью в управлении обществом, регионом, учреждением, фирмой. Для локализации документов этого типа в структуре документосферы предусмотрим *сектор социального управления*. Его организационную основу образует архивный социальный институт, располагающий сетью архивов, системой подготовки кадров и научно-исследовательским центром архивоведения в лице ВНИИДАД. Главным назначением этого сектора будет содействие властным структурам в их управленческой деятельности. Вместе с тем архивные фонды являются незаменимым источником для всех исторических исследований. По этим причинам сектор социального управления содержательно входит в сектор социального познания документосферы.

На основе типологии документов, предложенной Г.Н. Швецово-Водкой, можно сделать ряд выводов относительно структуры документосферы.

Все секторы документосферы являются носителями семантической информации. Остальные типы информации (машинная, математическая, элементарная, биологическая) не используются в качестве смыслового содержания документа. Отсюда следует, что формулировка Ю.Н. Столярова: «Документ – это информация на материальном носителе, зафиксированная искусственным способом в знаковой форме» [Столяров, 2013. С. 125] – в целом удовлетворительна. Резонно только уточнить, что речь идет не об информации вообще, а о семантической информации, содержанием которой служат результаты человеческого мышления, воображения, эмоциональных переживаний, и что документ нуждается в носителе стабильном, сохраняющемся во времени (звуковые волны материальны, но речь – не документ). В итоге получаем: документ – это семантическая информация на стабильном материальном носителе, зафиксированная искусственным способом в знаковой форме. Данную дефиницию можно считать *принципом отграничения* документосферы от иных «сфер»: документосфера существует там и тогда, где и когда обнаруживаются документы. В зависимости от варьирования понятия «документ» варьируются границы документосферы. Если, например, Интернет считать «динамичным мегадокументом», то «интернетосфера» становится частью документосферы. Структура документосферы многомерна. Она может рассматриваться с организационной и функциональной точек зрения.

Организационную ее структуру образуют *документальные социальные институты*, распределяющиеся по секторам документосферы так: сектор познания – архивный, библиографический, библиотечный, музейный институты; коммуникационный сектор – все доку-

ментальные институты; управленческий сектор – архивный и библиотечный институты. Документальные институты предназначены для коммуникации семантической (семиотической) информации, относятся к классам *коммуникационных* и *семиотических* институтов, поэтому их можно назвать коммуникационно-семиотическими институтами.

По общественному назначению различают три функциональных сектора, ориентированных на удовлетворение социальных информационных потребностей: социального познания, социальной коммуникации, сектор социального управления. Однако жесткое размежевание отсутствует: познавательную функцию выполняют коммуникационные и управленческие секторы, документы коммуникационного назначения являются носителями познавательной и управленческой информации, управленческий сектор служит источником познания. Это свидетельствует о наличии тенденции к интеграции документальных институтов.

Документивный синтез архивов, библиотек, музеев. Термин «документивный» заимствован из предложенного Ю.Н. Столяровым «документологического тезауруса», где ему соответствует значение «отражающий сущность процесса или явления» [Столяров, 2004]. Такое значение адекватно выражает замысел проанализировать синтез названных документальных институтов, обусловленный их сущностной (документивной) близостью, общностью *документивной* природы. Неологизм «документивный» уместен в данном случае: согласно тезаурусу Столярова он означает «исходящий из признания базисности документа при рассмотрении соответствующих явлений и процессов», что вполне согласуется с нашей точкой зрения.

Документивная близость архивов, библиотек, музеев просматривается в очевидном сходстве применяемых ими кумулятивных и трансляционных технологий, сводящихся к сбору (комплектованию), обработке, хранению и использованию тех или иных видов документов. Еще более сильным аргументом является сращивание (документивный синтез) разных документальных учреждений. Библиотеки, осознающие себя культурно-историческими центрами, формируют архивы и музеи, дополняющие их библиотечно-библиографическую деятельность. Так, в Российской государственной библиотеке созданы Фонд редких и ценных изданий (более 300 000 единиц хранения музейного уровня), где представлены иностранные издания XV–XVII вв. и старопечатные отечественные книги XVI–XVIII вв., и Музей книги. Библиотека РАН имеет архив, входящий в структуру Архива РАН; в ее музее собраны материалы по истории РАН с 1859 г., используемые в научной и выставочной работе. Основанный в 1905 г. Пушкинский Дом замышлялся как хранилище первоисточников, связанных с творчеством А.С. Пушкина; с течением времени он превратился в библиотечно-библиографический и архивно-музейный комплекс, символизирующий 1000-летнюю историю русской литературы (с XI по XXI в.). Обществом «Мемориал» в Москве создан архивно-библиотечно-музейный центр, где собраны уникальные коллекции архивных документов, книг, периодики, музейных предметов, связанных с историей репрессий, сопротивления режиму, диссидентства в СССР.

Государственные архивы и музеи, наряду с национальными и региональными библиотеками, выполняют национально-мемориальную функцию – функцию хранения книжных памятников. Согласно ГОСТ 7.87—2003, *книжные памятники* – это рукописные и печатные книги, книжные коллекции, обладающие выдающимися духовными, эстетическими, полиграфическими или документирующими свойствами, представляющие общественно значимую научную, историческую или культурную ценность и охраняемые специальным законодательством. По степени историко-культурной ценности книжные памятники подразделяются на категории (уровни): мировой, государственный (федеральный), региональный, местный (муниципальный). Соответственно дифференцируются учет, хранение, использование книжных памятников. Библиотекарям-книжникам лестно, что книжные памятники числятся в одном ряду с другими официально признанными памятниками истории и культуры. Национальные, отраслевые,

региональные, да и центральные городские библиотеки оказываются не только книгохранилищами, но и музеями книги, историческими архивами.

Книжные памятники входят в предмет изучения истории книги и традиционно именуется книгами, а не документами. Но остается открытым вопрос: являются ли книгами их оцифрованные дубликаты? Ведь в информационно-технологическом плане они не отличаются от электронных архивных документов или оцифрованных музейных предметов. Информатизация открывает новые перспективы для сращивания библиотечных, архивных, музейных фондов. Президентская библиотека имени Б.Н. Ельцина – пример реализации универсального интегрального фонда, именуемого «информационный ресурс». Ее информационный ресурс формируется из цифровых копий печатных изданий, архивных и официальных документов, музейных предметов, а также изначально созданных в электронном виде ресурсов, в том числе собственного производства, включая издательскую и аудиовизуальную продукцию. Особое внимание уделяется формированию тематических электронных коллекций, наполнению электронного фонда фото-, аудио- и видеоматериалами и ведению новостных разделов портала. Поскольку границу между оцифрованными библиотечным, архивным, музейным фондами невозможно провести однозначно, радикалы-технократы пророчат, что электронным библиотекам потребуются лишь менеджеры по электронным ресурсам, а не специалисты в области архивного, библиотечного, музейного дела. Так, в «Атласе новых профессий» утверждается, что оцифровка всех библиотек и архивов с возможностью доступа к любой информации 24 часа в сутки и 7 дней в неделю из любой точки мира приведет к исчезновению библиотекарей, документоведов, архивариусов [Атлас, 2015. С. 265]. Вместе с ними аннигилируется документосфера, воплощающая национальную историческую память. Чтобы такое бедствие миновало Россию, нужно позаботиться о сохранении архивов и музеев, библиотек и книжных магазинов, документосферы в целом.

Документивный синтез невозможен без модернизации профессионального сознания. Потребность в научно-интеграционном синтезе документально-коммуникационных дисциплин диктуется эмпирическим и поверхностным уровнем теории архивоведения, библиотечно-библиографических дисциплин, документоведения, книговедения, музееведения, который не соответствует вызовам электронной коммуникации и компрометирует профессию в глазах общественности. Документивному синтезу архивов, библиотек, музеев мешают субъективные и объективные препятствия.

Субъективные препятствия порождаются научным сепаратизмом. Мнение Г.А. Двоеносовой о гегемонии документоведения среди наук о документе разделяют авторитетные лидеры архивного дела, соответственно решая вопрос о роли архивов, библиотек, музеев в исторической памяти. К.Б. Гельман-Виноградов считает, что некорректно «причислить к документам все материальные объекты, которые могут быть использованы для передачи информации в обществе (включая экспонаты музеев, архитектурные памятники, образцы пород и т. п.)» [Гельман-Виноградов, 2005]. Он решительно возражает против притязаний библиотечковедов на формирование документоведения в качестве «обобщающей науки о документе», ибо документоведение «уже давно существует в качестве научной дисциплины», развиваемой в архивном деле. К.И. Рудельсон отмечала, что творения природы, выставяемые в музеях и зоопарках, не являются документами в прямом значении [Рудельсон, 1973. С. 17], а К.Б. Гельман-Виноградов не допускал и мысли, что скульптуру О. Родена «Мыслитель» можно отнести к документам [Там же. С. 21]. Руководитель Росархива В. П. Козлов в дискуссионной статье «Музеи, библиотеки, архивы в системе исторической памяти», схематично сопоставив познавательную ценность музейного предмета, библиотечной книги и архивного документа, пришел к выводу, что «именно последний наиболее полно и приближенно к жизни отражает ее, а значит, является основным носителем исторической памяти»; организация исторической памяти в архивах более упорядочена, системна, наиболее полна в своем приближении к действительности

сти, поэтому будет всегда оставаться наиболее востребованной [Козлов, 2004. С. 73]. В «общей теории документа» Козлов учитывает разные состояния документа, соответствующие предметам изучения архивоведения (архивный документ), документоведения (нормы оформления документа), источниковедения (исторический источник), археографии (документальная публикация) [Козлов, 2009]. Документ в виде книги или музейного предмета им исключается.

Объективные затруднения синтеза документально-коммуникационных социальных институтов не раз обсуждались в профессиональной печати. На международных научных форумах в Крыму и на «Румянцевских чтениях» в Москве в 2010-е гг. проходили секции и «круглые столы», посвященные взаимодействию библиотек, архивов, музеев в пространстве информации и культуры. Естественным образом научная интеграция получила отражение в терминологии взаимодействующих дисциплин. В.А. Бондарь отметил взаимопроникновение терминов документоведения, библиотечковедения, книговедения, информатики, создающее основу для формирования междисциплинарной терминосистемы [Бондарь, 2015. С. 189–191]. Общность языка – хорошая предпосылка для разработки теории, нацеленной на сопоставительный анализ содержания частных наук и выявление методом обобщения фундаментальных межнаучных закономерностей.

Убедительны аргументы Ю.Н. Столярова в пользу разработки документологии как обобщающей теории в цикле документально-коммуникационных наук [Столяров, 2013]. Нельзя не согласиться со словами автора: «Необходимость разработки всеобщей теории документа обусловлена сущностным родством документов, циркулирующих в любой сфере социальной деятельности, будь то канцелярская, архивная, библиотечная, библиографическая, музейная или любая иная. Выяснение того общего, что свойственно документам всякого рода, т. е. законов, закономерностей, принципов, статусных характеристик, признаков классификации и тому подобных моментов, выводит документологию в разряд фундаментальной дисциплины комплекса наук социально-коммуникационного профиля» [Там же. С. 28].

По сути, здесь ставится вопрос о формировании *метатеории документосферы*, предпосылки которой созрели в конкретных документоведческих дисциплинах и в новаторских разработках в области истории (когнитивная история, интеллектуальная история), исторической и социальной информатики, семиотики и философии символа. Методологическое значение может иметь информационный подход, основанный на категории «семантическая информация». Это обобщающее понятие (по отношению к понятиям «архивный документ», «книга», «библиографическая информация», «музейный предмет») может использоваться для анализа и синтеза интеграционных тенденций в документосфере. Нуждаются в углубленной сущностной разработке информационно-семантические процессы в интегрируемых документальных институтах. Столкновение изоляционистских и научно-интеграционных тенденций заставляет прислушаться к Ю.Н. Столярову: «Уяснение того, что документ – понятие относительное, условное, конвенциональное, – на сегодняшний день самый сложный момент во всей документологии» [Столяров, 2013. С. 132].

Библиография

Атлас новых профессий / Агентство стратегических инициатив; «Сколково», Московская школа управления. М., 2015. 288 с.

Блок М. Апология истории, или Ремесло историка: Пер. с фр. 2-е изд., доп. М.: Наука, 1986. 254 с.

Бондарь В.А. Эволюция терминологии в сфере управления документами в России в конце 1950-х – 2013 гг. Дисс... канд. ист. наук. Екатеринбург, 2015. 235 с.

Гельман-Виноградов КБ. О сложностях трактовки понятия «документ» и способах их преодоления// Делопроизводство. 2005. № 2. С. 16–24.

Двоеносова Г.А. Признаки, свойства и функции документа: опыт рационализации понятий // Вестник архивиста. 2012. № 4. С. 128–140.

Двоеносова Г.А. Документ – имя собственное // Вестник РГГУ. Серия «Документалистика, Документоведение, Архивоведение». 2014. № 2. С. 87–93.

Двоеносова Г.А. Феномен документа // Научно-техническая информация. Сер. 1. 2015. № 6. С. 1–8.

Земсков А.И. Документоведение – было, есть и будет (Обзор зарубежных публикаций) // Научные и технические библиотеки. 2006. № 7. С. 63–73.

Ильганаева В.А. Социальные коммуникации (теория, методология, деятельность): словарь-справочник. Харьков: Городская типография, 2009. 391 с.

Источниковедение: учеб, пособие / Отв. ред. М.Ф. Румянцева. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2015. 686 с.

Козлов В.П. Музеи, библиотеки, архивы в системе исторической памяти // Отечественные архивы. 2004. № 6. С. 71–74.

Козлов В.П. Общая теория документа // Делопроизводство. 2009. № 3. С. 3—12.

Ларин М.В. Актуальные проблемы современного документоведения // Вестник РГГУ. Серия «Документалистика, Документоведение, Архивоведение». 2014. № 2. С. 139–148.

Ларьков Н.С. Документоведение: учебник. 3-е изд. М.: Проспект, 2016. 416 с.

Митяев КГ. Документоведение, его задачи и перспективы развития // Вопросы архивоведения. 1964. № 2. С. 27–37.

Основы музееведения: учебное пособие / Отв. ред. Э.А. Шулепова. М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2010. 430 с.

Рудельсон КИ. Современные документные коммуникации. М.: Наука, 1973. 265 с.

Словарь современной архивной терминологии социалистических стран. Вып. 1. М.: ГАУ при СМ СССР; ВНИИДАД, 1982. 448 с.

Столяров Ю.Н. Документологический тезаурус // Библиотеки и информационные ресурсы в современном мире науки, культуры, образования и бизнеса: одиннадцатая международная конф. «Крым 2004». М.: ГПНТБ России, 2004. CD-диск.

Столяров Ю.Н. Теория относительности документа // Научные и технические библиотеки. 2006. № 7. С. 74–78.

Столяров Ю.Н. Документология: учебное пособие. Орёл: Горизонт, 2013. 370 с.

Хорхордина Т.Н. Российская наука об архивах. История. Теория. Люди. М.: РГГУ, 2003. 535 с.

Швецова-Водка Г.Н. Общая теория документа и книги: учебное пособие. М.: Рыбари; Київ: Знання, 2009. 487 с.

Швецова-Водка Г.Н. Документ в свете ноокоммуникологии: научно-практическое пособие. М.: Литера, 2010. 382 с.

Шмидт С.О. О классификации исторических источников // Вспомогательные исторические дисциплины. Вып. 16. Л.: Институт истории АН СССР, 1985. С. 3—24.

Шмидт С.О. Путь историка: избр. тр. по источниковедению и историографии. М.: РГГУ, 1997. 612 с.

Информационное обеспечение исторической науки и музеи – библиотеки – архивы как хранилища информации: теория, методология, практика²

Information support of historical science and museums – libraries – archives as repositories of information: theory, methodology, practice

УДК 930.2; 069; 004

Е.А. Воронцова,

E.A. Vorontsova

Аннотация: в статье дается сжатый очерк проблемы информационного обеспечения исторической науки, ее теоретико-методологических аспектов, взаимодействий на этом поприще с музеями – библиотеками – архивами как особого рода информационными ресурсами, хранителями социальной памяти. Констатируется интерес к этой проблеме, ее недостаточная отрефлексированность научным и музейным – библиотечным – архивным сообществами и необходимость дальнейшего исследования.

Abstract: the article provides a succinct essay on the problem of information support of historical science, its theoretical and methodological aspects, interactions in this field with museums – libraries – archives as a special kind of information resources, custodians of social memory. The authors state interest in this issue, as well as its poor state of knowledge in scientific and museum – library – archival communities, and the need for further research.

Ключевые слова: историческая наука, библиотековедение, информация, информационное обеспечение, информационная инфраструктура, музеи – библиотеки – архивы, взаимодополняемость, саморефлексия, коммуникация, апробация проблемы.

Keywords: historical science, librarianship, information, information support, information infrastructure, museums – libraries – archives, complementarity, self-reflection, communication, testing problems.

И наука (историческая наука в том числе), и музеи – библиотеки – архивы являются порождением человеческого разума и служат удовлетворению, пожалуй, главной потребности человека – познавать мир во всех его проявлениях, идентифицировать себя в этом мире, искать и находить смысл в своем существовании. Этим определяется их родство. Но есть и отличия, связанные с тем, что они удовлетворяют главную потребность разными способами, методами, средствами, благодаря чему позволяют человеку смотреть на мир с разных сторон, стереоскопически. Из такого сочетания родства и отличия вытекает необходимость науки и музеев – библиотек – архивов друг для друга, их взаимодополняемость, возможность взаимодействовать, многократно усиливая свой познавательный, репрезентационный и адаптационный потенциал в интересах *homo cognitionis* (человека познающего).

Для удовлетворения потребности в знании человек должен совершать некие действия по добыванию, усвоению и производству информации (деятельностный аспект), получать результаты – новую информацию, фиксировать ее в социальной памяти с помощью исторических источников (музейных предметов, изданий, документов), хранить (в музеях – библиотеках –

² Впервые опубликовано: Роль музеев в информационном обеспечении исторической науки: сборник статей / Авт. – сост. Е.А. Воронцова; отв. ред. Л.И. Бородкин, А.Д. Яновский (М.: Этерна, 2015. С. 33–40). Публикуется с изменениями и дополнениями.

архивах) и репрезентировать для передачи следующим поколениям. Получается, что информация выступает в двух ипостасях – пищи для ума и его порождения, произведенного им «продукта», а информационное обеспечение включает в себя, с одной стороны, деятельность по поиску, сбору, обработке, накоплению и хранению, распространению и использованию репрезентативной и достоверной информации, необходимой для решения поставленных задач (в нашем случае – в области изучения истории), а с другой – саму такую информацию, определенным образом структурированную и представленную в удобном для ее «потребителя» (исследователя) виде.

Нами уже отмечалось [Воронцова, 2015(6)], что постановка данной проблемы применительно к исторической науке (и шире – к гуманитарным наукам) стала возможной благодаря наработкам в области информационных технологий, управления персоналом, экономики, социологии, политехнологий (где информационное обеспечение трактуют как фундаментальную проблему), в том числе благодаря работам Н.Е. Каленова, который вместе с коллегами применил теоретико-методологические разработки на практике в деятельности руководимой им Библиотеки по естественным наукам РАН [Каленов, 2007; 2008].

Принципиальное значение имеет введение положения, перенесшего центр тяжести с технологий (форм, способов, инструментария) на содержание деятельности по приращению научного знания: информационное обеспечение есть фактор самоорганизации и саморегуляции науки на основе саморефлексии. Оно позволило по-иному понять роль в информационном обеспечении исторической науки исследований в области источниковедения и исторической информатики, включая применение количественных методов (И.Д. Ковальченко, Л.И. Бородин), когнитивной истории (идея О.М. Медушевской об информационном ресурсе и др.), историографии, задача которой – анализ текстов, отражающих саморефлексию исторической науки и являющихся результатом рефлексии историков в поле их профессиональной деятельности (Л.П. Репина, А.В. Полетаев, И.М. Савельева и др.).

Что касается самой информации, то для исторической науки важно, чтобы она была структурирована так, чтобы наилучшим образом обеспечивать сохранение в актуальном состоянии и приращение научного знания и минимизировать информационные шум и энтропию, удовлетворять потребности конкретных исследователей, научных школ, направлений. Информация должна отвечать критериям, достаточно хорошо описанным в источниковедении: быть достоверной, точной, репрезентативной (это делает возможным корректный перенос на генеральную совокупность результатов, полученных при анализе выборки), необходимой и достаточной для исследования. Целью описания, изучения, ранжирования, группировки исторических источников является создание условий для максимально полного извлечения из них информации. При нашем подходе важное место отводится ее фиксации, аккумуляции, сжатию – и, в числе прочего, изучению в этом отношении справочных библиографических изданий и энциклопедий (сводов устоявшихся, апробированных и легитимированных научным сообществом знаний, играющих особую роль в продвижении научных взглядов к читателям, их закреплении в общественном сознании).

Такое понимание проблемы информационного обеспечения исторической науки определило и наш взгляд на роль музеев – библиотек – архивов в оном. Как базовые элементы ее информационной инфраструктуры они выполняют функции информационного ресурса, места аккумуляции и (в большей или меньшей степени) репрезентации исторического знания, места коммуникации носителя знания (историка, автора экспозиции, публикатора и т. д.) с познающими субъектами, но выполняют их по-своему, что связано с их спецификой. В музеях и архивах сосредоточиваются первоисточники, подлинные свидетельства прошлого: в архивах – это документы, главным образом письменные источники; в музеях преобладают «вещи», т. е. источники невербальные. В отличие от них библиотеки хранят информацию, запечатленную в виде разного рода изданий, т. е. вторичную, полученную на основе анализа первоисточников;

и собирают они эту информацию прежде всего с целью предоставлять ее «потребителям» – читателям.

Музейные собрания, фонды библиотек и архивов с точки зрения историка являются репрезентативной, систематизированной выборкой исторических источников (первичных, вторичных и т. д.); для исследователя это – и их преимущество (готовая выборка сберегает время поиска источников информации), и недостаток (т. к. выборка осуществлена не под цели и задачи данного исследования). Основная задача упорядочения собраний, фондов заключается в том, чтобы обеспечить наилучшую сохранность составляющих их музейных предметов, документов, изданий и их актуализацию – при обязательном условии корректного использования (в музеях – главным образом в виде экспозиций и выставок, т. е. «текстов», где доминирует невербальная информация). Полноценное их функционирование в качестве информационных ресурсов требует совершенствования стратегий комплектования, описания, типологического и сравнительно-исторического изучения музейных предметов – документов – изданий, а также методов, разрабатываемых источниковедением (историческим, музейным), исторической библиографией.

Экспозиции музеев, выставки музеев и библиотек как место репрезентации исторического знания представляют собой информационные системы, предназначенные для актуализации информации: при посредстве экспонатов исторический процесс отображается так, как он осмыслен авторами экспозиции, и воспринимается посетителями благодаря их способности к рефлексии. В архивах и особенно в библиотеках основное место репрезентации – читальные залы.

Выполнение этих двух функций невозможно без коммуникации участников информационного процесса, происходящего в рамках и на базе музеев – библиотек – архивов. Для информационного обеспечения исторической науки первостепенное значение имеет коммуникация хранителя информации и историка-профессионала, осуществляемая с целью получения нового знания (в результате извлечения информации из музейных предметов – документов – изданий) и его репрезентации в формах, присущих каждому из рассматриваемых хранилищ информации. Ее эффективность во многом зависит от технологий, которые должны быть адекватны решаемым задачам. В исторической науке и в музееведении им уделяется настолько большое внимание, что сформировались специальные дисциплины – историческая и музейная информатики. Адресатом в первом случае является исследователь, во втором – музейный посетитель и музейный сотрудник; первая «обслуживает» познавательную (научную) деятельность, для второй важнее прикладные аспекты.

Возможность симбиоза исторической науки и хранилищ информации (музеев – библиотек – архивов), о которой сказано выше, помимо прочего вытекает из предназначения этих институтов социальной памяти и их потребности друг в друге для его реализации: музеи – библиотеки – архивы аккумулируют и хранят отобранные на основе четкой системы принципов, разработанных музееведением – библиотековедением – архивоведением, репрезентативные совокупности источников информации, историческая наука извлекает из них информацию, накапливая знания о прошлом, а затем музеи – библиотеки – архивы (наряду с другими «потребителями») используют ее далее в своей деятельности. Отбор источников и структурирование информации для нужд ее хранилищ и для нужд науки совпадают лишь отчасти, что понятно (у каждого из них свои цели, задачи, функции), но именно это позволяет им взаимодействовать, использовать методы друг друга, обмениваться результатами своей работы, осуществлять коммуникацию научного и музейного, библиотечного, архивного сообществ (работающие в музеях – библиотеках – архивах историки применяют там профессиональные знания и навыки, а их сотрудники преподают в вузах, системе повышения квалификации и непрерывного образования, передавая свой опыт).

Теоретическое осмысление проблемы информационного обеспечения исторической науки и роли музеев – библиотек – архивов в нем требует методологического подкрепления, что позволит рационализировать деятельность по поиску, сбору, обработке, накоплению и хранению, распространению и использованию информации. Очевидное следствие такой рационализации – повышение коэффициента полезного действия исследовательского процесса за счет снижения затрат сил, времени, средств на формирование качественных информационных ресурсов, на актуализацию хранимого музеями – библиотеками – архивами историко-культурного наследия, на вовлечение его в научный оборот. Как настоящая сегодня ощущается потребность в комплексном изучении имеющихся ресурсов для того, чтобы сопоставить и соотнести друг с другом ресурсы традиционные и электронные, виртуальные, чтобы устранить дублирование, выявить образовавшиеся лакуны и приступить к их системному заполнению.

Изучение практической деятельности по информационному обеспечению исторической науки, ее достижений и ошибок, моделей, технологий позволит глубже понять поставленную проблему и проверить соответствие сформулированных теоретико-методологических посылок реальности, показать «уходы» (из актуального состояния) и «возвраты» информации, представить эту деятельность во всем ее многообразии и конкретике, выявить этапы ее развития в контексте истории науки и культуры, создать целостную картину. Полученные при этом результаты могут дать бесценный материал для совершенствования этой деятельности в условиях информационной эпохи (со всеми ее преимуществами и рисками, связанными с нарастанием скорости течения информационных процессов и гипертекучестью информации в виртуальном цифровом пространстве), в том числе и в плане взаимодействия с музеями как хранителями овеществленной памяти человечества, а также с библиотеками и архивами.

Апробация поставленной нами проблемы принесла уже некоторые плоды, зафиксированные не только в наших статьях, но и в сборниках материалов конференций, в рамках которых проходило ее обсуждение. Предтечей ее постановки можно считать сборник 2002 г., вошедший в списки литературы ряда вузовских курсов по музеологии [Современная историография и проблемы содержания..., 2002]; идею тогда поддержали в ГИМе (В.Л. Егоров, Л.И. Скрипкина). Впервые же проблема рассматривалась применительно к библиотекам в 2013 г. на юбилейной конференции ГИМа и ГПИБ России [150 лет на службе науки и просвещения, 2014; Бородкин, Воронцова, Мироненко, 2013]; вернулись к этой теме в 2016 г. – на Румянцевских чтениях [Румянцевские чтения, 2016] и XXI Ежегодной конференции Российской библиотечной ассоциации («круглый стол», организованный Секциями: 35 – специальных научных, научно-технических и технических библиотек; 07 – по истории библиотек; 34 – по особо ценным рукописным документам и редким книгам). На II Всероссийской конференции «Современные тенденции в развитии музеев и музееведения» 2014 г. (Институт истории СО РАН, Новосибирск) проблема была одной из основных – прозвучала и на пленарном заседании, и на специальной секции [Современные тенденции в развитии музеев и музееведения, 2014], а на научно-практическом семинаре в марте 2015 г., посвященном Году литературы в России (основные организаторы – ГИМ и Государственный литературный музей), – центральной.

Многочисленность участников этих мероприятий, институциональный и географический охват, отклики на публикации, объемность и представительность первого сборника серии [Роль музеев, 2015] и издаваемого сейчас сборника являются показателем интереса к проблеме информационного обеспечения исторической науки. Судя по статьям публикуемого сборника, более восприимчивы к ней оказались историки, занимающиеся историей исторического знания и библиотек, локальной историей, исторической информатикой, а также библиографы и библиотековеды, представители негуманитарных наук с философским складом ума, проявляющие интерес к истории науки в целом и «своих» наук, информатики, от сугубо технологических аспектов перешедшие к анализу информационных процессов в контексте тех объектов, к которым эти технологии применяются.

В то же время характер обсуждений, статьи в уже опубликованных сборниках и в сборнике публикуемом показывают, что проблема еще не отрефлексирована в должной мере. Требуют дальнейшего исследования теоретико-методологические подходы к ней, а также собственно история информационного обеспечения исторической науки. Мы надеемся, что волна интереса не угаснет и такие исследования появятся в ближайшем будущем.

Библиография

150 лет на службе науки и просвещения: сборник материалов Юбилейной международной научной конференции, Москва, 5–6 декабря 2013 г. / Гос. публ. Ист. б-ка России. М., 2014. С. 363–508.

Бородкин Л.И., Воронцова Е.А., Мироненко С.В. Роль библиотек в информационном обеспечении исторической науки // Исторический журнал: научные исследования. 2013. № 6. С. 572–577. DOI: 10.7256/2222-1972.2013.6.11513.

Воронцова Е.А. Историческая наука и музей: «нам не жить друг без друга» // Современная историография и проблемы содержания исторических экспозиций музеев. По материалам «круглого стола», состоявшегося 18 мая 2001 г. в Орле. М.: ГИМ, 2002. С. 8–16.

Воронцова Е.А. Музей – архив – библиотека за информационное обеспечение исторической науки и против информационной энтропии // Информационное обеспечение науки: новые технологии: сборник материалов XIX научно-практического семинара БЕН РАН. М.: БЕН РАН, 2015(а). С. 222–231.

Воронцова Е.А. Музей как базовый элемент информационной инфраструктуры исторической науки // Диалог со временем. 2015(6). Вып. 49. С. 163–189.

Каленов Н.Е. Библиотеки и информационное обеспечение науки в современных условиях // Информационные ресурсы России. 2008. № 1. С. 12–15.

Каленов Н.Е. Библиотеки ЦБС БЕН РАН и информационное обеспечение науки // Новые технологии в информационном обеспечении: Сб. науч. трудов. М.: Научный мир, 2007. С. 9—20;

Роль музеев в информационном обеспечении исторической науки: сборник статей / Авт. – сост. Е.А. Воронцова; отв. ред. Л.И. Бородкин, А.Д. Яновский. М.: Этерна, 2015. 752 с.

Современная историография и проблемы содержания исторических экспозиций музеев. По материалам «круглого стола», состоявшегося 18 мая 2001 г. в Орле / [сост. Е.А. Воронцова, Л.И. Скрипкина]. М.: ГИМ, 2002. 295 с.

Современные тенденции в развитии музеев и музееведения: материалы II Всероссийской научно-практической конференции (Новосибирск, 29 сентября – 3 октября 2014 г.) / Отв. ред. В.А. Ламин, О.Н. Шелегина. Новосибирск: Автограф, 2014. 223 с.

Румянцевские чтения – 2016: материалы междунар. науч. – практ. конф. Российской гос. б-ки (12–13 апр. 2016) / Российская гос. б-ка, Библ. Ассамблея Евразии; сост. Е.А. Иванова. Ч. 1–2. М.: Пашков дом, 2016.

Библиотека в информационной инфраструктуре исторической науки

Роль научной информации в развитии исследований советских историков³

Role of scientific information in development of research of Soviet historians

УДК 930; 02, 004

В.А. Виноградов,

V.A. Vinogradov

Аннотация: вопрос о месте Института научной информации по общественным наукам (ИНИОН) АН СССР (ныне РАН) в информационной инфраструктуре исторической науки был важен при создании института, актуален он и сегодня. В публикуемой статье это раскрыто путем анализа основных направлений деятельности (научно-информационного, издательского, библиотечного) по информационному обеспечению исторической науки в 1969–1984 гг. Названы вопросы, требовавшие решения.

Abstract: question of the place of the Institute of Scientific Information for Social Sciences (INION) of Academy of Sciences of the USSR (now Russian Academy of Sciences) in information infrastructure of history was important at the time of the institute establishing, and is also relevant today. In the published article the issue is addressed by analysis of main activities (research and information, publishing, library) of historical science information support in the years 1969–1984. Questions requiring solutions are named.

Ключевые слова: историческая наука, библиотековедение, научная информация, информационные потребности, информационное обеспечение, научно-информационная деятельность, система научно-информационной службы, научно-информационные издания, автоматизация информационных процессов, ИНИОН СССР.

Keywords: historical science, librarianship, scientific information, information needs, information historical science, librarianship, scientific information, information needs, information support, research and information activities, scientific information service, scientific information editions, automation of information processes, INION USSR.

В разработке фундаментальных проблем обществоведения, теоретическом осмыслении новых явлений в жизни общества важное место принадлежит советской исторической науке, которая изучает развитие человеческого общества как единый, закономерный во всей своей громадной разносторонности и противоречивости процесс.

Для историков, осуществляющих научный поиск и передающих аккумулированный человечеством опыт подрастающему поколению, исключительно важно быть в курсе новейших научных знаний. Активизация научного поиска, повышение уровня исследований и идео-

³ Впервые опубликовано: Новая и новейшая история. М., 1985. № 4. С. 3—13. Печатается сокращенная версия: 90 лет служения науке: к 90-летию Фундаментальной библиотеки общественных наук и 40-летию Института научной информации по общественным наукам РАН: Сб. ст. / Рос. акад. наук, Ин-т науч. информ. по обществ. наукам; редкол.: Ю.С. Пивоваров (предс.) и др.; сост. Ю.Ю. Черный, Н.Ю. Соколова, Л.В. Юрченкова. М., 2009. С. 209–232. Печатается с разрешения автора.

логической работы – решение всех этих первоочередных для историков, как и обществоведов в целом, задач имеет своим неперенным условием оперативное и качественное научно-информационное обеспечение. Вместе с тем традиционные методы поиска, обработки научной информации, формы ее выражения, как и пути доведения до потребителя, в настоящее время уже далеко не достаточны для того, чтобы разносторонне и во всей полноте отразить современное состояние исторической науки и тем более всего комплекса общественных наук, испытавших на протяжении последних десятилетий резкий скачок в развитии.

Современность предъявляет новые требования к службе научной информации, выдвигая вопрос о совершенствовании и развитии ее форм. Сейчас уже мало информировать историка только о последних изданиях по его специальности. Важно также вооружить его знаниями о новых процессах и тенденциях в исторической науке в целом и в смежных дисциплинах, о новых методах и методиках научных исследований, их тематике и источниковедческой основе. Служба научной информации сегодня призвана помочь обществоведам ориентироваться в сложных течениях и направлениях исторической науки, социологии, философии, экономики, лингвистики и других наук с целью повышения уровня исследований и преподавания.

Именно этим целям служит деятельность Института научной информации по общественным наукам АН СССР (ИНИОН АН СССР), который был создан 15 лет назад с целью централизованно аккумулировать новую, ценную в научном отношении информацию по всем направлениям обществоведения.

Ныне институт представляет собой крупное комплексное научно-исследовательское учреждение; в нем органически сочетаются три вида деятельности: научно-информационная, имеющая целью информационную обработку советской и зарубежной литературы по общественным наукам и подготовку аналитических материалов различных видов; издательская, обеспечивающая публикацию всей системы информационных изданий ИНИОН; библиотечная. В отличие от библиографической информации, существующей многие десятилетия, регулярное производство широкой, систематизированной реферативной информации, охватывающей все отрасли общественных наук, предпринято впервые. Подготовка и выпуск научно-информационных изданий всех типов составляют, таким образом, одно из основных направлений работы ИНИОН.

В данной статье ставится задача раскрыть содержание прежде всего этого направления деятельности института, привлечь внимание читателей к различным видам и формам научно-информационного обеспечения обществоведения с целью более полного удовлетворения информационных потребностей советских историков, показать, чем могут быть полезны для них издания ИНИОН, каковы резервы повышения эффективности и качества исследований за счет своевременного их научно-информационного обеспечения.

К настоящему времени уже полностью сформировалась и более десяти лет функционирует система научно-информационных изданий ИНИОН. По своему содержанию выпускаемая информация делится на текущую и ретроспективную, а по типу – на реферативную, научно-аналитическую и библиографическую. Одно из основных мест в этой системе принадлежит реферативным журналам (РЖ). Это – периодические (шесть выпусков в год) подписные издания «Общественные науки в СССР» (в семи сериях) и «Общественные науки за рубежом» (в десяти сериях). Наряду с РЖ институтом выпускается ретроспективная, проблемно-тематическая реферативная и аналитическая научная информация (64 серии). Ежегодно ведется работа более чем над 200 изданиями этого типа.

Следует также назвать 32 ежемесячных библиографических указателя новой литературы отраслевого, тематического и регионально-страноведческого характера, где даются сведения о 250 тыс. новых отечественных и важнейших зарубежных книгах и статьях по общественным наукам. Регулярно издается и ретроспективная библиографическая информация.

С 1983 г. на базе предметных указателей, содержащихся в каждом номере РЖ, институт начал издание специальных кумулятивных указателей рефератов за несколько лет. В частности, издан предметный указатель рефератов за 1973–1982 гг. по истории. В нем можно получить сведения о важнейших вышедших исследованиях и их рефератах, опубликованных на страницах РЖ за последние десять лет.

Комплексная система научно-информационных изданий ИНИОН не имеет аналогов в мировой практике. Эта система охватывает все основные области советского и зарубежного обществоведения, что позволяет в сравнительно сжатые сроки обрабатывать научную литературу, выходящую на 33 языках более чем в 100 странах. В целом каждый год институт публикует одну тысячу единиц научно-информационных материалов в виде РЖ, реферативных сборников (РС) и библиографических указателей. Их общий тираж приближается к одному миллиону экземпляров. Эти издания ежегодно предлагают ученым-обществоведам свыше 10 тыс. развернутых рефератов и примерно 300 тыс. библиографических описаний.

Реферирование отдельных работ носит селективный характер. При этом ИНИОН стремится отразить наиболее репрезентативные исследования, суммирующие основные особенности того или иного научного направления. Отбирается в первую очередь научно ценная и труднодоступная для широкого круга исследователей литература. Главным критерием при этом служат актуальность, концептуальная новизна, научная значимость и информативность работы, а также оперативность, исключающая старение информации.

В практике только Отдела исторических наук за год выявляются около 1500 заслуживающих внимания зарубежных монографий, из которых для реферирования в РЖ и РС отбирается около 400 наиболее научно значимых и информативных в свете приоритетной для историков проблематики работ, относящихся ко всему диапазону исторических наук. Разрыв в сроках между выходом книги в свет за рубежом и появлением ее реферата в РЖ не превышает двух лет. Но он, безусловно, нуждается в сокращении.

Круг потребителей общественно-политической и социально-экономической информации ИНИОН чрезвычайно широк. Преимущественная часть всех изданий направляется в научные учреждения и высшие учебные заведения, государственные учреждения, средства массовой информации. Одно из первых мест среди тех, на кого ориентирована научно-информационная продукция ИНИОН, принадлежит обществоведам, работающим в области исторических наук, – прежде всего научным сотрудникам, преподавателям высшей школы, пропагандистам, практическим работникам.

Историческая тематика содержится почти в 50 % изданий института. Ей полностью посвящены серия «История» в реферативных журналах «Общественные науки в СССР» и «Общественные науки за рубежом», специальные проблемно-тематические сборники, аналитические обзоры. ИНИОН уже ряд лет издает научно-аналитические материалы для обеспечения подготовки многотомных изданий по истории отдельных стран и континентов, работа над которыми ведется в академических институтах. Большое внимание уделяется удовлетворению информационных потребностей ученых-обществоведов, участвующих в международных конгрессах и конференциях. Рефераты, представляющие интерес для исследователей широкого спектра исторических проблем, регулярно публикуются также в 12 других специализированных сериях РЖ, освещающих литературу по смежным дисциплинам – философии, экономике, науковедению и др. Для информации историков служат и более 20 библиографических указателей. В целом из 64 серий реферативных изданий 29 прямо или косвенно посвящены проблеме, являющимся предметом изучения советских историков.

Научно-информационные издания ИНИОН – надежное подспорье для исследователей. Над их подготовкой трудится большой коллектив профессиональных историков: в штате института – 216 специалистов с историческим образованием, в том числе 63 кандидата и 5 докторов исторических наук. Среди внештатных референтов высокой квалификации – около

200 докторов и кандидатов исторических наук, работающих в академических институтах, на кафедрах вузов и в других учреждениях. Многие известные историки входят в состав редколлегии РЖ и ряда постоянных серий проблемно-тематических реферативных сборников, являются их главными редакторами, определяют их структуру, критерии отбора материалов. Так, одну из серий РЖ «Общественные науки за рубежом» возглавляет со дня ее основания академик С.Л. Тихвинский. Главными редакторами РЖ серии «История» являются доктора исторических наук И.И. Жигалов и Ю.И. Кораблев. Такие формы сотрудничества имеют важное значение для повышения качественного уровня изданий института, их эффективности и оперативного обеспечения информационных потребностей работников советской исторической науки.

Издания ИНИОН ориентированы на систематическое освещение ключевых теоретических вопросов, конкретно-исторических проблем и тем, разработка которых в настоящее время находится в центре внимания советских историков. Это прежде всего проблемы методологии, методики, понятийного аппарата современных исторических исследований; принципы и методы историзма; марксистско-ленинская теория исторического познания; закономерности социальных революций; революционная форма движения истории и ее развитие. Под этим углом зрения на страницах изданий ИНИОН отражаются современные исследования советских и зарубежных историков в области древней, средневековой, новой и новейшей истории, археологии и этнографии.

По всей этой обширной, имеющей большое научное и политическое значение проблематике институт регулярно выпускает реферативные и аналитические информационные материалы. Подготовленные на широкой базе фундаментальных отечественных и зарубежных исследований, они дают возможность проследить за развитием в мире многих социально-экономических и политических явлений. Так, в последние годы информационные издания института привлекли внимание обществоведов-историков к таким вопросам, как усиление консервативных и неоконсервативных течений в капиталистическом мире; теория и практика современной социал-демократии; активизация клерикальной идеологии и деятельности Церкви. Публикации института последних лет способствовали разработке методологических и методических аспектов изучения мировых религий и Церкви, истории общественно-политической мысли в дореволюционной России и других важных тем. Большое внимание уделяется при этом критическому анализу современной западной исторической мысли, выявлению новых ее тенденций и направлений.

Ряд информационных материалов посвящен немарксистским концепциям общественного развития, идейно-политической борьбе по вопросам войны и мира, разоблачению идеологических диверсий против реального социализма, деятельности буржуазных средств массовой информации. Отметим здесь важность критического анализа буржуазной историографии Второй мировой войны. Ряд научно-реферативных материалов по данной тематике был использован авторским коллективом 12-томной «Истории Второй мировой войны». Разработка этой проблематики продолжается, учитывая приближающееся 50-летие начала Второй мировой войны, история которой активно фальсифицируется на Западе.

В связи с подготовкой в Институте всеобщей истории АН СССР 7-томной «Истории Европы» ИНИОН уделяет значительное внимание реферированию материалов, отражающих подход современной зарубежной историографии к освещению европейской истории. При активном сотрудничестве специалистов академических институтов анализируются крупные зарубежные многотомные исследования, в частности французские и западногерманские, по истории Европы с древнейших времен до наших дней. В плане изданий на 1985 г. и последующую пятилетку предусмотрена обширная информация по проблемам европейской истории.

Аналогичные издания (реферативные сборники и аналитические обзоры) ИНИОН планирует выпустить также по истории и историографии внешней политики США. Они ориенти-

рованы на потребности историков-американистов, приступивших в Институте всеобщей истории АН СССР к подготовке многотомного труда «История внешней политики и дипломатии США».

Хотелось бы еще раз обратить внимание на важность творческого сотрудничества между институтами АН СССР, разрабатывающими проблемы истории, и ИНИОН, которое одновременно обеспечивает и высокое качество информации, и точность ее адресата. К приведенным выше примерам и результатам такого взаимодействия можно добавить РС «Современная зарубежная этнопсихология», подготовленный ИНИОН совместно с Институтом этнографии АН СССР, а также РС об исторических судьбах коренного населения Северной Америки, раскрывающий исключительно злободневную тему.

Критика современных буржуазных концепций исторического процесса и исторического познания нашла отражение в проблемно-тематических РС и НАО, выпущенных институтом по другим аспектам всеобщей истории. Речь идет, в частности, о рассмотрении конкретно-исторических и теоретических исследований, оказавших решающее влияние на формирование современной зарубежной историографии, об анализе источниковедческой основы современных исторических исследований, выявлении специфики их методологического и методического оснащения. Среди них надо отметить реферативные сборники ИНИОН по проблемам Западной Европы в средние века. В планах института на ближайшие годы имеется еще ряд тем, актуальных для специалистов по всеобщей истории. В частности, предусмотрены РС и НАО по типологии европейского феодализма и городского развития, феодальной государственности, проблемам перехода от рабовладельческой общественно-экономической формации к феодализму, генезису капиталистических отношений.

Как уже отмечалось выше, обеспечение информационных потребностей советских ученых, участвующих в международных научных конгрессах и съездах, составляет одно из постоянных и важных направлений деятельности ИНИОН. XXVI Международному конгрессу исторических наук в Штутгарте (август 1985 г.) ИНИОН предусмотрел несколько изданий по стержневым темам программы конгресса. Это, в частности, сборник рефератов и обзоров об антифашистском Сопротивлении в Европе и борьбе в Азии против японского милитаризма в годы Второй мировой войны. Его материалы разоблачают попытки буржуазных фальсификаторов истории принизить роль СССР в обеспечении победы над фашизмом, отстаивают историческую правду.

Для специалистов в области новой истории представляет интерес обзор «Современная буржуазная историография о причинах бедности в XIX в.», подготовленный к VIII Международному конгрессу по экономической истории (Будапешт, 1983). Обзор построен на анализе более 200 работ буржуазных историков-экономистов различных направлений и стран (Великобритании, Франции, Бельгии, ФРГ, США). KV Международному конгрессу финно-угроведов в Финляндии (Турку, 1980) ИНИОН подготовил два издания о достижениях советских ученых – РС «Советское финно-угроведение» и «Указатель литературы к обзорам».

Научно-аналитическими информационными материалами, подготовленными ИНИОН в содружестве с ведущими специалистами-историками, были отмечены выдающиеся юбилейные даты отечественной истории, например 150-летие восстания декабристов и 600-летие Куликовской битвы. Специальным научно-информационным изданием институт отмечает 80-летие революции 1905–1907 гг. в России.

Непреодолимое значение имеют уроки Великой Отечественной войны. Разъяснение значения всемирно-исторической Победы советского народа в войне, решающего вклада Советского Союза в разгром фашистской Германии и милитаристской Японии, освободительной миссии Советских Вооруженных сил – важный фактор воспитания трудящихся в духе советского патриотизма, пролетарского интернационализма. К 40-летию Великой Победы ИНИОН

выпустил несколько реферативных изданий, специально посвященных знаменательной исторической дате.

Большое внимание уделяет институт подготовке информационных материалов по проблемам истории и теории международных отношений. Анализ исследований по истории международных отношений проводится при участии высококвалифицированных специалистов ИМЭМО, Института США и Канады, ИЭМСС и других научных учреждений АН СССР. Информационно-аналитические материалы по данной тематике отражают состояние зарубежной научной мысли, знакомят с доминирующими тенденциями в освещении отдельных аспектов истории и теории внешней политики, с концепциями ведущих историков-международников из различных стран по широкому кругу проблем: безопасности и сотрудничеству в Европе, движению неприсоединения, вопросам нового политического и экономического международного порядка, важнейшим явлениям в современном капиталистическом обществе. Раскрывая каждую из тем в исторической динамике, эти реферативные выпуски, охватывающие наиболее актуальные и репрезентативные исследования, позволяют наряду с доминирующими концепциями выявить также новые и перспективные тенденции их развития, а обширная библиография, которая включена в такие издания, повышает их информационную и научно-познавательную значимость. В целом они содержат краткий по объему, но емкий по содержанию ценный материал, важный для повышения уровня критического анализа советскими историками буржуазных концепций, активизации наступательности и эффективности идеологической борьбы.

Широкий интерес у читателей вызвал реферативный сборник, посвященный современным международным отношениям, предисловие к которому написал академик С.Л. Тихвинский. Этот РС явился логическим продолжением вышедших в свет в предыдущие годы изданий по проблемам внешней политики и международных отношений. Содержание сборника отражает труды ведущих отечественных исследователей в этой области.

Существенный интерес для историков представляют научно-информационные материалы по проблемам современного социал-демократического движения. Адресованы они, в частности, и коллективу авторов многотомного труда «Международное рабочее движение. Вопросы истории и теории». Практическая значимость и полезность этих информационных материалов неоднократно отмечалась членами его главной редакционной комиссии.

Одной из основных задач ИНИОН является обеспечение работников высшей школы научно-информационным материалом по всему диапазону исторической науки. В 1976–1983 гг. только Отделом исторических наук ИНИОН было подготовлено для вузов 44 научно-информационных издания. В 1984 г. в вузы было направлено, помимо подписных изданий института, более 70 научно-информационных выпусков, темы которых специально разрабатывались с учетом потребностей обществоведов высшей школы. В целом высшая школа получила от ИНИОН в 1984 г. 327 изданий института (91 тыс. экз.).

Эти издания были с интересом встречены советскими обществоведами. Работы ИНИОН, адресованные преподавателям высшей школы по всей стране, акцентируя их внимание на ключевых проблемах, тем самым приобщают их к темам головных институтов и в то же время делают исследования, выполненные в вузах страны, в том числе на национальных языках, достоянием всех историков.

Ретроспективные проблемно-тематические издания – важное, но отнюдь не единственное звено в комплексной системе научно-информационной службы, центральным органом которой выступает ИНИОН. Наряду с традиционными формами в институте функционирует система избирательного распространения информации (ИРИ): абонентам рассылаются оглавления ведущих журналов, издаваемых на иностранных языках, а затем по их запросам предоставляются копии статей. Нельзя, однако, не признать, что возможности системы ИРИ в ИНИОН используются историками далеко не оптимально. Вероятно, одна из причин этого – недостаточная информированность потребителей о преимуществах этой системы.

Необходимо обратить внимание и на две другие формы информационного обеспечения, которыми располагает ИНИОН. За 15 лет в институте образовался внушительный справочно-информационный фонд. В нем сегодня содержатся более чем 100 тыс. развернутых рефератов и обзоров, вошедших в издания ИНИОН. В этом фонде можно подобрать информацию о том, что, когда и где напечатано в изданиях ИНИОН, практически по любой теме и проблеме, представляющей интерес для историка.

Развивая и совершенствуя методы информационной работы, всесторонне анализируя тенденции развития общественных наук и их информационного обеспечения в мире, коллектив ИНИОН считает, что новый качественный скачок в информационном обеспечении не может быть достигнут без широкого использования современных средств вычислительной техники, без создания автоматизированных информационных систем и сетей.

В ноябре 1980 г. институт сдал в промышленную эксплуатацию пусковой комплекс Автоматизированной информационной системы (АИС) по общественным наукам. Завершив экспериментальный период освоения АИС, ИНИОН в настоящее время продолжает работы по ее дальнейшему совершенствованию.

Новая технология позволяет оперативно обрабатывать большие объемы информации, необходимой как при проведении научных исследований, так и для принятия решений. Технические средства и имеющиеся программы для ЭВМ обеспечивают возможность создания библиографических и специализированных банков данных по наиболее актуальным теоретическим и политическим проблемам, доступ к которым осуществляется в режиме диалога потребителя с системой, в частности и по телефонным каналам связи. В создаваемый банк данных ИНИОН уже введено около 250 тыс. библиографических описаний советской и зарубежной литературы по экономике, философии, социологии, истории, праву, доступных для потребителей в режиме «on line» (диалога локальных и удаленных абонентов с системой). Работа по пополнению банка данных продолжается.

На основе созданной в институте базы данных ведется ретроспективный поиск информации и ее избирательное распределение по сформулированным специалистами профилям. Этой формой информационного обеспечения охвачено более 80 организаций (институты Академии наук СССР, высшие учебные заведения, государственные учреждения). В 1984 г. по их запросам была выдана информация о 100 тыс. книг и статей. Кроме того, по 1500 ретроспективным запросам было выдано еще 50 тыс. информационных материалов. Это – новая форма информационного обеспечения, и ее необходимо шире использовать. Говоря о перспективах развития АИС, следует отметить, что объем информации, вводимой в библиографические банки данных ИНИОН, к концу 1985 г. должен увеличиться в четыре раза. В 1986–1987 гг. система библиографической информации будет содержать примерно 700–800 тыс. документов, доступных в режиме диалога. Нам представляется, что в дальнейшем историки станут основными пользователями автоматизированной библиографической базы данных.

Важным направлением деятельности ИНИОН является сотрудничество с зарубежными научно-информационными учреждениями, в первую очередь с информационными центрами социалистических стран. Институт инициативно участвует в создании с 1976 г. новой формы совместной деятельности ученых социалистических стран в рамках Международной информационной системы по общественным наукам (МИСОН). В результате резко повысилась эффективность обмена литературой и информационными изданиями. Тесные книгообменные связи сложились у ИНИОН с 730 научными учреждениями, организациями, библиотеками и центрами информации социалистических стран, в которые ИНИОН направляет свыше 40 тыс. различных изданий в год.

Институт проводит также систематическое изучение работы информационных центров капиталистических и развивающихся стран, расширяет контакты с ними в целях обмена научной информацией, развития международного книгообмена, пропаганды достижений советской

науки, распространения за рубежом изданий ИНИОН. Он играет активную роль в организации общеевропейского сотрудничества в области информации и документации, основы которого были заложены в 1977 г., когда в ИНИОН состоялось первое Совещание европейских центров по информации и документации в области общественных наук.

Одним из важнейших итогов деятельности ИНИОН за 15 лет его работы является становление в стране новой области общественнознания – научной информации по общественным наукам. Возглавляемая институтом всесоюзная система научной информации аккумулирует, систематизирует, пропагандирует важнейшие научные достижения, стремясь оперативно адресовать их ученым, преподавателям, специалистам-практикам.

Вместе с тем в работе института имеются нерешенные проблемы. Среди первоочередных задач ИНИОН как головного органа научно-информационной системы по общественным наукам в целом и по историческим наукам в частности – интенсификация научно-информационного обеспечения исследований и идеологической работы. Основные усилия при этом направлены на использование имеющихся резервов повышения оперативности получения и обработки наиболее актуальных материалов, усиления аналитичности выпускаемых изданий. В этом отношении имеются значительные возможности укрепления и развития связей и взаимодействия с ведущими советскими и зарубежными исследовательскими и научно-информационными центрами, изучения их возможностей и потребностей, координации деятельности.

Требуется повысить внимание к проблеме совершенствования комплектования научных фондов ИНИОН отечественной и зарубежной литературой.

Серьезной задачей остается информационное обеспечение коллективных фундаментальных трудов, которые готовятся институтами АН ССР и другими научными центрами, предоставление по их запросам необходимой информации о состоянии современной научной мысли за рубежом по интересующей их проблематике.

Особого внимания требует вопрос о расширении круга высококвалифицированных специалистов академических институтов, исследовательских центров, редакций исторических журналов, кафедр обществоведческого и исторического профиля высших учебных заведений, непосредственно участвующих в подготовке научно-информационных изданий ИНИОН.

В настоящее время назрела и такая конкретная практическая задача, как обобщение опыта методики использования изданий ИНИОН в учебном процессе, преподавательской, научной и пропагандистской работе на исторических факультетах университетов и институтов, на обществоведческих кафедрах не только в гуманитарных вузах, но и в учебных заведениях естественно-научного и научно-технического профиля.

Мобилизация всех творческих сил коллектива, изыскание дополнительных резервов повышения аналитического и идеологического уровня изданий и взискательный самоконтроль за качеством и эффективностью информации, повышение практической значимости научных исследований по основным направлениям и комплексным проблемам обществоведения в целом, в частности в конкретной сфере исторических наук, дальнейшая автоматизация информационных процессов – вот те задачи, на решении которых коллектив ИНИОН АН СССР сосредоточивает все силы и внимание.

Информационные ресурсы современной России по истории: состояние, перспективы развития

Information resources of contemporary Russia on history: their condition and prospects for development

УДК 002.6

М.А. Мамонтов,

М.А. Mamontov

Аннотация: процесс информатизации последних десятилетий серьезно повлиял на российскую историческую науку, привел к изменениям ее структуры, а также существенно увеличил количественный состав и изменил структуру ресурсов. Одной из главных задач является повышение качества исторических информационных ресурсов и усиление их роли в научных исследованиях. В области создания и распространения таких ресурсов в России активно работают универсальные и отраслевые библиотеки и центры информации: Российская государственная библиотека, Российская национальная библиотека, Государственная публичная историческая библиотека России, Институт научной информации по общественным наукам РАН. В статье отражена видовая структура отечественных ресурсов в области истории, представлены фактические сведения об основных печатных и электронных справочных и периодических изданиях, особое внимание уделено исторической библиографии, развитие которой происходило в тесной взаимосвязи с историографией и источниковедением, дан анализ исторических интернет-ресурсов: электронных библиотек, баз данных, тематических сайтов и порталов.

Abstract: the process of informatization of last decades has seriously affected Russian historical science, has led to changes in its structure but also significantly increased numerical composition and structure of resources. One of the main objectives is to improve the quality of historical information resources and strengthen their role in scientific research. General and special libraries as well as information centers – first of all Russian State Library, National Library of Russia, State Public Historical Library of Russia and the Institute of Scientific Information in Social Sciences – are most active in Russia in the field of the creation and dissemination of historical resources. The article deals with specific structure of domestic resources in history; it presents actual information about the main print and electronic reference books and periodicals; particular attention is paid to historical bibliography development of which took place in close relation with other special historical disciplines. The article also analyzes Internet resources for historical studies – electronic libraries, databases, web-sites and thematic portals.

Ключевые слова: историческая наука, библиотеки, Россия, информационные ресурсы, исследования, периодика, справочники, библиография, интернет-ресурсы.

Keywords: historical science, libraries, Russia, information resources, research, periodicals, references, bibliography, Internet resources.

В конце XX – первые десятилетия XXI в. в России у достаточно широкого круга потребителей информации наблюдается рост интереса к изучению прошлого. В этот период отечественная историческая мысль переживает переломный этап в своем развитии вследствие кардинальных изменений в политической и экономической жизни страны. Происходит процесс переосмысления многих событий российской истории, основанный на введении в научный оборот неизвестных или малоизвестных ранее различных документальных источников.

В сферу изучения истории включается социально-политическая, духовная и экономическая жизнь общества.

Особенности развития общества и исторической науки оказывают непосредственное влияние на систему существующих исторических информационных ресурсов. Процесс информатизации серьезно повлиял на историческую науку, привел к изменениям ее информационной структуры, а также существенно увеличил количественный состав и изменил структуру ресурсов. Одной из главных задач является повышение качества исторических информационных ресурсов и усиление их роли в научных исследованиях.

Давая определение информационных ресурсов по истории, большинство специалистов сходятся в том, что они относятся к предметной области исторической науки и образования. Как родовое понятие используется термин «информационные ресурсы», а в качестве видового признака – принадлежность к исторической тематике. Исходя из этой трактовки, следует классифицировать и описывать существующие ресурсы, которым присущи параметры: общие для информационных ресурсов в целом; обусловленные исторической областью знания; специфические, обусловленные целевым назначением и способом их использования; соответствующие тематике ресурсов.

Документальные полнотекстовые и фактографические ресурсы относятся к наиболее используемым.

В области создания научной исторической литературы в России активно работают институты РАН. В первую очередь следует выделить Институт российской истории РАН как головной научно-исследовательский и экспертный центр в области отечественной истории, имеющий прекрасную мировую репутацию. Он был создан в 1936 г., а круг изучаемых им проблем простирается от аспектов истории Древней Руси до вопросов развития постсоветского общества. Ведущие археологические научные учреждения страны – Институт археологии РАН и образованный в 1991 г. на основе Ленинградского отделения Института археологии АН СССР Институт истории материальной культуры. Главным академическим центром в области этнографии остается Институт этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая. Многопрофильным научным институтом, занимающимся исследованиями в области социальных и гуманитарных наук, в т. ч. и исторических, является созданный в 1969 г. на базе Фундаментальной библиотеки общественных наук Институт научной информации по общественным наукам (ИНИОН). Научные изыскания в области истории активно ведут институты региональных отделений РАН, а также крупнейшие университеты и вузы страны, имеющие исторические факультеты и кафедры истории. Ими готовится основная часть отечественной научной литературы (монографии, тематические сборники, диссертации, статьи и публикации в научных журналах), издаются книжные серии.

В последние годы в выпуске научных изданий участвуют различные ассоциации, общественные (исторические, общегуманитарные, краеведческие и научно-информационные) центры и фонды. Наибольшую активность проявляют Набоковский фонд, фонд Солженицына, научно-информационные центры организации «Мемориал» из разных городов России, а в Петербурге – Всемирный клуб петербуржцев. Они способствуют разработке профильных в своей деятельности направлений в истории, поддерживают некоммерческие издания и региональные исследования, а также работу неформальных исследователей.

Объем годового потока исторической литературы в нашей стране составляет не менее 20 тыс. книг и журналов. Преобладают в нем научно-популярные издания, ориентированные на массового читателя. Их роль особенно велика, так как они формируют вкус и мировоззрение значительной части общества. Многие научно-популярные издания выходят в свет в сериях, среди которых высоким профессионализмом подготовки и интересом у читателей выделяются: «Жизнь замечательных людей» (издается более 100 лет) и «Исторические факты и литературные версии» (издается с 1992 г.). Выходят также серии с конкретным читательским адре-

сом, например «История России для детей и юношества». Из серий, появившихся в последние годы, наибольшей популярностью пользуются: «Живая история. Повседневная жизнь человечества», «Великая забытая война» (о Первой мировой войне), «Мифы без грифа», «100 великих», «Античная библиотека» и «Византийская библиотека». Широко представлены тематические сборники, в которых публикуются материалы по истории России и других стран, тексты исторических документов («Страницы истории», «Неизвестные документы» и др.).

Возросло количество выпускаемых учебников и учебных пособий по истории для школ и вузов. Изменившиеся подходы к исторической науке диктуют необходимость существенной переработки учебных программ и методики преподавания дисциплин исторического цикла. Предпринимаются издания хрестоматий, комплексных учебных материалов, курсов лекций.

Разнообразна справочная литература. Среди научных справочных изданий последних лет выделяются 12-томный «Исторический лексикон» [М., 1996–1998] и 3-томная энциклопедия «Отечественная история: История России с древнейших времен до 1917 года» [М., 1994–2000. Т. 1–3].

Издается значительное число биографических и биобиблиографических словарей, справочников, энциклопедий, посвященных в первую очередь дореволюционной истории России. Наиболее фундаментальными и информативными среди них являются библиографические справочники: «Государственные деятели Российской империи. 1802–1917» Д.Н. Шилова [СПб., 2001], «Члены Государственного совета Российской империи. 1801–1906» Д.Н. Шилова и Ю.А. Кузьмина [СПб., 2007], «Декабристы» [М., 1988], составленный С.В. Мироненко; биографическая энциклопедия К.А. Залесского «Первая мировая война: Правители и военачальники» [М., 2000]. Из изданий о советских государственных деятелях наиболее интересен историко-биографический справочник «Вокруг Сталина» [СПб., 2000], подготовленный и выпущенный в свет Санкт-Петербургским государственным университетом.

В последние годы опубликовано несколько научных словарей терминов, названий и понятий, относящихся к истории нашей страны (например, «Отечественная история...» [СПб., 2000] и «Родная старина: Слова, термины, образы» [М., 1996]).

Издаются страноведческие и тематические региональные справочники и энциклопедии, а также работы по отдельным периодам всемирной истории. Среди них можно выделить энциклопедию «Политические партии России, конец XIX – первая треть XX в.» [М., 1996], энциклопедический словарь В.Д. Гладкого «Древний мир» [М., 1998, Т. 1–2], словарь-справочник «Античность» [Дубна, 1998], энциклопедию «Древний Египет» [М., 2005] В.В. Солкина, «Всемирную историю цивилизаций. Древний мир. Европа» [Ростов-на-Дону, 2006] М.Н. Цаплина, «Иллюстрированный военно-исторический словарь. Всеобщая энциклопедия военного дела. 2500 словарных статей» [М., 2007] С.В. и А.С. Потрашковых, «Страны мира. Полный энциклопедический словарь» [М., 2012] и ряд других.

Издан ряд справочных пособий по вспомогательным историческим дисциплинам (генеалогии, геральдике, исторической географии, хронологии): «Генеалогический словарь» А.А. Макейчика [СПб., 1997], «Энциклопедия символов, знаков, эмблем» [М., 2000], «Словарь международной символики и эмблематики» В.В. Похлебкина [М., 1994], «Летописный календарь России» А.Л. Мясникова [СПб., 2004], «Летопись двух столиц» [СПб., 2002] и др.

Наибольшее число изданий справочного характера составляют научно-популярные энциклопедии, справочники и словари, ориентированные на школьников и самообразовательное чтение всех возрастных групп населения. Выходят новые и переиздаются многие дореволюционные научно-популярные справочники, посвященные отдельным периодам отечественной и всеобщей истории, отдельным странам и местностям, историческим персонам: «История Отечества: Новая популярная энциклопедия» В.М. Соловьева [М., 2000], «Энциклопедия русской истории» [М., 2000] и др.

Одними из наиболее оперативных источников информации по истории остаются периодические издания. Выделяются три основные группы подобных изданий: 1) специализированные научные журналы («Вопросы истории», «Новая и новейшая история», «Российская археология», «Этнографическое обозрение» и др.); 2) смежноотраслевые и узкотематические журналы («Военно-исторический вестник», «Вестник древней истории», «Средние века» и др.); 3) издания, посвященные в том числе и истории отдельных регионов мира («Восток», «Латинская Америка», «Славяноведение» и др.); 4) издания общегуманитарной и непрофильной тематики (научно-популярные и литературно-художественные журналы).

Из периодических изданий, созданных в последние годы, выделяются два петербургских журнала. С 1997 г. выходит журнал «КЛИО» – уникальное по качеству и широте спектра представленных материалов издание, включающее публикации по историческим дисциплинам, источниковедению, историографии, археологии, отечественной и всемирной истории, нумизматике. С 2006 г. выходит исторический журнал «Автобус», обращенный к детской и юношеской аудитории.

Издательская структура отраслевого документального потока представлена в первую очередь организациями Москвы и Санкт-Петербурга. При этом специализированные академические и университетские издательства значительно уступают по числу наименований новым издательствам, таким как «Феникс», «АСТ», «Алетейя», «Александр Принт» и др. Немалый поток исторической литературы обеспечивается усилиями региональных центров. Выделяются, в частности, издательства Владивостока, Волгограда, Воронежа, Ростова-на-Дону, Уфы.

К основным тенденциям развития документального потока в области истории в последние десятилетия относят его количественный рост и расширение тематической структуры. В базе данных по истории, археологии и этнологии ИНИОН содержится почти 500 тыс. записей за 1986–2015 гг. с ежегодным пополнением в 15–17 тыс. отечественных и зарубежных публикаций. В связи с широким переизданием значимых книг, статей и публикаций источниковедческого характера двух прошлых столетий, их повторным переосмыслением и цитированием, полупериод старения исторической литературы увеличился с 16 до 19 лет. Наряду с количественным ростом исторической литературы изменяется и усложняется тематическая структура документального потока. Расширяется предмет исторической науки, идет процесс проникновения в нее идей и методов других наук, растет число междисциплинарных публикаций. Это приводит к тому, что значительная часть материалов, с которыми имеет дело современный историк, относится к смежным отраслям знаний.

Специфичны *библиографические ресурсы*. Историческую библиографию принято относить к вспомогательным историческим дисциплинам. В ее задачи входит создание и использование различных библиографических пособий (указателей, списков, каталогов, баз данных и др.), отражающих опубликованные и неопубликованные документы исторической тематики. Историческая библиография развивается в тесной взаимосвязи с другими специальными историческими дисциплинами (историографией и источниковедением) и имеет давние и глубокие традиции. В России первые указатели появились еще в начале XVIII в. За годы своего существования историческая библиография выросла в количественном и качественном отношении. От неполных библиографических списков и обзоров совершен переход к систематическому учету исторической литературы.

Относительно неплохо решена задача текущего библиографирования такой литературы. Еще во второй половине XIX в. братьями Б.П. и П.П. Ламбинами была предпринята первая в мировой практике попытка создания самостоятельной текущей исторической библиографии, учитывающей материалы не только по отечественной, но и по всемирной истории. В издаваемых ими на деньги Академии наук ежегодниках «Русская историческая библиография» [СПб., 1861–1884] было представлено свыше 44 тыс. наименований различных публикаций. Достижением явилось создание в середине XX в. текущего библиографического указателя по всемир-

ной истории, выходящего под заглавием «История. Археология. Этнология» в серии «Новая литература по социальным и гуманитарным наукам», выпускаемой ИНИОН. С 1947 по 1992 г. выходило два указателя: один по отечественной, а другой по иностранной литературе. С 1993 г. он выходит единым ежемесячным изданием. Одним из достоинств этого уникального пособия является то, что в нем достаточно полно учитываются книги и статьи из периодических изданий, авторефераты диссертаций, опубликованные не только в крупных научных центрах, но и в сравнительно небольших городах мира. На его основе создана и постоянно пополняется одноименная база данных ИНИОН, информационный поиск в которой производится по автору, названию, языку, времени и месту создания документов, а также по их ключевым словам. С 1973 г. ИНИОН издает и текущий реферативный журнал «История» (серия 5), включающий сравнительно небольшое количество литературы (от 100 до 200 названий в год), но подробно раскрывающий ее содержание.

С 1966 г. в Новосибирске выходит в свет ежеквартальный региональный указатель «История Сибири и Дальнего Востока», а с 1991 г. ГПНТБ СО РАН ведет одноименную базу данных. В ней представлены около 100 тыс. записей по разделам: историческая наука и вспомогательные исторические дисциплины, история народного хозяйства, культуры, географических исследований, историческое краеведение, археология. Институт истории и археологии Уральского отделения РАН и Екатеринбургская областная универсальная научная библиотека выпускают с 1994 г. ежегодник «История Урала: библиогр. указ. лит.».

Среди дореволюционных ретроспективных библиографических указателей выделяется 8-томная «Русская историческая библиография за 1865–1876 гг. включительно» [СПб., 1882–1890] В.И. Межова, в которой автор применил ряд ценных для своего времени методических приемов, повысивших справочную ценность его труда. Большое внимание библиограф уделил учету исторических источников и отражению в описании сборников и многотомных изданий всех вошедших в них документов. С особой тщательностью он учитывал рецензии, хронику, полемические материалы и статьи из местных журналов и газет.

Современная типологическая структура ретроспективной исторической научно – вспомогательной библиографии РФ представлена следующими разновидностями пособий: указатели литературы по всемирной истории в целом и по отдельным периодам всемирной истории; указатели, охватывающие историю отдельных регионов отдельных географических, исторических и административно-хозяйственных местностей; тематические указатели по истории отдельных событий (наиболее полное отражение из событий отечественной истории получили война 1812 г. и восстание декабристов); библиографические пособия по истории исторической науки, указатели исторических источников, указатели библиографических и справочных пособий.

Созданные в последние годы в России ретроспективные библиографические указатели, посвященные ее истории, можно разделить на работы по дореволюционному и советскому периоду, причем приоритетно развивалось первое направление. Выделяется 5-томная «История дореволюционной России в дневниках и воспоминаниях» [М., 1976–1989], составленная совместными усилиями крупнейших библиотек Москвы и Ленинграда под редакцией П.А. Зайончковского. Во многих национальных республиках и областях РФ выходят библиографические пособия, посвященные их истории. Из наиболее заметных работ отметим: «История Кубани: библиогр. указ.» [Краснодар, 1992], «История Чувашской Республики: библиогр. указ.» [Чебоксары, 1996], «История Башкортостана в зарубежных исследованиях» [Уфа, 1996], а также выходящий с 1994 г. текущий библиографический указатель «История Урала».

Успешно разрабатывается в последние годы библиография исторической библиографии, что непосредственно связано с ростом числа публикуемых библиографических пособий. Ни в одной стране мира это направление библиографической деятельности не развивалось столь

интенсивно и разносторонне: с начала 1960-х гг. создано свыше 50 пособий библиографии библиографии по отечественной и зарубежной истории.

Все перечисленные звенья в течение двух последних десятилетий пополнялись новыми библиографическими пособиями, но с различной степенью интенсивности. Более активно шло развитие тематической и персональной библиографии. К числу нерешенных проблем следует отнести существенные лакуны в библиографировании литературы по отдельным отраслям науки, а также по истории России в XX в.

В последние годы в России значительно возрастает число и расширяется проблематика библиографических публикаций в области исторических дисциплин. На страницах журналов «Библиография» и «Мир библиографии», в записках, трудах и тематических сборниках универсальных и отраслевых научных библиотек и информационных центров публикуются работы, посвященные теории, методике, организации, истории и современному состоянию исторической библиографии. ГПИБ РФ и РНБ выпускают сборники, поднимающие теоретические и методические вопросы исторической библиографии. Существует ряд учебников и учебных пособий по исторической библиографии, курсы которой читаются на исторических факультетах университетов.

В конце XX в. в России начали появляться первые *исторические интернет-ресурсы*: электронные библиотеки, базы данных и библиографические указатели, тематические страницы и порталы. В последние годы их число и роль в работе историков повышаются. Для многих исследователей и самого широкого круга любителей истории Интернет становится незаменимым инструментом поиска самой разнообразной информации. В то же время электронные ресурсы основаны на принципе свободы информации, разместить ее может любой желающий, что зачастую создает существенные трудности для специалиста, который может столкнуться с непроверенными, искажающими исторические факты и концепции сведениями.

Многие из рассматриваемых ресурсов трудно отнести к той или иной категории, поскольку они включают в себя элементы из разных групп, далеко не всегда существуя «в чистом виде». Условно можно выделить следующие группы исторических ресурсов: указатели и обзоры сетевых ресурсов; электронные публикации письменных исторических источников; сайты вузов, посвященные истории; справочные и библиографические материалы; электронные журналы и электронные версии печатных журналов; отраслевые сайты и порталы.

Среди указателей и обзоров сетевых ресурсов наибольшая подборка исторических ресурсов по исторической информатике и истории России размещена на сайте «History Net. Интернет для историков» (<http://www.historynet.com>), созданном сотрудниками Института дистанционного образования Томского государственного университета. Заслуживает внимания и сервер издательства «Кдио-Софт»: в его разделе «Каталог» представлены ресурсы по всемирной истории и истории России [<http://klio.dcn-asu.ru/rindex.shtml>].

В Рунете имеется много тематических указателей ресурсов, в т. ч. по истории православия, военной истории, отдельным историческим событиям. Из обновляющихся обзоров веб-ресурсов выделяется «История России в Рунете», помещенный на сервере РГБ [<http://www.rsl.ru/ru/s3/s331/s122/s1224791>], ставящий целью рассказать о существующих в Интернете ресурсах по отечественной истории. В отличие от других подобных материалов здесь не просто перечисляются сайты, а приводится их обзор; осуществляется ежеквартальная проверка ссылок и делается упор на качественную оценку материалов.

В категории электронных публикаций письменных исторических источников выделяется портал «Коллекция: Исторические документы. Российский общеобразовательный портал» [<http://www.historydoc.edu.ru>], на котором размещены фото-, аудио- и видеодокументы со ссылками на тексты исторических источников. Портал снабжен авторскими комментариями.

Серьезная коллекция средневековых летописей Востока и Запада, включающая тексты византийских, арабских и европейских авторов на русском языке, представлена на сайте

«Восточная литература. Средневековые исторические источники Востока и Запада» [<http://www.voslit.info/common/about.phtml?id=658>].

Научным подходом к подбору источников отличается электронный архив «Рукописные памятники Древней Руси» [<http://www.lrc-lib.ru>], содержащий сведения о материалах, хранящихся в отечественных и зарубежных музеях, архивах и библиотеках. Сайт «Антология древнерусской литературы» [<http://old-ru.ru>] включает более 400 текстов, созданных до XVII в. На нем представлены летописи, исторические хроники и документы, сочинения отцов Церкви, а также книги, переведенные с иностранных языков, но имевшие широкое хождение на Руси. Для большего удобства в структуру сайта включены многие дополнительные разделы: словари, карты, таблицы, русский хронограф, фотографии отечественных архитектурных памятников.

Сайт «Российские мемуары XVIII века» [<http://mikvl.narod.ru/index.html>] является полнотекстовой библиотекой мемуарной литературы. На нем представлены дневники, воспоминания, анекдоты и рассказы современников. В совокупности они являют собой достаточно полную картину культуры, быта и нравов эпохи.

Многие из современных вузов имеют собственные электронные библиотеки и сайты, посвященные истории. Выделим «Библиотеку электронных ресурсов исторического факультета МГУ им. М. В. Ломоносова» [<http://www.hist.msu.ru/ER/Etext/index.html>], предлагающую полные электронные версии исторических источников по отечественной и всеобщей истории, а также «Сайт историко-архивного института РГГУ» [<http://iai.rsuh.ru/section.html?id=2087>], на котором выставлена информация о прошедших в институте конференциях, защищенных диссертациях и публикациях сотрудников. На «Сайте исторического факультета Алтайского университета» [<http://www.hist.asu.ru>] можно найти сведения о состоянии исторической науки в Алтайском крае, узнать о проектах, конференциях и книгах, посвященных истории края. На нем представлены учебно-методические пособия и программы читаемых курсов. На сайте кафедры истории Древней Греции и Рима исторического факультета Санкт-Петербургского государственного университета «Центр антиковедения» [<http://www.centant.spbpu.ru>] размещены переводы древних авторов, монографические исследования.

Повышенным спросом у пользователей Интернета отличаются справочные и библиографические материалы. Так, немало пользователей у информационно-энциклопедического проекта «Рубрикой», в рамках которого можно получить доступ к полным электронным версиям энциклопедий и словарей, изданных за последние сто лет в России [<http://www.rubricon.com/qs.asp?qttype=7@id=0@srubr=3835>]. В этой группе интересен подготовленный РНБ «Путеводитель по биографическим электронным ресурсам по отечественной истории» [<http://www.nlr.ru/res/inv/guide44/about.php>] – оригинальное справочное пособие о ресурсах на русском языке, содержащих информацию в виде электронных баз данных, перечней биографий или просто списков людей, имеющих отношение к прошлому России. Путеводитель содержит свыше 500 ссылок, расположенных в систематическом порядке и снабженных краткими аннотациями. Потребитель имеет возможность сразу выйти на интересующие его сайты, состав которых регулярно обновляется. Работа имеет один из наиболее высоких рейтингов по числу обращений пользователей сайта РНБ.

Сайт «История Древней Руси» [<http://rus-hist.on.ufanet.ru>] представляет собой своеобразный мультимедийный справочник. Он включает разделы: Начальная история, Русь Киевская, Русь Владимирская, Русь Московская, Русское царство; размещены ссылки на другие ресурсы Интернета по истории. Сайт снабжен именованным, географическим и предметным вспомогательными указателями.

На странице «Базы данных» сайта РНБ под общим заголовком «Российская империя: административно-территориальное деление (1708–1917)» помещены две информационные базы: «Городские поселения Российской империи (1708–1913 гг.)» и «Справочные материалы об изменении внутренних и внешних границ губерний Европейской России (1775–

1897)» [[http:// www.nlr.ru/res/refer/r_imp/gub/index.html](http://www.nlr.ru/res/refer/r_imp/gub/index.html)]. Первая содержит сведения о 2626 городах, местечках и посадах, с возможностью поиска объекта по его названию, статусу и административно-территориальной принадлежности и с общим алфавитным их списком. «Справочные материалы...» – это хроника изменений губернского и уездного деления, сгруппированная по 35 (в основном великорусским) губерниям.

Для исследователей зарубежной истории весьма полезен справочник «Великая французская революция», включающий статьи из энциклопедий, хронику событий, карты Франции до и после 1789 г. [<http://Larevolution.ru>].

Электронный иллюстрированный библиографический справочник «Дом Романовых. 1613–1917 гг.», расположенный на официальном сайте «Ресурсы» РНБ [<http://www.nlr.ru/res/refer/romanov/>], содержит сведения о почти 300 исторических персонах – от патриарха Филарета до великого князя Владимира Кирилловича. Его персональные странички состоят из генеалогических справок, списков литературы, электронных ресурсов и ссылок на конкретные статьи в электронных справочниках.

Особое место в сети Интернет занимают сайты периодических изданий, хотя количество собственно исторических журналов невелико, причем некоторые из возникших изданий вскоре прекратили свое существование.

Интересен ежеквартальный электронный научно-образовательный журнал «История», публикующий научные статьи и информацию о мероприятиях в мире историко-профессионального сообщества [www.mes.igh.ru]. Среди постоянных авторов журнала – ведущие сотрудники Института всеобщей истории РАН и преподаватели исторических факультетов крупнейших вузов страны. «Международный исторический журнал» помещает на своей странице аналитические исследования по истории, историографии, неизвестные архивные материалы [<http://history.machaon.ru>]. Электронный исторический альманах «Лабиринт времен» [<http://www.hist.ru>] уделяет основное внимание противоречивым фактам и событиям мировой истории. Материал в нем разделен по темам, временам и странам. Любопытно издание «Историк – общественно-политический онлайн-журнал» [<http://www.historicus.ru>], содержащее подборку статей от начала истории до наших дней, а также ежедневно обновляемую ленту новостей истории и археологии.

Научно-популярный, историко-этнографический альманах «Первые американцы. Индейцы Америки: прошлое и настоящее» [<http://www.first-ameri-cans.spb.ru/main.htm>] выходит в свет ежегодно с 1996 г. Основная цель издания – освещение культур коренного населения Северной Америки, индейцев и эскимосов, первыми заселивших этот континент. Среди его разделов – «История» (с публикацией документов), «Этнография» и «Мифология».

Электронная версия печатного академического периодического издания «Средние века» [<http://www.srednieveka.ru>] публикуется ежеквартально с 2007 г.

Наиболее разнообразны и многочисленны в Интернете отраслевые исторические сайты и порталы. Их можно систематизировать по тематике представленного материала. Наибольшим спросом пользуются общепрофессиональные электронные издания. Например, на сайте «История. Ру» [<http://www.istorya.ru>] представлены книги, статьи, коллекции рефератов и карт по всемирной истории и истории России. Не менее популярен и сайт «Археология. Ру» [<http://www.archaeology.ru>], предназначенный как для профессионалов, так и для археологов-любителей. Он включает более 7000 аннотированных ссылок на ресурсы по всем направлениям современной археологии. Портал «Новый Геродот. Общественно-исторический форум» [<http://gerodot.ru>] – это клуб людей и сайтов, объединенных интересом к истории.

Целую группу составляют электронные сайты по всемирной истории. Выделим в первую очередь исторический проект «Хронос. Всемирная история в Интернете» [<http://www.hrono.ru/index.php>], на странице которого отражены все значимые проблемы и освещены основные точки зрения по каждой. основополагающими структурными составляющими сайта являются

хронологические таблицы и система указателей (биографических, предметных, географических, этнографических и религиоведческих), связанных между собой гиперссылками. Проект «Всемирная история» [<http://www.worM-history.ru>] не претендует на полный охват истории человечества, но зато находится в постоянном развитии. В нем представлены статьи из разнообразных периодических и продолжающихся изданий, любопытна рубрика «Этот день в истории». Специфичен сайт «Всемирная история в лицах» [<http://rulers.narod.ru>], посвященный великим людям в истории человечества.

Разнообразны сайты, посвященные отдельным периодам и событиям всемирной и зарубежной истории. Популярен сайт «Древний мир» [<http://ancient.gerodot.ru>], посвященный истории древних держав: Двуречья, Египта, Индии, Китая, Греции, Рима и др. На нем можно найти карты и схемы, сведения об исторических личностях, военном искусстве. Удачным по оформлению, содержанию и удобству пользования является сайт «История Древнего Рима» [<http://ancientrome.ru>]. В этом любительском проекте представлены материалы по истории всего античного мира, преимущественно статьи и публикации исторических источников. Имеется поисковая система-навигатор, с помощью которой легко ориентироваться в документах сайта.

Проект «Средневековая жизнь» [<http://www.thedarhages.ru>] ориентирован на то, чтобы не только донести до потребителя сведения о фактах и событиях, но и сфокусировать внимание на многих областях средневековой жизни: медицине, искусстве, образовании, литературе. Прямые ссылки на ресурсы Интернета, связанные со Второй мировой войной, содержит каталог «Вторая мировая война» [<http://1939-1945.net/about.shtml>].

Немало в Интернете электронных ресурсов по истории России. Выделим сайт «Отечественная история» [<http://lants.tellur.ru/history/index.htm>], интересный тем, кто занимается историей древнерусского государства. Он содержит большое количество ссылок, позволяющих посетителям вести многогранный поиск. Портал «Археология России» [<http://www.archeologia.ru>] является национальным сервером электронных информационных ресурсов по археологии и истории Евразии. Его основу составляет открытая электронная библиотека по археологии, истории и смежным дисциплинам, включающая в себя научные и научно-популярные издания, учебники, статьи и публикации источников. На сайте «Российские императоры» [<http://rusimper.narod.ru>] представлены точные и полные биографии всех императоров Российской империи, а также биографии известных общественных и политических деятелей, великих русских ученых, композиторов, писателей и просветителей. На сайте «Российская империя в фотографиях» [<http://all-photo.ru/empire/index.ru.html?pg=0@kk=b01a19b8e3>] выложены более 2000 фотографий, систематизированных по 37 разделам.

Описанная выше система информационных ресурсов по истории должна удовлетворять потребности в информации: общие, обусловленные спецификой отрасли и тенденциями ее развития; специфические (в пределах отрасли, обусловленные характером труда); профессиональные, лежащие за пределами отрасли и связанные с характером, тематикой и особенностями выполняемой работы.

Основные группы потребителей таких ресурсов – это специалисты: выполняющие главным образом исследовательскую функцию, готовящие научные работы и публикации исторических источников (научные работники); функции получения и распространения исторических знаний – в равной степени (преподаватели исторических дисциплин в вузах); занятые распространением исторических знаний (преподаватели истории в средних учебных заведениях); осуществляющие хранение памятников истории и популяризирующие их (работники библиотек, музеев и архивов); студенты истфаков вузов; непрофессионалы, обращающиеся к информационным ресурсам в соответствии со своими интересами (журналисты, писатели). Можно выделить группы потребителей и по другим признакам: по специализации (археологи, этнографы, историки), тематике (экономическая история, общественная мысль), хронологии

(древний мир, средневековье, новое и новейшее время), регионам (американисты, египтологи, византилисты).

Хотя темпы изменений научного сообщества историков России в последние десятилетия невысоки, темпы роста потока научной и научно-популярной исторической литературы нарастают под влиянием как внутренних, так и внешних факторов: демократизации издательской политики, упрощения процесса доиздательского оформления рукописи, грантов научных фондов гуманитарного профиля, новой проблематики исследований, новых потребностей учебного процесса в вузах и школах. Общее число научных и научно-популярных книг и журналов составило в XXI в. не менее 20 000 наименований в год. Меняется тематическая структура профильного документального потока, расширяется предметная область исторической науки, происходит взаимопроникновение идей и методов разных наук, растет число междисциплинарных исследований и «стыковых» дисциплин (историческая психология, историческая демография и т. д.). Обособляются исследования специфических источников (гербов, печатей и др.). В итоге около половины научных работ, с которыми знакомится современный исследователь, относится к смежным отраслям знаний. При поиске подобной информации он испытывает наибольшие трудности.

В море публикаций все более затруднены поиск, аналитико-синтетическая обработка и использование информации. Замедляется процесс обобщения исторического знания и повышается уровень фактографичности публикаций, который определяется отношением числа микродокументов по теме (статей, рецензий) к числу обобщающих макродокументов (монографий, диссертаций): в отечественном документальном потоке на 250 микродокументов приходится один профильный макродокумент. Нарастает дублирование документов исторической тематики. Переиздания, размещение стереотипных текстов учебных пособий, публикации о событиях и находках в нескольких периодических изданиях, авторские тексты в печатной и электронной форме с различной степенью идентичности, расширяя читательскую аудиторию, осложняют библиографические процессы поиска и идентификации профильных документов (на это потребители тратят до 50 % времени). Возрастает значимость учебной литературы, разнообразие ее типов, жанров, тематики. Многократно переиздаются апробированные в учебном процессе пособия, значительна доля переводных изданий.

Совместными усилиями универсальные и отраслевые научные библиотеки России решают задачу текущего библиографирования исторической литературы (несомненное достижение – налаженный ИНИОН регулярный учет изданий по всемирной истории), создан ряд фундаментальных ретроспективных указателей. Тем не менее формирование системы источников исторической библиографии нельзя считать завершенным. Остро стоит проблема создания сводного общеисторического библиографического пособия, продолжающего учет отечественной исторической литературы по всемирной истории с 1877 по 1917 г., и сводного указателя отечественной исторической литературы по истории России – СССР с 1952 г.

Большинство ретроспективных указателей по истории нашей страны составляют тематические пособия, однако ими обеспечены далеко не все темы. Отсутствуют библиографические указатели по социальной истории, истории политического строя и государства России в периоды феодализма и социализма, по истории внешней политики, истории культуры России в период капитализма, истории религии в СССР в период социализма. В то же время проведенный анализ показал наличие ряда дублирующих друг друга пособий об Октябрьской революции и Великой Отечественной войне.

Важным направлением остается создание указателей по истории регионов России. Лакун здесь немало (нет библиографических указателей по социально-экономической истории Бурятии и Калмыкии, ретроспективных пособий по истории Коми и Хакасии и т. д.), что требует активизации работы в этом направлении национальных библиотек республик РФ и областных универсальных научных библиотек.

Около 60 % общего числа ретроспективных библиографических указателей по отечественной истории составляют пособия, учитывающие исторические источники. Но пока отсутствуют указатели законодательных источников по экономической истории России периода капитализма, документальных публикаций по истории права в период социализма. Учитывая особую значимость публикаций исторических источников для развития науки, желательно организовать их систематическую текущую регистрацию в электронном виде.

Лишь 4 % общего числа библиографий по отечественной истории составляют указатели персоналий исторических деятелей; их неохотно в последние годы публикуют и отдельными изданиями, и на страницах периодики.

Вследствие всего этого одна из основных задач, стоящих перед научными универсальными и отраслевыми библиотеками России в области исторической библиографии, – восполнить лакуны и снабдить потребителей продолжающимися друг друга научно-вспомогательными и рекомендательными библиографиями. Не менее важно совершенствование качества библиографических указателей, т. к. до сих пор имеют место существенные пропуски в учете литературы, в ряде новейших изданий отсутствует справочно-методический аппарат. Остро ощущается отсутствие современной универсальной многотомной «Исторической энциклопедии», которая должна закрепить новейшие достижения исторической науки, по возможности избежав идеологических догм, и дать репрезентативную и соответствующую мировому уровню информацию.

Фундаментальных биографических и биобиблиографических справочников о российских исторических и политических деятелях создается недостаточно (тон в этом направлении задает РНБ); не до конца отработана методика их подготовки (не всегда соблюдается структура персональных статей, непонятны принципы отбора литературы для пристатейных списков и т. п.).

В области публикации научно-популярных справочников, ориентированных на широкую аудиторию, нельзя не отметить успехи РГБ, где разработаны эффективные приемы их подготовки. Однако и здесь есть изъяны. Ряд недавно изданных справочников, имеющих в названии слово «энциклопедия», далеки от этого жанра, в них много концептуальных ляпов и фактографических ошибок.

Проведенный предварительный анализ системы современных информационных ресурсов в области исторической науки показал, что она пока еще только складывается. Ни одна из категорий потребителей не обеспечена надежными и необходимыми ей информационными инструментами полностью. В то же время российские научные библиотеки и информационные центры располагают кадрами и базой для решения этих задач. В совершенствовании и развитии их деятельности – залог успеха.

Библиография

Афанасьева Л.П. Интернет для историка: мусорная корзина или кладезь мудрости? // Новый исторический вестник. 2003. № 1. С. 182–212.

Бабенко В.Н. Отечественная научная информация в области исторических наук во второй половине XX века: итоги и перспективы / ИНИОН. М., 1999. 239 с.

Бакун Д.Н. Развитие библиографии исторических источников в России (XVIII – начало XX в.): монография. М.: Парад, 2006. 557 с.

Бородкин Л.И., Валетов Иф. Электронные ресурсы в изучении истории России XX века / Исторический ф-т МГУ им. М.В. Ломоносова. М., 2002. 20 с.

Мамонтов М.А. Информационные ресурсы отдельных областей знания. История // Справочник библиографа. 4-е изд., перераб. и доп. СПб.: Профессия, 2014. С. 211–220.

Простоволосова Л.Н., Черемисина Н.Н. Историческая библиография: история и современное состояние: учеб, пособие / МГИАИ. Москва, 1990. 81 с.

Библиотека как базовый элемент информационной инфраструктуры исторической науки⁴

Library as a basic element of information infrastructure of historical science

УДК 930.1+001.102

Л.А. Пронина, В.В. Канищев

L.A. Pronina, V.V. Kanishchev

Аннотация: в статье рассматриваются проблемы информационного обеспечения исторической науки в современных условиях с учетом тенденций развития информационного пространства. На примере Тамбовской областной универсальной научной библиотеки им. А.С. Пушкина раскрыты роль и место библиотеки в информационной инфраструктуре исторической науки.

Abstract: the article considers issues of information support of historical science within modern conditions taking into account tendencies of information spacedevelopment. On the example of Tambov regional universal scientific library named after A. S. Pushkin role and place of libraries in information infrastructure of historical science are revealed.

Ключевые слова: историческая наука, областная научная библиотека, информационное обеспечение, библиотечный фонд, редкие книги, справочно-библиографический аппарат библиотеки, информационные сервисы, базы данных, компьютерные реконструкции.

Keywords: historical science, regional scientific library, information support, library collection, rare books, library reference and bibliographic apparatus, information services, databases, computing reconstructions.

В настоящее время информационное обеспечение осуществляется документационными потоками в реальном и виртуальном информационном пространстве. Информационная инфраструктура исторической науки традиционно включает библиотеки, архивы, музеи, органы научно-технической информации, различные документационные центры, которые сегодня можно классифицировать как гибридные информационные учреждения, имеющие документы в своих фондах, часть из которых прошла оцифровку и представлена в виртуальном информационном пространстве. Но в виртуальном пространстве представлены и электронные документы – ресурсы, не имеющие печатного аналога. Поэтому проблема рассеивания информации становится все более актуальной, а поиск необходимых документов, источников – все более сложным.

Среди информационно-документационных учреждений именно библиотеки составляют большинство. Хотя они имеют разную ведомственную принадлежность, обеспечение потребностей ученых и специалистов остается приоритетным. Традиционно библиотеки активно создают и хранят значительные фонды разноформатных документов, обеспечивая доступ к ним потребителей. В информационном обеспечении исторической науки библиотека играет значительную роль, осуществляя ее информационное обеспечение. По мнению Е.А. Воронцовой, информационное обеспечение исторической науки – это деятельность по поиску, сбору, обработке, накоплению, хранению, распространению и использованию репрезентативной и

⁴ Статья подготовлена в рамках: государственного задания в сфере научной деятельности Министерства образования и науки РФ (Задание № 33.956.2014/К); гранта Президента Российской Федерации для поддержки творческих проектов общенационального значения в области культуры и искусства (договор № 4452-01-42/13-15 от 02.09.2015 г.).

достоверной информации, необходимой для решения исследовательских задач в области изучения истории, а также сама информация, определенным образом структурированная (организованная) и представленная в удобном для исследователя виде [Воронцова, 2014]. Практически все аспекты данной деятельности осуществляют именно библиотеки, что зафиксировано в их уставах, различных локальных нормативных актах, государственных заданиях.

Региональные исторические научные школы и организационно-оформленные научные направления используют информационные ресурсы областных библиотек, архивов и музеев. Но только ресурсы библиотек общедоступны и, имея библиографическую часть, позволяют выявлять документы, опубликованные и/или неопубликованные на территории страны и за рубежом. В современных условиях, при наличии сервисов межбиблиотечного абонемена и электронной доставки документов, местонахождение документа не влияет на его доступность.

Среди информационных ресурсов исторической науки можно выделить следующие группы: опубликованные и неопубликованные первичные документы на любых носителях (книги, периодические издания, картографические, изоиздания, диссертации и т. д.); полнотекстовые базы данных; библиографическая продукция; справочно-библиографический (справочно-поисковый) аппарат библиотек, информационных центров и архивов, в том числе каталоги и библиографические картотеки (базы данных); фактографические базы данных; обзорно-аналитическая продукция (аналитические обзоры, прогнозы, рейтинги и т. д.); услуги, предлагаемые на информационном рынке.

В зависимости от масштаба формирования и использования различают совокупные мировые, национальные, региональные и локальные ресурсы (или ресурсы отдельных учреждений). С внедрением информационных технологий подобное разграничение становится все более условным. Практически все ресурсы присутствуют в научных библиотеках страны, доступ к которым обеспечен также через Интернет.

В частности, ценной представляется характеристика информационных ресурсов научных библиотек бывших губернских и современных областных городов, к каковым относится Тамбовская областная универсальная научная библиотека им. А.С. Пушкина (ТОУНБ). Такие библиотеки имели важные специфические возможности формирования своих фондов, разнообразных по типам изданий, количественным и качественным характеристикам, нередко уникальных не только в библиографическом, но и в историческом отношении.

Особую ценность представляет фонд книжных памятников и фонд редких и ценных изданий. Основную часть фонда составили книги из коллекций известных дворянских общественных и культурных деятелей второй половины XIX – начала XX в. Д.В. Поленова, Л.А. Воейкова, А.В. Вышеславцева, пожертвованные в разные годы Тамбову, а также книги из национализированных библиотек и частных собраний. В Тамбовской губернии имелось немало так называемых культурных усадеб с обширными библиотеками, значительная часть которых после 1917 г. поступила в губернский книжный фонд. В период формирования этого фонда в него вошли также книги различных губернских учреждений и учебных заведений. Поэтому в действующем фонде сектора редких изданий много книг не только с ярлыками тамбовских Публичной, Нарышкинской Особой библиотек, но и с печатями библиотек губернской гимназии, губернской земской управы, различных клубов и частных лиц. Среди них книги с экслибрисами П.С. Строганова (крупного общественного деятеля и мецената, владельца поместья Кдриан-Знаменское), П.П. Ланского (генерала, мужа Н.Н. Пушкиной, владельца части с. Арапова), В.А. Заринского (директора Тамбовского реального училища, члена правления Тамбовского общества народных чтений), А.Я. Тимофеева (известного тамбовского адвоката, члена IV Государственной Думы), Р.Н. Ивановой (начальницы частной женской гимназии) и многих других. Уже в советское время 1365 научных изданий передала библиотеке вдова уроженца Тамбова, профессора Московского историко-архивного института А.А. Новосельского, Н.А. Романовская.

В настоящее время в редком фонде насчитывается 15 017 ед. хр. Среди них общепризнанные редкости: первое печатное издание «Слова о полку Игореве» (1800), «История Российская» В.Н. Татищева (1768–1784), «Жизнь и деяния государя императора Петра Великого» (1788) Ф.О. Туманского. Большой редкостью являются книги петровского времени: «География или краткое земного круга описание» (1716), «Разсуждение о доказательствах к миру» (1720), «Книга Устав морской» (1720), «Правда воли монаршей» (1722). Это лишь незначительная часть петровских книг, которые хранились в библиотеке. В 1930-е гг. по невыясненным причинам почти весь ее антиквариат был продан в букинистических магазинах Москвы. Есть в фонде памятников и другие книги первой половины XVIII в. Большой редкостью является издание «Уложения царя Алексея Михайловича» 1737 г. с гравированным портретом работы Вортмана. Не менее редка книга «Торжество Академии Наук... сентября 6 дня 1749 года» и др.

Вторая половина XVIII в. представлена журналами, в т. ч. полным комплектом за все годы первого ежемесячного – «Ежемесячные сочинения к пользе и увеселению служащие» (1755–1764), изданиями Н.И. Новикова (полные комплекты «Древней Российской вивлиофики»: 1-е изд., 1773–1775; 2-е изд. – в 20 частях, 1788–1791), «Вечерняя заря» (1782), «Санкт-Петербургский вестник» (ч. 1–7, 1778–1781). Из книг, представляющих особый интерес для историков, имеются издания сочинений М.В. Ломоносова, Екатерины II, А.Н. Радищева («Житие Федора Васильевича Ушакова», «Беседа о том, что есть сын Отечества» – ст. в журн. «Беседующий гражданин»). Библиотека хранит первые отдельно изданные русские летописи, владельческие конволюты с текстами указов, договоров и конвенций, заключенных Россией с другими странами.

XIX в. представлен первыми изданиями и переводами на современный русский язык «Слова о полку Игореве»: 1803 (пер. И.В. Серяков), 1807 (А. Палицин), 1819 (Я. Пожарский), 1823 (И. Бланшард), 1823 (Н. Граматин), 1854 (Н. Гербель) и др. Прижизненные издания сочинений Державина, Карамзина, Жуковского, Рылеева, Пушкина, Боратынского, Крылова, Лермонтова, Тургенева являются не только памятниками историко-литературного характера, но и ценными источниками исторической информации от людей, так или иначе связанных с Тамбовской губернией. Непосредственно относятся к изучению истории книги ученых Востокова, Буслаева, Срезневского, Веселовского, Шахматова, С. и В. Соловьевых, Ключевского.

Помимо уже упоминавшихся в секторе редких книг сформированы коллекции книг Г.Р. Державина, председателя Тамбовской ученой архивной комиссии А.Н. Норцова, поэта и переводчика, князя А. П. Кугушева, тамбовского дворянского деятеля А.Д. Хвоцинского, а также серии: «Библиотека поэта», «Жизнь замечательных людей» связанного с Тамбовом издателя Ф. Павленкова; выделены в отдельный расетановочный ряд издания Общества любителей древней письменности (ОЛДП), в котором насчитывается более 120 названий в значительной части литографированных старинных рукописей. В сектор поступали и современные факсимильные издания древних манускриптов: «Сказание о Борисе и Глебе», «Остромирово Евангелие» (первая точно датированная древнерусская книга), «Изборник Святослава 1073 года», «Киевская Псалтырь», «Сказание о Мамаевом побоище» и др., в том числе подарок Министерства культуры – великолепное издание «Радзивилловской летописи». Данные издания сами являются объектами исторических исследований и одновременно источниками для получения информации по конкретному периоду.

Библиотека активно сотрудничает с Государственной публичной исторической библиотекой России и Российской государственной библиотекой, в том числе по вопросам комплектования фонда через обменно-резервные фонды федеральных библиотек. Именно данная работа позволила библиотеке получить часто недоступные в провинции материалы международных и всероссийских научно-практических конференций, научную периодику, монографии, репринтные, справочные издания.

Библиотека обладает мощным справочно-библиографическим аппаратом: это фонд справочных и библиографических изданий по истории, электронный каталог, база данных статей из периодических изданий, электронный каталог книг на иностранных языках, база данных «Тамбовский край» и др. Специального упоминания требует издание «Тамбовские памятные даты», которое содержит обширные данные исторического характера (знаменательные события, персоналии юбиляров – видных деятелей различных сфер жизни Тамбовского края, учреждений, предприятий, организаций, обществ и т. п.). Активно используется и база данных «Календарь знаменательных и памятных дат» на сайте библиотеки.

Благодаря справочно-библиографическому аппарату решается проблема рассеивания информации и в фонде библиотек, и в информационном пространстве страны и мира. Так, библиотека имеет в своем фонде библиографические издания ИНИОН, использует их базы данных, может осуществлять поиск по крупнейшим зарубежным ресурсам. Среди востребованных ресурсов – информационно-поисковая система «Справочные издания о населении и природе Тамбовского края 19–20 вв.» (Тамбов, 2010), созданная в рамках проекта, поддержанного Российским гуманитарным научным фондом.

В библиотеке успешно реализуется проект «Электронная библиотека Тамбовской области». В настоящее время размещено 2718 уникальных документов, изданных преимущественно до 1917 г. Большинство из них имеет краеведческий характер. Среди электронных копий – документы, находящиеся в фондах библиотек и архивов Тамбовской области: ТОУНБ, Государственного архива Тамбовской области, Тамбовской областной детской библиотеки, Мичуринской централизованной библиотечной системы и др. Оцифровка позволила ввести в оборот малодоступные документы: например, коллекции «Тамбовские епархиальные ведомости», «Известия Тамбовской Губернской Ученой Архивной Комиссии», Адрес-календари и Памятные книжки Тамбовской губернии, материалы Тамбовского губернского земства, документы Тамбовской городской думы, «Бюллетень Тамбовского губернского исполнительного комитета» и др. Для оцифровки отбираются документы, представляющие интерес для пользователей, используемые в научно-исследовательской и практической деятельности, но в традиционном виде ввиду состояния документов малодоступные.

Библиотека имеет доступ к электронным ресурсам: «Библиотеке диссертаций и авторефератов» Российской государственной библиотеки, базе данных статей из периодических изданий East View.

В структуре ТОУНБ функционирует Региональный центр доступа к ресурсам Президентской библиотеки им. Б.Н. Ельцина, которая располагает значительным фондом цифровых копий уникальных опубликованных изданий и архивных документов. Ее фонды доступны через сервисы Центра. Научно-исследовательская деятельность Президентской библиотеки сконцентрирована на таких направлениях, как государствоведение, источниковедение в области истории России, российского государства и права. Поэтому, сама являясь частью инфраструктуры исторической науки, накапливая уникальный фонд в электронном виде, Президентская библиотека одновременно предоставляет доступ и к результатам собственных исследований. Региональный центр сегодня – эффективный канал продвижения данных ресурсов, и сам предлагает уникальные сервисы (например, «Историческая диспетчерская»).

В ТОУНБ осуществляется проект «Создание интерактивного историко-культурного ресурса “Тамбовская помещичья усадьба: взгляд сквозь столетие”», поддержанная грантом Президента Российской Федерации для творческих проектов общенационального значения в области культуры и искусства в 2014 г. Целью проекта является создание, анализ и представление в Интернете научно обоснованного контента по существовавшим на территории Тамбовской области усадьбам. Предполагается разработка интерактивной карты, визуализирующей средствами ТИС пространственное расположение и информацию о тамбовских имениях (историческая справка, данные о владельцах, фотодокументы), создание виртуальной рекон-

струкции наиболее ценных из утраченных на сегодня поместий, целостная историко-культурная характеристика тамбовских усадебных комплексов. Первые результаты работ по проекту сотрудники библиотеки в 2015 г. представили на международной конференции «Компьютерные технологии и математические методы в исторических исследованиях», проходившей в Балтийском федеральном университете им. И. Канта (Калининград) под эгидой Российской Ассоциации «История и компьютер».

Специалистами ТОУНБ реализуется проект «Альбомы памяти» – архив фотографий 1930—1950-х гг. Партнеры проекта (26 библиотек области) собирают и вносят на сайт фотографии жителей своих населенных пунктов. На них отражены люди и события предвоенных и послевоенных лет, кадры, сделанные во время Второй мировой войны. Проект имеет огромную историческую ценность: накопленные фотоматериалы могут использоваться при изучении самых разных аспектов прошлого, особенно – социальной истории и истории повседневности.

В год 70-летия Великой Победы, в связи с многочисленными обращениями граждан и общественных организаций с просьбами о необходимости редактирования областных «Книги Памяти» и книги «Вернулись с Победой», ТОУНБ сформировала электронные издания, содержащие дополняющие и уточняющие сведения. «Книга Памяти» насчитывает 1766 записей, «Вернулись с Победой» – 3852 записи. Вместе с печатными книгами исследователь получает наиболее полную информацию краеведческого характера периода 1941–1945 гг.

В 2015 г. на Межрегиональных Тамбовских краеведческих чтениях «Теория и практика современных краеведческих исследований», проведенных совместно с кафедрой истории Института гуманитарных наук Балтийского федерального университета им. И. Канта, были рассмотрены вопросы о новых подходах в изучении выборов в III Государственную думу Российской империи, о выходах из германских государств в городах Тамбовской губернии в первой половине XIX в. и др. 70-летию Победы было посвящено заседание секции «Тамбовская область в годы Великой Отечественной войны», на которой с презентациями проекта «Книга Памяти, Вернулись с Победой: дополнения и изменения» и библиографического пособия «Вторая мировая война в исследованиях тамбовских ученых» выступили заведующая отделом краеведческой библиографии И.В. Стяблина и главный библиограф отдела Е.О. Околькова.

Подводя итоги, констатируем, что областная научная библиотека является базой исторических исследований в регионе, сама проводит подобные исследования, продвигает полученные результаты через научные коммуникационные каналы. К сожалению, имеющиеся ресурсы недостаточно востребованы региональным научным историческим сообществом. Отчасти это связано с такими объективными обстоятельствами, как сокращение числа историков (преподавателей вузов, аспирантов исторических кафедр) и переход ряда из них к исследованиям в смежных областях наук об обществе. Меньшая, чем прежде, посещаемость библиотеки историками в какой-то мере связана с использованием ими интернет-ресурсов, с трудоемкой обработкой обширных баз данных, которая производится не в библиотечных залах, а в специальных лабораториях. Но как раз работа по созданию и обработке электронных ресурсов могла бы объединить историков-исследователей и библиотечных специалистов по информационным ресурсам. В частности, в области сейчас обсуждается идея создания совместными усилиями электронной «Тамбовской энциклопедии».

Несомненно, комплекс рассмотренных информационных ресурсов Тамбовской областной научной библиотеки расширил доступ историков к хранящимся в ней литературе и (особенно) редким историческим источникам. Историки из других регионов теперь могут пользоваться материалами по истории Тамбовской губернии и области, отсутствующими в их, а нередко и в центральных библиотеках, в архивах Липецкой и Воронежской областей (они входили в состав Тамбовской губернии). Деятельность ТОУНБ по обеспечению историков-исследователей и краеведов, представителей смежных областей знаний электронной информацией

в последние 5–7 лет приобрела системный характер и стала приоритетным направлением работы, что отражается в стратегическом планировании развития библиотеки. Особо важным мы считаем участие ее сотрудников и читателей – профессиональных историков в создании таких ресурсов.

Библиография

Воронцова Е.А. Информационное обеспечение исторической науки: к постановке проблемы // 150 лет на службе науки и просвещения: сборник материалов Юбилейной международной научной конференции, Москва, 5–6 декабря 2013 г. / Гос. публ. Ист. б-ка России. М., 2014. С. 363–372.

Вторая мировая война в исследованиях тамбовских ученых: научно-вспомогательное библиографическое пособие / Тамбов, обл. универе, науч. б-ка им. А.С. Пушкина. Тамбов, 2015. 1 CD. № гос. регистрации 0321601043.

Житин Р.М. Промышленность Тамбовской губернии в конце 19 – начале 20 века: научно-популярное издание / Тамбов, обл. универе, науч. б-ка им. А.С. Пушкина. Тамбов, 2015. 1 CD. № гос. регистрации 0321601039.

Житин Р.М. Отраслевая и региональная специфика промышленного предпринимательства Центрального Черноземья в начале XX в. / Науч. ред. Л.Н. Патрина. Тамбов, 2015. 1CD. № гос. регистрации 0321601039.

Житин Р.М., Патрина Л.Н. Технологии трехмерного моделирования и пространственный анализ в изучении хозяйственного комплекса крупных имений на микроуровне (на материалах Ново-Покровского имения семьи Орловых-Давыдовых) // Информационный бюллетень Ассоциации «История и компьютер». Калининград, 2015. № 44: Компьютерные технологии и математические методы в исторических исследованиях. С. 15–17.

Справочные издания о населении и природе Тамбовской области 19–20 вв.: информационно-поисковая система / Л.А. Пронина, В.В. Канищев, Н.Е. Копытова, Н.В. Шаталова, А. Евстегнеев. Тамбов, 2010. 1 CD. № гос. регистрации 0321002472.

Библиотека как необходимое условие исследовательской деятельности ученого: концепция Д.Б. Рязанова в контексте исследований феномена институтов социальной памяти

**Library as a prerequisite for scientific research: concept of D.B. Ryazanov in the context
of studies of the phenomenon of social memory institutions**

УДК 02+002+ 930

Н.Ю. Соколова,

N.Yu. Sokolova

Аннотация: в статье предложена Д.Б. Рязановым концепция научного кабинета как «лаборатории ученого» историка и марксоведа рассматривается в контексте феномена институтов социальной памяти, в частности триады «библиотека – архив – музей». Показана ее востребованность в информационно-библиотечном обеспечении социально-гуманитарных наук, в том числе истории, на современном этапе.

Abstract: in his article D.B. Ryazanov proposed a concept of scientific office as a «laboratory of a scientist» – a historian and a specialist in Marxism in the context of phenomenon of social memory research institutes, in particular, the triad «library-archive – museum». He has shown its relevance in information-library software of social sciences and humanities, including history, at the present stage.

Ключевые слова: историческая наука, библиотековедение, Д.Б. Рязанов, Библиотека Коммунистической академии, «лаборатория ученого», социально-историческая преемственность, институты социальной памяти, информационно-библиотечное обеспечение, социальные науки, гуманитарные науки.

Keywords: historical science, librarianship, D.B. Ryazanov, Library of Communist Academy, «laboratory of a scientist», socio-historical continuity, social memory institutions, information and library software, social sciences, humanities.

Феномен социальной памяти изучают различные социальные и гуманитарные науки. В частности, в библиотековедении его рассматривают во взаимосвязи с проблемами социальных коммуникаций и библиотечно-информационной деятельности. Угол рассмотрения понятия «социальной памяти» у каждой науки свой, потому и само понятие трактуется по-разному. Так, А.В. Соколов трактует социальную память как «движение воплощенных в знаковой форме смыслов в социальном времени» [Соколов, 2014]. В социологии она трактуется как совокупность социокультурных средств и институтов, осуществляющих отбор и преобразование актуальной социальной информации в информацию о прошлом (ретроспективную) с целью сохранения накопленного общественного опыта и передачи его от поколения к поколению [Социологический словарь].

Под институтами социальной памяти специалисты понимают прежде всего учреждения науки, культуры и образования, выполняющие в обществе функции кумуляции и трансляции социального опыта следующим поколениям: научно-исследовательские институты, научно-информационные центры, библиотеки, архивы, музеи, вузы, школы [Дворкина, 2009]. Устоявшегося мнения, какие социальные институты следует рассматривать в качестве институтов социальной памяти, пока не сложилось. Чаще всего к ним причисляют триаду «библиотека – архив – музей», поскольку именно они в первую очередь выполняют в обществе названные

выше функции кумуляции и трансляции социального опыта [Институты социальной памяти, 2014]. Специалисты называют библиотеки долговременной памятью культуры как универсального явления [Дворкина, 2009]. Наряду с музеями и архивами при посредстве документального фонда они транслируют информацию о культуре, ее образцы из поколения в поколение.

Традиционно считается, что научная библиотека является вспомогательным учреждением по отношению к научно-исследовательскому, обслуживает его. В целом эта точка зрения справедлива. Тем не менее в истории конкретных библиотек можно обнаружить периоды более сложного соотношения научно-исследовательской и библиотечной деятельности.

Осуществленный в России в октябре 1917 г. «колоссальный общественный эксперимент» [Покровский, 1922] поставил перед новым руководством трудную задачу поисков путей развития. Уже в конце XIX – начале XX в., когда марксизм был еще не «единственно верным», но одним из многих общественно-политических течений в палитре западноевропейской социал-демократической традиции [Волк, 1989], марксисты столкнулись с трудностью, а порою и невозможностью определить содержание текущих процессов, опираясь на теории вчерашнего дня.

В первое 10-летие советской власти был создан ряд исследовательских институтов для изучения и развития марксистской теории, комплектования документальных источников, а также для решения широкого круга прикладных задач в сфере социалистического строительства. Одним из них стала образованная в 1918 г. Социалистическая академия общественных наук (САОН) (с 1924 г. Коммунистическая академия, КА). Первоначально основатели Академии, среди которых были видные ученые-марксисты М.Н. Покровский и М.А. Рейснер, видели в ней «автономную организацию» научных работников, содействовавшую «исследованиям и разработкам вопросов истории, теории и практики социализма». Она должна была выполнять не менее важные учебно-просветительские функции и играть важную роль в формировании социалистической интеллигенции. В.И. Лениным перед ней была поставлена задача перевода на русский язык «классической материалистической вообще и марксистской в частности литературы» [Покровский, 1928].

В первый период существования КАуделила большое внимание формированию научной библиотеки для решения научных и учебных задач. Специфика исследований КА в области теории и истории марксизма, политической экономии требовала особого подхода к комплектованию ее фондов. В этой связи особый интерес для Академии представляли не только библиотеки ликвидированных после Октябрьской революции обществ и учреждений (Практической академии коммерческих наук – ок. 27 000 биб. ед.; Катковского лицея – ок. 10 000; Московского биржевого комитета – 30 000; Литературно-художественного кружка – 10 000 биб. ед. [90 лет служения науке, 2009]), но и личные библиотеки ученых и общественных деятелей: обладавшая особой ценностью библиотека знавшего К- Маркса адвоката, юриста, общественного деятеля В.И. Танеева (около 20 000 томов); одного из основателей КА, правоведа, социолога, историка М.А. Рейснера (около 3000 биб. ед.) и востоковеда М.П. Павловича (Вельтмана) (около 100 биб. ед.) [Удальцов А., 1922].

В апреле 1919 г. изменился Устав КА: ее учебные функции были сужены, а исследовательские расширены. На базе накопленных к тому времени книжных фондов Академия смогла развить научную деятельность: она «из аудиторий, наполненных школьными скамьями, превращается в ряд научно-исследовательских кабинетов, наполненных специально подобранным книжным материалом».

Идея научного кабинета как «лаборатории ученого» была предложена академиком Академии Д.Б. Рязановым и одобрена ее Общим собранием 2 ноября 1919 г. [Удальцов А., 1922]. Кабинеты должны были объединять исследователей и их исследовательский инструментарий – архивные документы и печатные издания. В планах работы ряда из них предусматривалась систематическая роспись журнальных и газетных статей, а также составление сводных катало-

гов архивных материалов по той или иной проблеме. Исследователи наделялись правом свободного доступа к источникам. Такая организационная структура должна была способствовать, по мнению Рязанова, комплексному развитию наук обществоведческого профиля в Советской России, и марксизма в частности, в его неразрывной связи с европейской традицией общественной научной мысли.

По всей вероятности, идею научного кабинета Рязанов «привез» из заграничных поездок (в годы эмиграции он много работал в библиотеках Западной Европы). Сама организационная форма научного кабинета не была нова, новым было придававшееся содержанию работы кабинетов значение. Для Рязанова марксизм никогда не был догмой – он видел в нем живое развивавшееся движение общественной мысли, научная библиотека для него – единый организм с наукой и архивом, где все дышит в едином ритме, питает друг друга и развивается вместе. В таком подходе, как представляется, отражено и отношение Рязанова к марксоловедению, которому он посвятил жизнь [Рокитянский, 2011].

К началу 1920 г. были созданы научно-исследовательские кабинеты, имевшие специально подобранный книжный фонд: К- Маркса; Истории социализма и анархизма на Западе; Политической экономии; Философии; Международных отношений; Истории Англии, Франции и Германии. Эти кабинеты с их фондами впоследствии стали организационной базой для основанного в 1921 г. Д.Б. Рязановым Института К. Маркса и Ф. Энгельса. В 1922 г. начали работу новые научные кабинеты: истории революционного движения в России (рук. М.Н. Покровский и А.С. Бубнов); II и III Интернационала (рук. Ф.Я. Кон); экономики (рук. В.П. Милютин), Кабинет мировой войны и внешней политики (рук. Ф.Д. Ротштейн, М.П. Павлович); идеологии (рук. Е.А. Преображенский, В.В. Осинский); литературы и искусства (рук. В.М. Фриче); Рабочий кабинет (рук. С.А. Лозовский). В них могли работать не только члены КА, но и ее научные сотрудники. Доступ к книжным фондам имели студенты и члены научных кружков [Козлов, Савина, 2009].

Поступившие на тот момент в КА книжные коллекции послужили основой для отраслевых фондов кабинетов. Например, коллекция М.П. Павловича (Вельтмана), куда входили книги по вопросам международных отношений и «мировой войны 1914–1917 гг.» преимущественно на иностранных языках, стала системообразующей для Кабинета мировой войны и внешней политики, а часть книг из библиотеки Катковского лицея отошла Кабинету политической экономии. Отраслевые фонды формировались согласно планам научной работы кабинетов. Стратегия их комплектования у Д.Б. Рязанова отличалась сильным личностным аспектом. По воспоминаниям современников, он любил «собственноручно ощупать каждую книгу», требовал от руководителей научных кабинетов досконального знания своего предмета, понимания факта необходимости той или иной книги для фонда [Дворкина, 2011].

В кабинетах литература расставлялась по системам, выработанным руководителями в соответствии с поставленными научными задачами. Научные планы по комплектованию зачастую являлись своеобразными «перспективными планами» развития не только самой Библиотеки, но научного направления в целом. Академия, по замыслу Рязанова, должна была развиваться как комплексная организация, основополагающие звенья которой – отраслевые «кабинеты-лаборатории» – по мере развития будут отпочковываться в самостоятельные институты. Все учреждения должны сочетать научную, издательскую работу и деятельность по формированию архивной и библиотечной базы. Научный поиск становился при этом естественным результатом документальной работы в соответствии с профилем учреждения [Колпинский, 2000].

С 1921 г. Д.Б. Рязанов сосредоточил все внимание и силы на организованном им Институте К. Маркса и Ф. Энгельса (ИМЭ), первоначально действовавшем в структуре КА, а в 1922 г. ставшем самостоятельным. В своем детище он в полной мере реализовал замысел научного

кабинета как «лаборатории ученого». Здесь научные кабинеты просуществовали до 1931 г., вплоть до слияния ИМЭ с Институтом В.И. Ленина.

Библиотека КА далее развивалась без его участия. В 1923 г. ее возглавила крупный специалист в области библиотечного дела Г.К. Дерман. Она получила библиотечное образование в США и некоторое время работала в Библиотеке Конгресса. Свой американский опыт она применила в руководстве Библиотекой КА, творчески переосмыслив его. Отраслевой принцип, воплощенный Д.Б. Рязановым в кабинетной системе, был сохранен, но существенно видоизменился. Применительно к научным учреждениям он выразился в формировании Секций Академии, позднее преобразованных в институты. Отраслевая организационная структура сохранялась и в Фундаментальной библиотеке общественных наук АН СССР – преемнице Библиотеки КА [90 лет служения науке, 2009].

«Человек всегда действует по имеющимся у него образцам, являясь актуальным или потенциальным участником огромного количества эстафет. И именно это определяет постоянное воспроизводство социального целого, воспроизводство языка и речи, форм социального поведения и практической деятельности» [Розов, 2006. С. 47]. С середины XX в. все более важную роль в развитии мировой науки играют возможности, связанные с использованием новых информационных технологий. В последние десятилетия XX в. в России также началось активное формирование современной информационной среды, что привело к существенному обновлению и отечественного гуманитарного знания. В процессе научного познания ныне функционируют виртуальные сообщества, которые преодолевают географические и межкультурные границы, востребованы различными группами ученых, остро ощущающими потребность в расширении информационного поля для совместного научного творчества [Тищенко и др., 2013; Уварова, 2011]. Благодаря новым информационным технологиям расширился репертуар исследовательских методов. Конкретную научную дисциплину стало возможным рассматривать не только с точки зрения привычных историко-научных жанров (биографо-библиографических очерков ученых, истории исследовательских центров и др.), а как совокупность информационных ресурсов, создаваемых и используемых научным сообществом, или информационное пространство, в котором происходят успешное взаимодействие и «взаимообогащение» наук, что приводит к появлению новых дисциплин [Уварова, 2011].

В этой связи идея «творческой лаборатории ученого» получила новый импульс, реализуясь уже в виртуальном пространстве [Журавлева Е.Ю., 2010]. Одно из важных направлений применения сетевых технологий в науке – организация виртуальных исследовательских лабораторий или информационных порталов для обмена ресурсами. Такие проекты могут быть аналогом традиционного академического коллектива, но чаще всего это – сервисно-ориентированные объединения, включающие электронные архив, каталог, библиотеку, обзор ресурсов Интернета по отраслевым проблемам и др. [Там же]. Примером такого портала – ресурс Ассоциации «История и компьютер» (<http://aik-sng.ru>) – одной из старейших профессиональных ассоциаций в области гуманитарных наук на постсоветском пространстве (учреждена в 1992 г.).

Отечественные библиотеки также стали осваивать сервисно-ориентированные технологии, давая возможность пользователю (ученому, преподавателю, студенту) организовывать свой рабочий кабинет не только в стенах конкретной библиотеки [Брежнева, Гиляревский, 2014]. В 2015 г. в Архиве РАН состоялась презентация веб-портала «Mnemosyne» (<http://arpan.ru/?q=ru>), который строится на концепции объединения интернет-ресурсов институтов памяти (библиотек, архивов и музеев) и реализуется на основе информационной системы «Архивы РАН» (ИСАРАН; головная организация проекта – Архив РАН). Количество подразделов и наполнение портала может расширяться за счет инициатив участников, его информационная система позволяет представлять широкий спектр сведений – от цифр государственного учета документальных собраний до публикации полнотекстовых электронных документов

в структуре полей метаданных. Профильные разделы знакомят пользователя с деятельностью музеев и библиотек, презентациями их выставок и описаниями коллекций, с новыми и старыми экспозициями по истории РАН и фундаментальной науки. Музеи имеют дополнительную возможность популяризировать свой предметный фонд через «Виртуальный музей истории РАН».

Таким образом, происходящее подтверждает правоту М.А. Розова: «Мы смотрим в Прошлом из Настоящего, и это означает изменение контекста его существования. Социальный “генофонд” потенциально бесконечен, ибо, черпая из него, мы тем самым его обогащаем» [Розов, 2006. С. 49].

Библиография

90 лет служения науке: к 90-летию Фундаментальной библиотеки общественных наук и 40-летию Института научной информации по общественным наукам РАН: Сб. ст. / Рос. акад. наук, Ин-т науч. информ. по обществ. наукам; редкол.: Ю.С. Пивоваров (предс.) и др.; сост. Ю.Ю. Черный, Н.Ю. Соколова, Л.В. Юрченкова. М., 2009. 296 с.

Брежнева В.В., Гиляревский Р.С. От информационного обслуживания к информационному менеджменту: Текст докл. на 20-м заседании семинара «Методологические проблемы наук об информации». Москва: ИНИОН РАН, 20 ноября 2014 г.: [Электрон. документ]. Режим доступа: http://inion.ru/files/File/MPNI_20_Brezhneva_V_V_Giliarevsky_R_S_D_oklad.pdf

Волк С.С. К вопросу о факторах, детерминирующих историю марксизма // Марксистская мысль в первой половине XX века / Ин-т марксизма-ленинизма при ЦК КПСС. Сектор истории марксизма-ленинизма; ред. кол.: Леонов С.Л. (отв. ред.) и др. М., 1989. С. 44–45.

Дворкина М.Д. Судьба личной библиотеки Д.Б. Рязанова // Известный и неизвестный Давид Борисович Рязанов (1870–1938): к 140-летию со дня рождения: Мат. науч. конф. Первые Рязановские чтения / Отв. ред. Цветкова И.Б., Новиченко И.Ю. М., 2011. С. 203–230.

Дворкина М.Я. Библиотечно-информационная деятельность: теоретические основы и особенности развития в традиционной и электронной среде. М.: Изд-во ФАИР, 2009. 256 с. (Спец. издат. проект для библиотек).

Журавлева Е.Ю. Научно-исследовательская инфраструктура Интернет // Вопросы философии. 2010. № 8. [Электронный ресурс]. URL: http://vphil.ru/index.php?option=com_content&task=view&id=192&Itemid=52

Институты социальной памяти (библиотеки, архивы, музеи): Секция XV Международной науч. конф. «Модернизация России: ключевые проблемы и решения» (Москва: ИНИОН РАН, 18–19 декабря 2014 г.): [Электронный ресурс]. URL: <http://inion.ru/conf.Russia-2014.isp>

Козлов Б.И., Савина Г.А. Коммунистическая академия ЦИК СССР: краткий очерк истории // Коммунистическая академия ЦИК СССР (1918–1936 гг.): Мат. к социал. истории: Сб. ст. Вып. II. М., 2009. С. 4–45.

Колпинский Н.Ю. Д.Б. Рязанов – ученый, организатор науки, общественный деятель // Д.Б. Рязанов – ученый, государственный и общественный деятель: Сб. / Рос. независимый ин-т социал. и над. пробл., Рос. гос. архив социал. – полит. истории; ред-кол. К.М. Андерсон и др. М., 2000. С. 11–19.

Память социальная // Социологический словарь: [Электронный ресурс]. URL: <http://enc-dic.com/sociology/Pamjat-Socialnaja-6588>.

Покровский М.Н. 10 лет Коммунистической академии: Вступительное слово М.Н. Покровского на юбилейном заседании пленума Коммунистической академии 25 мая 1928 г. [Отдельн. оттиск]. Б.м., [1928]. 20 с.

Покровский М.Н. Общественные науки в России за четыре года // Наука в Советской России. М., 1922. № 2. С. 3–19.

Розов М.А. Теория социальных эстафет и проблемы эпистемологии / Федерал, агентство по образованию. Смоленский гос. пед. ун-т. Смоленск, 2006. 438 с.

Рокитянский Я.Г. Политическая деятельность академика Д.Б. Рязанова // Известный и неизвестный Давид Борисович Рязанов (1870–1938): к 140-летию со дня рождения. Мат. науч. конф. Первые Рязановские чтения / Отв. ред. Цветкова И.Б., Новиченко И.Ю. М., 2011. С. 9–72.

Соколов А.В. Социальная память // Соколов А.В. Социальные коммуникации: учеб. для бакалавров, обучающихся по направлению подготовки 071900.62 «Библиотечно-информационная деятельность» / Науч. ред. Г.В. Михеева. Глава 3. СПб.: Профессия, 2014. С. 133–182.

Тищенко В.И., Жукова Т.И., Смирнова Н.С. Исследование процессов коммуникации в академическом научном сообществе // Социальные сети и виртуальные сетевые сообщества: Сб. науч. тр. / РАН. ИНИОН; отв. ред. Верченков Л.Н. и др. М., 2013. С. 272–289.

Уварова Т.Б. Информационный фактор в развитии российской этнологии / РАН. ИНИОН. Центр социальных науч. – информ. исслед. Отдел истории; отв. ред. Тишков. А. М., 2011. 320 с.

Удальцов А. Очерк истории Социалистической Академии 1918–1922 гг. // Вестник Коммунистической академии. М.; Петроград. 1922. № 1, ноябрь. С. 13–37.

Реорганизация военно-библиотечного дела и проблемы информационного обеспечения исторической науки

Reorganization of military librarianship and issues of historical science information support

УДК 026:355

С.Н. Лютов,

S.N. Lyutov

Аннотация: современное состояние военных библиотек в России характеризуется затянувшимся процессом их реорганизации. Насущными для них проблемами с точки зрения информационного обеспечения исторической науки являются ограничения доступа исследователей к фондам большинства из них и отсутствие центральной военно-научной библиотеки. В поиске путей и способов разрешения этих проблем закономерно обратиться к историческому опыту развития военно-библиотечного дела в России и изучению современной организации крупнейших военных библиотек мира.

Abstract: modern status of Russian military libraries is characterized by prolonged process of reorganization. From the point of view of historical science information support: there are some persistent problems, such as access restrictions for researches to collections of most part of military libraries and lack of Central military science library. Searching ways and methods of resolving these problems it's natural to draw attention to historical experience of Russian military librarianship and to study of organization of biggest military libraries in the world.

Ключевые слова: историческая наука, библиотековедение, военные библиотеки, военно-историческая наука, история военно-библиотечного дела, информационное обеспечение

Keywords: historical science, library science, military libraries, military-historical science, military librarianship history, information support.

Ведомственная принадлежность военных библиотек обуславливает не только особенности их деятельности, но и трудности включения в общую систему информационного обеспечения науки. Традиционно сложилось так, что функции таких библиотек определялись эволюцией военного дела и задачами развития военной науки. Их деятельность предполагала, в первую очередь, удовлетворение образовательных и культурно-досуговых потребностей особой категории читателей, чья жизнь и служба во все времена отличались определенной корпоративной замкнутостью. При этом нельзя не заметить одну из особенностей: в то время как библиотека была для военнослужащих одним из способов преодоления этой замкнутости и расширения культурного кругозора, доступ других лиц к фондам военных книгохранилищ, особенно находящимся на территории воинских частей и учреждений, всегда был ограничен. Вместе с тем есть немало примеров, когда волей прогрессивно мыслящих военачальников степень ограничений значительно снижалась, и исследователи, проявившие интерес к военной истории, получали возможность работать в военных библиотеках.

Наиболее показательным и поучительным периодом в истории военно-библиотечного дела является вторая половина XIX в., когда инициативные начинания офицеров по созданию библиотек получили поддержку военного ведомства, а укомплектованность фондов столичных военных библиотек стала привлекать внимание лиц, занимающихся научными трудами и интересующихся историей военного дела. Военный министр Д.А. Милютин, под руководством которого осуществлялись военные реформы 1860—1870-х гг., хорошо осознавал роль книги

и библиотеки в информационном обеспечении военной науки, получившей новый импульс в условиях масштабных военных преобразований, принял ряд мер по развитию военно-издательской деятельности и совершенствованию работы военных библиотек [Лютов, 2003. С. 107–108]. Предметом его особого внимания была библиотека Главного штаба, где к тому времени хранилось 40 760 сочинений, составляющих 90 793 тома на русском, французском, немецком, английском, латинском, итальянском, испанском, шведском, голландском, турецком, еврейском и на всех славянских языках. По численности фондов она уступала лишь Императорской публичной библиотеке, но превосходила библиотеку Академии наук (около 75 000 томов) и библиотеку морского ведомства (около 50 000 томов) [Лютов, Панченко, 2007. С. 77].

С целью превращения библиотеки Главного штаба из закрытого ведомственного книгохранилища в доступную библиотеку решением Д.А. Милютина был изменен порядок ее работы и 13 ноября 1874 г. утверждены новые правила пользования книгами. С 1 января 1875 г. возможность пользоваться богатейшими собраниями библиотеки получили «все военнослужащие офицерского звания и лица, занимающиеся учеными трудами». С особого разрешения руководства Главного штаба доступ в библиотеку получили даже юнкера и вольноопределяющиеся [Военный сборник, 1875. С. 166]. К сожалению, установленный порядок был нарушен пожаром, случившимся в здании Главного штаба в феврале 1900 г. и нанесшим невосполнимый урон библиотеке. После пожара в течение 10 лет она ликвидировала его последствия и пребывала во временных помещениях. Лишь к 1911 г. ее привели в порядок в отремонтированном помещении и с некоторыми ограничениями предоставили в общее пользование.

В истории других военных библиотек (окружных, гарнизонных, полковых) также есть немало интересных примеров, когда они становились культурными центрами, притягивавшими к себе интеллигенцию провинциальных населенных пунктов и применительно к местным условиям организовывавшими взаимодействие с другими библиотеками. В целом история военно-библиотечного дела второй половины XIX в. свидетельствует, что в России сложилась отвечающая условиям того времени сеть военных библиотек разных типов и система управления ими. В советский период их деятельность была существенным образом преобразована и встроена в систему идеологической работы.

Современное состояние военно-библиотечного дела демонстрирует результаты его бессистемной реорганизации, начавшейся в 1990-е гг. Как отмечено в «Стратегии социального развития Вооруженных сил РФ на период до 2020 г.», оказываемые библиотеками культурно-досуговые и информационные услуги не отвечают возрастающим информационным потребностям военнослужащих. Если же говорить о роли военных библиотек в информационном обеспечении исторической науки, то проблема предстает значительно сложнее.

В понятие «информационное обеспечение исторической науки» специалисты вкладывают представления о деятельности по поиску, сбору, обработке, накоплению и хранению, распространению и использованию репрезентативной и достоверной информации, необходимой для решения исследовательских задач в области изучения истории, а также сама такая информация, определенным образом структурированная (организованная) и представленная в удобном для исследователя виде [Воронцова, Гарскова, 2013. С. 488]. Нет необходимости пояснять, что информацию военно-исторического характера, отвечающую изложенным представлениям, должны предоставлять военные библиотеки, архивы, музеи. Каждый из названных институтов хранения военно-исторической памяти выполняет свои функции. Библиотекам отведена роль хранения и предоставления пользователям информации военно-исторического содержания, последовательно аккумулированной в рукописных и печатных изданиях.

Если в качестве ключевых критериев приведенного выше определения выделить доступность информации, ее структурированность и удобство пользования, то становятся более очевидными векторы модернизации военных библиотек с целью вывода их на уровень современных требований. Нацеленность военного ведомства на совершенствование военно-

библиотечного дела усматривается в создании специального отдела в Управлении культуры Минобороны РФ, курирующего деятельность военных библиотек. Основные направления деятельности обозначены в докладах и публикациях начальника отдела Т.Л. Маниловой и сводятся к укреплению связей и организации системного взаимодействия между библиотеками Вооруженных сил РФ, созданию единого электронного каталога и единой электронной библиотеки, поиску оптимальных путей включения военных библиотек в общенациональное пространство России и организации сотрудничества с гражданскими библиотеками [Манилова, 2016. С. 42–43].

Реализация данных направлений деятельности актуализирует проблему центральной военной библиотеки, доступной для широкого круга исследователей. Таковой библиотекой в России до 1918 г. была библиотека Главного штаба. Она обслуживала не только офицеров высших органов военного управления, но и других лиц, занимавшихся научной деятельностью, что по тому времени вполне отвечало удовлетворению потребностей в структурированной информации военно-исторического характера. После революционных потрясений 1917 г. не удалось сохранить целостность фонда этой библиотеки и доступность исследователей к ее книжным сокровищам. В 1918 г. библиотека перешла в ведение Петроградского военного округа под названием «Библиотека аудитории военного дела при Петроградском окружном комиссариате по военным делам». Часть ее фондов была перевезена в Москву. В 1921 г. инициатива командующего Петроградским военным округом Д. Д. Аврова по созданию «Центральной библиотеки военных знаний» не получила поддержки, но разрозненность фондов и отсутствие системной методической работы в области военно-библиотечного дела и военной библиографии диктовали необходимость решения данной проблемы. Лишь в марте 1929 г. согласно договору между Народным комиссариатом по военным и морским делам и Всесоюзной публичной библиотекой им. В.И. Ленина «в целях концентрации в одном месте военно-книжных фондов и наилучшего их использования для научной работы» был организован военный сектор, позднее переименованный в военный отдел Государственной библиотеки СССР им. В.И. Ленина [ЦАМО. Ф. 32. Оп. 11302. Д. 120. Л. 532–532 об.], задачей которого являлось «обслуживание военной литературой и военной библиографией Центральных правительственных и партийных органов, Народного комиссариата обороны СССР и его центральных управлений, военно-научных работников, начсостава Красной Армии и всех лиц и учреждений, работающих над военными проблемами» [ЦАМО. Ф. 32. Оп. 11302. Д. 211. Л. 234]. Договор был заключен на 10 лет, и срок его действия истек в 1939 г. С того времени, как свидетельствуют архивные документы, военный отдел находился в бесправном состоянии, работа его носила кустарный характер, он был не в состоянии выполнять функции научно-библиотечного и военно-библиографического центра Красной Армии [ЦАМО. Ф. 32. Оп. 11302. Д. 120. Л. 527], что вновь выдвигало на повестку дня вопрос о создании центральной военной библиотеки.

Примечательно, что этот вопрос рассматривался в трудные годы Великой Отечественной войны. Одним из инициаторов реорганизации военного отдела Государственной библиотеки СССР им. В.И. Ленина в Центральную военно-научную библиотеку был начальник этого отдела батальонный комиссар В. Олишев. Осенью 1942 г. в письме начальнику отдела культпросвет-учреждений Главного политуправления РККА он излагал мотивы ее создания, отмечая, что «Красная Армия, стоящая на пороге своего двадцатипятилетия, все еще не имеет своей центральной военно-научной библиотеки, которая являлась бы библиотечным и библиографическим центром работы с военной книгой» [ЦАМО. Ф. 32. Оп. 11302. Д. 96. Л. 140]. Здесь же он аргументировал, что военный отдел, не имея самостоятельности и необходимой материальной базы, «не выполняет возложенных на него в 1929 г. задач центральной военной библиотеки» [ЦАМО. Ф. 32. Оп. 11302. Д. 96. Л. 141]. Надо полагать, что приведенные В. Олишевым аргументы возымели определенное воздействие, поскольку сохранились документы 1942–1943 гг., среди которых проект Положения о центральной военно-научной библиотеке

Красной Армии, проект ее штата (130 единиц, в том числе 16 военнослужащих), справка о размерах необходимой площади (2000–2500 кв. м), а также письмо на имя начальника Главного политуправления Красной Армии А.С. Щербакова с обоснованием необходимости создания Центральной военно-научной библиотеки «на базе объединения книжных фондов и штатов военного отдела Государственной библиотеки им. В.И. Ленина и библиотеки Центрального дома Красной Армии им. М.В. Фрунзе с привлечением неиспользуемых дуплетных книжных фондов крупных военных библиотек» [ЦАМО. Ф. 32. Оп. 11302. Д. 120. Л. 527–527 об.]. Разместить библиотеку предполагалось на базе ЦЦКА им. Фрунзе. К сожалению, на все документы накладывалась резолюция «В дело», и проект не был реализован.

Нельзя не отметить, что аргументы тех лет остаются актуальными до настоящего времени, поскольку «военные науки являются у нас чуть ли не единственной отраслью знаний, не имеющей своей центральной библиотеки» [ЦАМО. Ф. 32. Оп. 11302. Д. 96. Л. 140]. Современная ситуация еще более усугубилась: руководство Министерства обороны и Российской государственной библиотеки не достигли взаимопонимания в вопросах, связанных с финансированием и содержанием военного отдела, и данное подразделение в структуре РГБ прекратило существование. Фонд отдела остался в библиотеке, он доступен для читателей в общем порядке, но специализированного подразделения, выполняющего функции военно-библиографического и научно-методического центра, в российских Вооруженных силах пока нет. В сохранившейся сети военных библиотек есть библиотеки, которые при определенной модернизации могут выполнять функции такого центра. Это, к примеру, Центральная военноморская библиотека – единственная из военных библиотек, имеющая статус «центральной», или Военно-историческая библиотека, унаследовавшая остатки фондов библиотеки Главного штаба и располагающаяся в том же помещении на Дворцовой площади в Санкт-Петербурге. Обе имеют уникальные фонды и богатейшие традиции, но уровень современных требований в плане информационного обеспечения исторической науки (полнота информации, ее структурированность, доступность и удобство предоставления информационных услуг) пока превышает их возможности и нет уверенности в том, что средства, выделяемые на то, чтобы поднять одну из библиотек до уровня центральной, будут оправданы.

Каждая из военных библиотек нуждается в модернизации, но в процессе реорганизации существующей сети закономерно возникает вопрос о создании принципиально новой структуры, организованной на новых технологических подходах, отвечающей современным требованиям и перспективным задачам формирования информационного общества. Такой структурой может стать, к примеру, Библиотечно-информационный центр Вооруженных сил РФ, тяготеющий не к обладанию той или иной уникальной коллекцией книг, а интегрирующий все библиотечно-информационные ресурсы военных библиотек путем создания единого электронного каталога, единой электронной библиотеки и способный в перспективе приумножить свои информационные ресурсы оцифрованными документами военных архивов и военных музеев.

Библиография

Центральный архив Министерства обороны Российской Федерации (ЦАМО). Ф. 32. Оп. 11302.

Воронцова Е.А., Гарскова И.М. Информационное обеспечение российской исторической науки в информационном обществе: современное состояние и перспективы // Исторический журнал: научные исследования № 5 (17) 2013. С. 488–501. DOI: 10.7256/2222-1972.2013.5.9811.

Лютное С.И. Военные библиотеки сквозь призму исторического опыта // Библиотековедение. 2003. № 2. С. 106–110.

Лютые С.И., Панченко А.М. Военные библиотеки в России (XIX – начало XX века). Новосибирск: ГПНТБ СО РАН, 2007. 304 с.

Манилова Т.Л. На пути к системному взаимодействию // Библиотечное дело № 07–08 (265–266) 2016. С. 42–43.

По поводу открытия библиотеки Главного штаба // Военный сборник. 1875. № 2. С. 161–169.

Стратегия социального развития Вооруженных сил Российской Федерации на период до 2020 года // Красная звезда. 18 апреля. 2008 г.

Информационное обеспечение истории педагогики: к постановке проблемы

Information support for history of pedagogy: problem statement

УДК 378.147.111

А.Л. Третьяков,

A.L. Tretyakov

Аннотация: в статье предпринята попытка рассмотреть проблему информационного обеспечения истории педагогики как части исторической науки. Выявлены информационные потребности специалистов данной области. Дана оценка системы информационно-библиотечного обеспечения учителей во 2-й половине XX в. и на современном этапе, а также роли библиотек как информационных ресурсов. На примере библиографического указателя ученого и педагога Т.С. Комаровой описано одно из возможных решений вопроса.

Abstract: in this article the author attempts to address the issue of information support of history of education as a part of historical science. Information needs of specialists in this field are identified. There is given an estimation of system of informational and library services for teachers in the 2nd half of XXth century and at the present stage, as well as of the role of libraries as information resources. Through the example of a biobibliographical index of a scientist and educator T.S. Komarova there is described one of possible solutions of the problem.

Ключевые слова: историческая наука, история педагогики, образовательный процесс, информация, информационное общество, информационное обеспечение, информационная потребность, информационные технологии, ресурс, библиотеки, библиографический указатель ученого-педагога.

Keywords: historical science, history of pedagogy, education process, information, information society, information support, information need, information technologies, resource, libraries, biobibliographical index of scholar and educator.

Современному обществу присуще проникновение информационных технологий во все сферы жизни, что характеризует его как информационное общество (общество знаний), о котором в профессиональной среде идут споры, выдвигаются разные гипотезы. Его построение сопровождается ростом объемов информации, что влечет за собой усиление информационного шума и увеличение вариаций запросов по той или иной проблеме. В связи с этим является актуальным рассмотрение в существующих условиях информационного обеспечения исторической науки, в частности истории педагогики, при посредстве библиотек и информационных центров.

История педагогики как часть педагогической науки: фиксирует историю выявления и решения проблем воспитания и обучения в теории и практике образования; выступает критерием достоверности педагогических теорий и ориентиром в создании новых педагогических систем; репрезентирует пути развития образования и процесс накопления педагогического «багажа»; раскрывает процесс возникновения и изменения образовательных традиций; прослеживает взаимосвязи и влияние педагогических идей, концепций, теорий, систем в разные исторические эпохи. Объектом истории педагогики является всемирный историко-педагогический процесс, рассматриваемый в единстве теории и практики воспитания, обучения и образования. Иными словами, в истории педагогики педагогические явления прошлого анализируют

ются в тесной взаимосвязи с генезисом культуры, науки, общественной мысли; на этой основе выявляются тенденции развития этих явлений в будущем.

Будучи в культурном и историческом плане масштабным явлением, всемирный историко-педагогический процесс выступает объектом рассмотрения многих наук, что и определяет межпредметные связи истории педагогики и образования. Ее взаимосвязь с другими научными дисциплинами (философией, историей, культурологией, психологией, теорией обучения и воспитания) характеризуется тем, что содержание этой науки включает как исторические, так и обществоведческие знания, а также частные методики. Философия разрабатывает систему общих принципов и способов познания, поэтому для истории педагогики и образования она является теоретической основой осмысления педагогических явлений и теорий прошлого. Историческая наука рассматривает широкий круг педагогических и социально-культурных явлений прошлого в процессе их развития. В свою очередь, история педагогики предполагает ретроспективное изучение современного состояния системы образования, соотнесение его с социальным развитием, философской и научной мыслью прошлых эпох. Культурология изучает педагогику и образование как часть процесса развития общечеловеческой культуры. В историко-педагогических исследованиях анализируются механизмы сохранения и приумножения культуры через образование и воспитание в разные периоды. Социологии педагогика интересна как фактор развития социальных институтов. В исторической ретроспективе важно познание причинно-следственных связей между образованием и обществом, осознание влияния общества на образование и понимание того, что социальные изменения во многом являются следствием существующей системы образования. Педагогика включает историко-педагогические знания как необходимую составляющую анализа проблем воспитания, обучения и образования, а история педагогики формулирует знания об истории теории и практики воспитания и обучения, о деятельности их создателей – выдающихся педагогов-новаторов.

«Предметом истории педагогики выступает сложный процесс становления и развития педагогической теории и практики образования в различные исторические периоды, в условиях различных цивилизаций, стран и культур. Исходя из данного определения предмета науки в структуре историко-педагогических знаний можно выделить две основные предметные зоны: исследование теории и практики. Каждая из этих зон как область исследования обладает относительной самостоятельностью, но в своей сущности они едины, поскольку педагогика представляет собой одну из форм духовного и практического освоения мира, а педагогическая практика (от политики государства в области образования до образовательной деятельности семьи, школы и др.) является источником и сферой реализации педагогических идей. Синтез знаний, полученных в каждой из этих предметных зон, позволяет воссоздать целостную картину историко-педагогического процесса и раскрыть закономерности его развития» [Мазалова, 2004. С. 55].

Исходя из установки о неразрывной связи истории педагогики с исторической наукой, мы сделали предметом своего внимания информационное обеспечение педагогической науки и анализ информационных потребностей учителей.

Повышение требований к компетентностям современного учителя (и молодого, недавно получившего профессиональное образование, и учителя со стажем, достаточно давно прошедшего повышение квалификации или переподготовку) требует пересмотра существующей системы его информационно-библиотечного обеспечения. Вопрос стоит остро, так как эта система давно не удовлетворяет профессиональные информационные потребности и практически не участвует в пополнении их «человеческого капитала» [Старовойтова, 2015. С. 153]. При всей озабоченности современного общества предоставлением качественных образовательных услуг молодым гражданам России до настоящего времени почти никто не проявил внимания к систематическому развитию такого «капитала» и уровню информационного «богатства» учителей, иными словами – к информационно-педагогическому и информационно-библио-

течному обеспечению их деятельности. Между тем чрезвычайно важно, обеспечив учителей необходимыми ресурсами, поддерживать высокий уровень их информационной грамотности и информированности, приобщать к возможностям медиаобразования, стимулировать их к непрерывному образованию, в том числе неформальному, на базе библиотек.

Уровень информированности учителей напрямую связан с организацией системы распространения педагогической информации. Подобная система существовала в СССР, но перестала функционировать после его распада. Зажидлась она на рекомендательной библиографии, которая только начала возрождаться после крушения в конце 1990-х гг. В середине – конце XX в. в сети российских педагогических научно-исследовательских институтов (НИИ) действовала система избирательного распространения информации (ИРИ) – оперативного доведения до различных категорий пользователей научно-педагогической информации (НИИ). Система НИИ, координировавшаяся отраслевым центром научной информации «Школа и педагогика» (создан в 1974 г.), охватывала российские педагогические библиотеки, информационные подразделения педагогических НИИ и др.

С середины XX в. в стране существовала разветвленная система библиотечного обеспечения учителей. Практически каждый регион имел специализированную научную педагогическую библиотеку. Все они вместе составляли сеть Научной педагогической библиотеки им. К.Д. Ушинского Российской академии образования. В 1970—1980-е гг. школьные библиотеки имели постоянно обновлявшиеся специализированные разделы фондов для учителей. По данным исследования «Советский читатель» (1969–1971; проводилось Государственной библиотекой им. В.И. Ленина), информационно-библиографические запросы учителей в то время были разнообразны; картина профессионального чтения свидетельствовала о глубине информационных потребностей.

В 1990—2000-х гг. в условиях социально-экономического кризиса и кризиса школьного образования произошел распад системы педагогической информации. Общедоступные и школьные библиотеки испытывали значительные сложности с финансированием и комплектованием, большая часть областных педагогических библиотек перестала существовать, школьные библиотеки значительно сократили подписку журналов для учителей и почти совсем перестали приобретать для них профессиональную литературу. Эти обстоятельства привели к информационному обнищанию учителей, к сокращению их информационных потребностей, которое совпало с развитием двух общемировых тенденций: с динамичным ростом документального потока и информатизацией всех сфер жизни, в том числе школьного образования.

Исследования, проведенные в 2007–2012 гг. Фондом поддержки образования (Санкт-Петербург), выявили произошедшие за 30 лет существенные и не слишком положительные изменения. Уменьшилось число обращений к научной литературе; увеличилась доля запросов на конкретные «рецепты деятельности», повысилась потребность в дайджестах, обзорах и фрагментах документов. Учитель теперь ищет в документальном потоке не педагогические идеи и разработки, а конкретные образы и рекомендации. Интерес к зарубежному опыту (в частности, к опыту стран, которые традиционно высоко стоят в списках участников PISA – Международной программы по оценке образовательных достижений учащихся) тоже ограничивается поиском конкретных указаний, а не описанием системы, которая позволяет добиться высоких результатов.

При проведении мониторинга исследователи обнаружили, что математическая грамотность российских подростков связана с размером города или села, где они живут (результаты учеников из городов-миллионников на 60 баллов выше, чем из сел и деревень; в других странах это различие в два раза меньше: оно составляет только 34 балла), и с социально-экономическим положением их семей (результаты учащихся из семей с низким достатком и социальным статусом оказались значительно ниже, чем у детей из семей со средним и высоким социальным уровнем). По мнению научного руководителя Центра оценки качества НИУ ВШЭ, президента

Евразийской ассоциации оценки качества образования В.И. Болотова, это связано с тем, что уровень образования населения в больших городах выше, чем в сельской местности, а образование родителей влияет на школьные успехи детей: «Хорошо известна корреляция: если у папы и мамы есть высшее образование, то у их ребенка гораздо выше шансы хорошо сдать тест, чем в том случае, если папа и мама не имеют высшего образования». Вторую причину он видит в разной насыщенности социокультурной среды, неравной доступности образовательных ресурсов для школьников: «Понятно, что в городе образовательных ресурсов больше, чем в сельской местности. И тут Интернет вполне может помочь сельским школьникам не терять позиций по сравнению с городскими школьниками. Необходим насыщенный образовательный интернет-ресурс, который доступен всем» [PISA-2012, 2012].

В связи с этим изменилась картина свободного чтения учителей, которое характеризует их не только профессиональное, но и личностное развитие. В его структуре стало меньше отечественной современной литературы, поэзии, драматургии. Свелось к минимуму чтение публицистики и научно-популярной литературы. В числе наиболее читаемых авторов оказались Т. Устинова, Д. Донцова, Д. Рубина и Л. Улицкая. Учителя перестали выполнять функции «лидеров чтения» для учащихся, выпали из их референтной группы (по данным упомянутого выше исследования «Советский читатель», учителя входили в первую десятку представителей «наиболее читающих профессий»),

В настоящее время основными элементами системы обеспечения учителей научно-педагогической информацией являются: Научно-педагогическая библиотека им. КД. Ушинского и Институт научной информации по общественным наукам РАН; электронные ресурсы (в первую очередь, «Педагогический Интернет», сформировавшийся на базе научного электронного педагогического журнала «Письма в эмиссию off-line»); профильные журналы («Педагогическая информация», «Педагогический мир», «Начальная школа», «Новое образование», «Человек и образование», «Народное образование» и др.), в том числе электронные. К сожалению, периодические издания дороги для индивидуальной подписки, а школьные и районные библиотеки их тоже не выписывают. По данным А.А. Ахаяна, образовательные педагогические ресурсы используются в целом не более чем на 15 %, а в крупных городах – на 7–8 %; использование интернет-ресурсов в небольших городах, поселках и селах в среднем не превышает 10 % [Ахаян, 2009; Третьяков, 2014. С. 120].

При анализе информационного обеспечения истории педагогики в русле исторической науки мы опираемся на следующее определение: «...информационное обеспечение исторической науки – это деятельность по поиску, сбору, обработке, накоплению и хранению, распространению и использованию репрезентативной и достоверной информации, необходимой для решения исследовательских задач в области изучения истории, а также сама такая информация, определенным образом структурированная (организованная) и представленная в удобном для исследователя виде» [Воронцова, 2013. С. 488; Воронцова, 2014. С. 365].

Чтобы найти возможные пути решения проблемы информационного обеспечения истории педагогики, нами были проанализированы информационные потребности педагогов и выявлено, что на сегодняшний день специалистам в данной области интересны: авторские методики обучения, воспитания школьников; вопросы профессиональной ориентации; дистанционное образование; досуговая деятельность учащихся; Единый государственный экзамен; исследовательская деятельность школьников; компьютеризация образовательного процесса; коррекционная деятельность в специальных классах; межпредметные связи; одаренные дети; педагогические технологии; здоровьесберегающие технологии; управление образовательным учреждением; Федеральный государственный стандарт общего образования; теория и практика дошкольного воспитания и начального образования.

Одним из способов информационного обеспечения в области истории педагогики могут стать библиографические указатели типа библиографического указателя видного теоретика

и практика дошкольного и школьного образования Тамары Семеновны Комаровой (род. 1931 г.), подготовленного нами в серии «Ученые-педагоги», потребность в которой у профессионального сообщества достаточно высока [Третьяков, 2015. С. 89]. В нем нашли отражение результаты ее научной, педагогической, редакторской и составительской деятельности, опубликованные за 1959–2014 гг., – сгруппированные по тематико-хронологическому принципу библиографические описания около 500 документов на русском и других языках [Третьяков, 2015. С. 3]. Инициатива его создания была обусловлена информационным запросом педагогического сообщества и приурочена к юбилею ученого. Работу облегчало наличие указателей: именного; публикаций на разных языках мира; статей и монографий, в которых Т.С. Комарова была ответственным редактором; монографий, сборников, тезисов докладов, журналов, в которых опубликованы ее научные труды. В наш указатель включены: список диссертантов (кандидаты и доктора наук) за весь период защит (1975–2015); алфавитный именной указатель (с указанием номеров публикаций). Даны также: общее количество трудов Т.С. Комаровой по годам публикаций (1959–2014); количество статей всех авторов, представленных в указателе, который в итоге представляет целостную картину профессиональной педагогической деятельности.

В заключение отметим важную роль библиотек и информационных центров как посредников между потребителями информации и информационными ресурсами в связи с большими объемами «нефильтрованной» информации. Считаем, что в области информационного обеспечения истории педагогики, удовлетворения информационных потребностей специалистов в числе прочего улучшить положение дел могут библиографические указатели и базы данных ученых-педагогов, полно и цельно представляющие информацию об их деятельности.

Библиография

Ахаян А.А. К вопросу о технологии подготовки специалистов в области образования: информационно-образовательная среда педагогической магистратуры [Электронный ресурс] // Письма в Эмиссия. Оффлайн. ART 1362, 2009. URL: <http://www.emissia.org/offline/2009/1362.htm>, свободный. Дата обращения: 05.05.2016.

Бородкин Л.И. Сетевые структуры гуманитарной информатики: технологии ehumanities // Гуманитарная информатика. 2009. Вып. 5. С. 25–26.

Ванеев А.Н. Библиотекведение в России конца XX века: учеб, пособие. СПб.: Профессия, 2007. 248 с.

Ванеев А.Н. История библиотечного дела и библиотековедения: сб. ст. СПб.: РНБ, 2012. 308 с.

Воронцова Е.А. Информационное обеспечение исторической науки: к постановке проблемы // 150 лет на службе науки и просвещения: сб. матер, юбилейн. Междунар. науч. конф., Москва, 5–6 дек. 2013 г. / Гос. публ. ист. б-ка России. М., 2014. С. 363–372.

Воронцова Е.А., Гарскова И.М. Информационное обеспечение российской исторической науки в информационном обществе: современное состояние и перспективы // Исторический журнал: научные исследования. 2013. № 5(17). С. 487–505. DOI: 10.7256/2222-1972.2013.5.9811

Лукина Н.П. Образ науки информационного общества [Электронный ресурс]: опыт философской рефлексии // Гуманитарная информатика. 2007. Вып. 4. URL: huminf.tsu.ru/journal, свободный. Дата обращения: 01.03.2016.

Мазалова М.А., Уракова Т.В. История педагогики и образования. М.: Пед. о-во России, 2004. 450 с.

Старовойтова О.Р., Третьяков А.Л. База данных «Ученые-педагоги» – новая информационная потребность школьных библиотекарей и учителей // Актуальні питання доку-

ментознавства та інформаційної діяльності: теорії та інновації: зб. Матеріалів I Міжнар. наук. – практ. конф., Одеса, 19–20 березня 2015 р. / під заг. ред. В. Г. Спрінсяна [Электронный ресурс]. Одеса, 2015. С. 152–156. URL: <http://www.adverta.com.ua/texts/Aktualni-pytannya-dokumentoznavstva-ta-informatsiynoyi-diyalnosti-teoriyita-innovatsiyi.pdf>, свободный. Загл. с экрана.

Третьяков А.Л. Библиографический указатель как отражение эффективности научной деятельности ученого: на примере указателя работ педагога Т.С. Комаровой // Новая наука: современное состояние и пути развития: матер, междунар. науч. – практ. конф. (9 дек. 2015 г., г. Стерлитамак): в 3 ч. Ч. 2. Стерлитамак, 2015. С. 88–91.

Третьяков А.Л. Информационное обеспечение деятельности школьного учителя // Наука и образование: инновации, интеграция и развитие: матер, междунар. науч. – практ. конф. (Уфа, 29–30 апр. 2014 г.): в 2 ч. Ч. 1. Уфа, 2014. С. 118–125.

Третьяков А.Л. Тамара Семеновна Комарова: библиограф. указ, трудов с 1959 по 2014 г. / Науч. ред. Т.С. Комарова. Ярославль; М.: Канцлер, 2015. 116 с. (Ученые-педагоги. Научно-педагогические труды Т.С. Комаровой).

PISA-2012 [Электронный ресурс]: Российские школьники улучшили показатели грамотности. URL: http://ria.ru/sn_edu/20131203/981498065.html свободный. Дата обращения: 01.05.2016.

Библиотечное собрание как информационный ресурс исторической науки

Личные книжные собрания в исследовательской деятельности отечественных историков XX в.: традиции и современность

Personal Book Collections in Research Activities of Russian Historians of the XX c.: Traditions and Present

УДК 930

Л.А. Сидорова,

L.A. Sidorova

Аннотация: статья посвящена изучению личных библиотек российских историков XX в. как важнейшего атрибута научно-исследовательской деятельности. В ней раскрывается мотивация историков при формировании своих книжных собраний, особенности их составления, хранения и использования. Отмечено развитие данной традиции в условиях новых информационных возможностей.

Abstract: the article is devoted to the study of personal libraries of Russian historians of the twentieth century as the most important attribute of research activities. It reveals the motivation of historians in the formation of their book collections, particularly their preparation, storage and use. It noted the development of this tradition in the context of new information opportunities.

Ключевые слова: историческая наука, библиотековедение, отечественные историки XX в., С.Ф. Платонов, А.Е. Пресняков, С.Б. Веселовский, М.В. Нечкина, личные библиотеки, научная повседневность, новые информационные возможности.

Keywords: historical science, librarianship, Russian historians of the twentieth century, S.F. Platonov, A.E. Presnyakov, S.B. Veselovsky, M.V. Nechkina, personal libraries, science daily, new information capabilities.

Существенные изменения, произошедшие на рубеже XX–XXI вв. в сфере хранения и распространения информации, в том числе и по гуманитарным дисциплинам, поставили в повестку дня создание электронных каталогов библиотек, оцифровку книг и документов. Все это, вместе взятое, способствует облегчению доступа исследователя к имеющимся научным собраниям. Однако новые информационные возможности не умаляют пиетета к книге, традиционного для сообщества российских историков.

Характеризуя собирательный облик историков XX в., нельзя не заметить, что большинство из них, а тем более их самые яркие представители – книжники, знатоки литературы, как исторической, так и общегуманитарной и художественной. Первенствующая роль, которую играли книги в жизни и профессиональной деятельности историков, ставила перед ними задачу составления собственных библиотек. Конечно, их количественный и качественный состав существенно разнился в зависимости от личных предпочтений историков, их материальных и бытовых возможностей. Такие частные собрания складывались на протяжении мно-

гих лет, требуя значительных усилий, внимания, и конечно же их формирование было сопряжено со значительными расходами.

Дневники, письма, воспоминания российских историков характеризуют своих создателей как подлинных библиофилов, знатоков, ценителей и собирателей книг. В этих документах отчетливо проявляется профессиональная мотивация в деле создания личных библиотек, отражен процесс их складывания и пополнения, показаны возникавшие при этом препоны, искушения и трудности.

Александр Евгеньевич Пресняков, один из ведущих русских историков и впоследствии советских историков «старой школы», являлся истинным знатоком и ценителем книг. Его становление как историка-профессионала было неотделимо от собирания рабочей научной библиотеки. На избранной стезе первостепенное место он отводил личному книжному собранию. Будучи студентом историко-филологического факультета Петербургского университета, А.Е. Пресняков регулярно писал матери и в своих посланиях подробно рассказывал об учебе, жизни в столице и, очень часто, о книгах, что читал и которые находил и приобретал для собственной библиотеки.

Книжный вопрос занимал его постоянно и был для него одновременно источником и радости, и переживаний. «Зарвался я немного с книгами, это нехорошо, но что делать! Горбатого могила исправит. Больше не буду. Но ведь это насущная потребность. А в этом году я хоть и много купил, но в оправдание скажу – купил с большим выбором, вещи классические. Быть историком и не знать великих своей специальности неудобно» [Александр Евгеньевич Пресняков, 2005. С. 138], – писал студент Пресняков своей матери 11 апреля 1894 г.

В письме четко отразилось восприятие начинающим историком наличия собственной библиотеки как необходимого и неременного элемента профессионального становления и роста. Также выявлен главный принцип ее комплектования, основанный на оценке научной значимости купленных изданий.

Приведенный фрагмент письма недвусмысленно дает понять, что библиофильский пыл А.Е. Преснякова вызывал справедливые опасения у его матери, обеспокоенной возможными осложнениями с бюджетом сына, иногда превышавшим выделявшиеся семьей средства. Именно с этим связано наличие оправдательных ноток, явственно прозвучавших в строках молодого человека.

Проблема финансов была не в меньшей степени актуальна, чем вопросы отбора книг и размещения личных библиотек. Дневниковые записи и переписка русских историков пестрят упоминаниями о денежных затруднениях, вызванных приобретением научной литературы.

Действительно, поход на знаменитый книжный развал у Сухаревой башни был реальной угрозой для семейного бюджета: приехавший в июне 1883 г. в Москву из Петербурга Сергей Федорович Платонов сетовал, что он там книг «не покупал, а по лавкам не ходил. Рукописи – все раскольничьи служебные и стоят “синенькую”, “красенькую” (бытовавшее название денежных купюр достоинством 5 и 10 руб. – Л.С.) – словом, приступу нет» [Академик С.Ф. Платонов, 2003. С. 12].

О таких же проблемах, но, в силу возраста, гораздо меньшего масштаба, писала в своем дневнике 16-летняя гимназистка Милица Нечкина. Проявившая к тому времени неподдельный интерес к истории, прежде всего к законам ее движения, и социологии, будущий академик М.В. Нечкина 26 мая 1915 г. сетовала на невозможность приобретения нужных ей книг. Она рассказала, как манили и дразнили ее воображение прилавки с книгами в Казани, где жила и училась в то время. «Каждый раз, проходя по Воскресенской, останавливаюсь перед витринами книжных магазинов и представляю, что все выставленные книги принадлежат мне, – поверяла М.В. Нечкина свою мечту дневнику и продолжала: – Я испытываю прямо наслаждение, представляя это. Не смейтесь! Ведь это единственный выход для того, кто не имеет денег покупать книги» [«И мучилась, и работала невероятно», 2013. С. 71]. В тот описанный ею день ее осо-

бенное внимание привлекла книга «Историология. Теория исторического процесса», опубликованная в том же 1915 г. Н.И. Кареевым (в дневнике она ошибочно назвала его «проф. Карповым»). «На этой книге стоит внушительное для меня 1 р. 50 коп., я вздыхаю и прохожу мимо», – подводила она неутешительный итог [Там же].

Любопытно, что в дальнейшем М.В. Нечкина возвратилась к этой дневниковой записи. На полях после слов «прохожу мимо» Милица Васильевна приписала карандашом: «И прекрасно» [Там же]. Сделанное добавление пояснение весьма симптоматично. Оно показывает, во-первых, ее отношение к концепции, предложенной Н.И. Кареевым, и то, что ожидания, связанные с содержанием его труда, после знакомства с ним не оправдались. Во-вторых, в нем отразился принцип научной утилитарности, разделявшийся многими историками и предполагавший наполнение домашней библиотеки по преимуществу книгами, к которым предполагалось обращаться неоднократно.

Возвращаясь к денежному фактору формирования историками своих частных книжных коллекций, следует отметить его вневременной характер. И в конце XIX в., и в начале XX в., и в его советский период он оставался для большинства историков значимым. Так, подытоживая впечатления о событиях прошедшей недели, за 23–29 октября 1927 г., историк-марксист С.А. Пионтковский рассказал о своих поисках книг в московских букинистических лавках. Они часто оказывались для него удачными, но всегда весьма затратными. «Дерет с меня за книги невероятно, правда, дает экземпляры хорошей сохранности» [Дневник историка С.А. Пионтковского, 2009. С. 92], – описывал он свои взаимоотношения с одним из букинистов.

Однако историки находили способы разрешать возникавшие проблемы. В дореволюционной практике бывали случаи, что научную литературу, цены на которую были весьма значительны, брали в кредит, постепенно возмещая ее стоимость книгопродавцу.

Об одном из таких эпизодов сообщал А.Е. Пресняков, рассказывавший о покупке с рассрочкой фундаментального двухтомного труда (в четырех книгах) В.С. Иконникова «Опыт русской историографии». Эта книга на некоторое время оставила его, «благодаря библиомании», как он сам характеризовал свою увлеченность созданием личной библиотеки, на безденежье: за нее он остался должен 10 руб. [Александр Евгеньевич Пресняков, 2005. С. 55]. Отчитываясь перед родителями в превышении трат из выделявшегося ему бюджета, он в оправдание приводил слова своего учителя, С.Ф. Платонова, назвавшего эту книгу «не только необходимой, но просто неизбежной» [Там же].

Как только финансовая сторона дела улучшилась, пополнение личной библиотеки было продолжено А.Е. Пресняковым с неменьшим энтузиазмом. Получив впервые (как оставленный при Петербургском университете для подготовки магистерской диссертации) одновременно 300 руб., он в письме к матери так говорил о своих намерениях в отношении этих денег: «Я их, по всей вероятности, с вашего разрешения, ухлопаю на книги, потому что на те 100 р. удалось приобрести весьма незначительную часть того, что нужно. Это дьявольски дорогая вещь, особенно иностранные книги и издания!» [Там же. С. 119].

Такие «неизбежные» издания составляли ядро домашних собраний историков. Их приобретение имело ключевую важность для исследователей, так как в своей работе они к ним неоднократно обращались. Одной из таких книг для историков русского феодализма стало, например, «Сошное письмо» Степана Борисовича Веселовского, изданное в Москве в 1915 и в 1916 гг. в двух томах.

Сразу же по выходе первого тома С.Ф. Платонов чрезвычайно высоко оценил это фундаментальное исследование. В своем дневнике в записи от 3 февраля 1915 г. автор «Сошного письма» передал весьма лестный для него отзыв своего петербургского коллеги. В нем было сказано, что «у нас в Петрограде “молодежь” обзавелась Вашей книгой и смотрит на выход ее как на событие». С.Ф. Платонов отнес монографию С.Б. Веселовского к разряду трудов, на многие годы входящих в научный обиход историков. По его мнению, «такую книгу надо

не прочесть один раз, чтобы составить себе определенное мнение, а *изучить* (курсив мой. – Л.С.)» [Дневники С.Б. Веселовского, 2000. С. 91]. Естественно, наличие подобных монографических исследований в собственных библиотеках было продиктовано профессиональной целесообразностью.

Библиофильский азарт и необходимость соразмерять его с финансовыми возможностями побуждали историков к поиску наиболее выгодных условий покупки книг. Они обменивались такими сведениями между собой. Так, Георгий Васильевич Форстен, профессор Петербургского университета, основоположник российской школы скандинавских исследований, вокруг которого сложился широкий неформальный кружок студенческой молодежи, рекомендовал своим младшим коллегам и ученикам получать иностранные книги через Петербургский университет. Там существовала практика продавать книги «по печатной цене, с 15 % скидки и без цензуры», притом «с правом платить, когда вздумается, в течение года (т. е. сводить счета к каждому январю)». «Это удобно, соблазнительно и прековарно» [Александр Евгеньевич Пресняков, 2005. С. 124], – оценил и прокомментировал эти предпочтения А.Е. Пресняков и, однако, не преминул ими воспользоваться.

Однако был и бесплатный вариант пополнения личных библиотек. Речь идет, конечно, о дарении книг, что было и остается одной из добрых традиций сообщества российских историков. «Я свою книжку многим роздал и разослал чуть ли не 60 штук. Всем университетским, товарищам, начальству Публичной библиотеки, etc.» [Там же. С. 101], – писал А.Е. Пресняков после выхода в свет его первого научного исследования «*Царственная книга*, ее состав и происхождение». Эта работа молодого историка была отмечена золотой медалью и опубликована в Ученых записках Петербургского университета [Чирков, 2001. С. 485]. Автор получил 300 экземпляров в виде отдельной книжечки в 52 страницы. Часть из них он пустил в продажу, отдав книгоиздателям, не гонясь за выгодой: «Корят меня, что очень уж дешево. Да не все ли равно» [Александр Евгеньевич Пресняков. С. 101]. Другие экземпляры с гордостью и удовлетворением раздаривал, одновременно подтрунивая над владевшими им чувствами, сравнивая себя с персонажем гоголевского «Ревизора»: «Пусть знают, что есть на свете Петр Иванович Бобчинский» [Там же].

Дарение книг в ряде случаев выступало как элемент воспитания молодого поколения историков, включения их в корпоративную культуру, что, в свою очередь, лишний раз стимулировало последних к собиранию собственных библиотек. Михаил Михайлович Богословский, непревзойденный знаток эпохи Петра Великого, 13 сентября 1915 г. в своем дневнике сообщал о визите к нему домой оставленных для приготовления к профессорскому званию выпускников Московского университета А.А. Новосельского и И.Ф. Рыбакова. «Пробеседовал час и подарил им свою книгу и оттиски статей» [Богословский, 2011. С. 77], – записал он в тот день о встрече с магистрантами.

Такие беседы выполняли важнейшую функцию по сохранению и передаче научных традиций в сообществе русских историков. Попутно заметим, что они проходили, как правило, в кабинете ученого, среди собранных им книг и рукописей, сама обстановка которого располагала к исследовательской деятельности.

А.Я. Гуревич вспоминал, как в годы учебы в МГУ в середине 1940-х гг. ему, как и некоторым другим его сотоварищам, посчастливилось бывать в доме А.И. Неусыхина, одного из авторитетнейших советских медиевистов. Александр Иосифович, писал он, «педагог [...] был великолепный, возился с нашим семинаром, с каждым из нас, у нас проходили регулярные встречи». Если на занятиях в университете А.И. Неусыхин не успевал обсудить поставленные вопросы полностью, он не отказывал студентам в возможности продолжить беседу, перенеся ее во внеурочное время. «Вечером, – рассказывал А.Я. Гуревич, – конечно, предварительно договорившись, разрешалось прийти к нему домой, на Малую Бронную, в его малюсенький кабинет, заполненный книгами и рукописями, – когда-то это была комната для прислуги». В

кабинете стояли всего «стол и два стула – один для А.И., другой для посетителя». Однако теснота этой «профессорской кельи» не препятствовала возникновению долгих и плодотворных научных бесед. Напротив, она как бы концентрировала внимание на научных вопросах, отсекая все лишнее. «Тут, имея в руках текст источника в оригинале, подробно обсуждали работу, представленную студентом, – вспоминал А.Я. Гуревич о своих встречах с учителем, обстоятельных и неторопливых. – Обсуждали часами, столько, сколько А.И. считал нужным для того, чтобы все прояснить и объяснить» [Гуревич, 2004. С. 22].

Книжные собрания были, как правило, самыми ценными долями из всего нажитого многими историками имущества. С.Ф. Платонов, ходатайствуя перед графом С.Д. Шереметевым, председателем Археографической комиссии и членом Государственного совета, о материальной помощи видному историку и историографу, профессору Киевского университета В.С. Иконникову, писал: «До меня дошли слухи о болезни глаз у Владимира Степановича. Он должен оставить кое-какие работы и будет стеснен в средствах (!). По скромности он ничего просить не будет; но мечтает, что казна купит его библиотеку (которую он ценит, говорят, в 30.000) и оставит ее ему в пользование до кончины. Нельзя ли, граф, помочь ему? Это ведь подвижник. Никто не заслуживает более внимания с высоты престола среди всех наших ученых» [Академик С.Ф. Платонов, 2003. С. 155].

Через несколько дней С.Ф. Платонов повторно обратился к С.Д. Шереметеву, не оставляя попытки изыскать способ поддержать коллегу по историческому цеху. «В деле В.С. Иконникова словесный путь – единственно возможный», – полагал С.Ф. Платонов, надеясь на то, что граф «решил просить прямо монарха». Сам же он испрашивал разрешения Шереметева рассказать «об обстоятельствах и нуждах Владимира Степановича» председателю Русского исторического общества великому князю Николаю Михайловичу, имея в виду возможность помощи и с этой стороны, но, однако, не слишком рассчитывая, что было бы «поступлено “по-Екатеринински”» [Там же. С. 156–157]. Платонов имел в виду факт покупки императрицей Екатериной II библиотеки знаменитого французского писателя и энциклопедиста Д. Дидро. После продажи библиотека продолжала оставаться в доме своего бывшего владельца вплоть до его смерти, а сам Дидро был назначен библиотекарем и хранителем книжного собрания, получая за это ежемесячное вознаграждение.

Этот план, как и предвидел С.Ф. Платонов, поддержки не нашел. Однако решение В.С. Иконникова сделать свою библиотеку общественным достоянием было твердым и неизменным. В 1918 г. он передал ее в дар Публичной библиотеке Академии наук УССР, в которой это книжное собрание составило отдельный фонд. К тому времени библиотека историка насчитывала 20 тыс. книг и 3 тыс. брошюр [Киреева, 1975. С. 200].

В отношении историков к своим книжным собраниям соображения практического свойства нередко уступали стремлению сохранить их для следующих поколений исследователей. В одном из писем жене А.Е. Пресняков писал: «Если у нас несколько детей будет, я непременно составлю завещание о библиотеке, потому что это наследство духовное, а не материальное. Лучше жертвовать ее целиком на сторону, чем трепать ее как “наследство”» [Александр Евгеньевич Пресняков, 2005. С. 424].

В дар библиотекам и научным учреждениям были переданы личные коллекции многих отечественных историков. Библиотека академика М.В. Тихомирова подарена академическому центру в Новосибирске, книжное собрание историка русского феодализма Н.В. Устюгова также стало общественным достоянием. Научный кабинет Института российской истории РАН, например, пополнился книгами, в свое время принадлежавшими М.С. Волину, М.В. Нечкиной, Ю.А. Полякову и др.

Формирование личных библиотек не могли остановить даже чрезвычайные обстоятельства. В трудной, полной лишений, более чем скудной обстановке начала 1920-х гг. С.Б. Веселовский, первый раз за постреволюционные годы получив одновременно значительную сумму

денег (13,5 млн руб. жалования в Московском университете за апрель 1922 г. и 75 млн руб. из Комиссии по улучшению быта ученых), тут же приобрел «госиздатовских книг по истории революции» на 4 950 000 руб. В списке расходов историка они заняли место наравне с таким жизненно необходимым продуктом, как ржаная мука, пуд которой был куплен за 5 млн руб. [Дневники С.Б. Веселовского, 2000. С. 70–71].

Книжные собрания требовали много места, зачастую заметно тесня другие вещи в комнатах историков. В бытность студентом А.Е.Пресняков сообщал в письме к матери, что нового у него только то, что он «разорился на шкаф». «За 30 руб. купил большой (1 аршин % ширины и 10 вершков глубины!) и очень хороший ореховый шкаф» [Александр Евгеньевич Пресняков, 2005. С. 44], куда намеревался поставить все прибывающие книги.

Через два года он опять рассказывал о своих стараниях уместить накопленные книжные богатства в объемах имевшейся у него мебели. По всей вероятности, емкости «большого орехового шкафа» были исчерпаны и книги, расцененные им как ненужные, заняли комод, вытеснив из него белье в какой-то небольшой шкафчик. «Ох уж эти книги. Я просто подавлен ими» [Там же. С. 144], – повторял А.Е. Пресняков слова, говоренные в таких случаях всеми историками-библиофилами, испытывая, впрочем, как и остальные, скорее гордость и удовлетворение от своей растущей библиотеки.

Вопрос о том, куда же поставить новые пополнения для домашних собраний, не терял остроты и много десятилетий спустя. Разве что в условиях тотального советского дефицита приобретение книжных шкафов сопровождалось еще и дополнительными трудностями. Академик М.В. Нечкина дала подробное описание перипетий затеянных ею усовершенствований и разборки домашней книжной коллекции, снабдив его огромным количеством восклицательных знаков. «6 октября 1978 г. Куплена... кабинетная стенка “Сокол” – просто чудом!» – поставила первый восклицательный знак Милица Васильевна. «Помог шофер нашей базы Валентин Иванович, мебельный перевозчик, – продолжила она свой рассказ. – Купили стенку (которую вообще нельзя “достать”) на улице Сталеваров, в мебельном магазине». «Вместо шкафа куплена кабинетная стенка – 3 шкафа рядом!» – ликовала М.В. Нечкина, поставив уже два восклицательных знака. Однако в этой бочке меда оказалась и ложка дегтя. «Но – увы! – высокие книги не умещаются!» – посетовала она.

Новая мебель предопределила основательную разборку всего книжного собрания. В телеграфном стиле М.В. Нечкина сообщала: «Уборка всех “верхов” письменных столов в городе (в свете принятого плана действий!!) и классификация стопок. (На предмет включения в ожидаемый шкаф!) Проведена! Помог новый шкаф!» Вслед за систематизацией московского собрания последовала и большая перепланировка дачной библиотеки Милицы Васильевны [«И мучилась, и работала невероятно», 2013. С. 137].

К подбору книг для личных коллекций историка относились очень внимательно, стараясь не превращать их в собрание бесполезных изданий. Чтобы не допустить неоправданного разрастания библиотек, они время от времени проводили ревизию накопленных книжных богатств: «Разобравши свою библиотеку, я содержание ее одобрил. Надо продолжать в том же духе. Дребедени почти нет, и козлища забрели случайно» [Александр Евгеньевич Пресняков, 2005. С. 48].

Одновременно отмечались случаи рационального применения предложенных к продаже частных библиотек, собранных их обладателями без определенной системы и представлявших собою скорее хаотическое скопление книг. 27 марта 1918 г. С.Б. Веселовский рассказал в дневнике, как он использовал подобный книжный развал. «Купил у Гобермана за 650 р. библиотеку, если так можно назвать груды случайно сваливаемых много лет в одно место книг, и всю неделю разбираю их, – отметил он и со свойственным ему практицизмом подвел итог проделанной работе, принесшей пользу его личному собранию: – Нашел много ценного для

своей библиотеки, а остальное распродают. Надеюсь выручить затраченные деньги и получить несколько сот томов в свою библиотеку за труды» [Дневники С.Б. Веселовского, 2000. С. 96].

Большое внимание историки уделяли систематизации личных библиотек. С этой целью составлялись описи, книги часто снабжались экслибрисами. Будучи студентом, А.Е. Пресняков принял участие в составлении карточного каталога для библиотеки одного из своих университетских наставников, ЕВ. Форстена. «Провозились – 3 барышни, один мой товарищ и я – с 11 утра до 9 вечера и все-таки не кончили. Вчера они без меня заканчивали. Библиотека большая и интересная», – подводил он итог проделанной работе [Александр Евгеньевич Пресняков, 2005. С. 149]. Для своих книг А.Е. Пресняков создал каталог «в книжке с алфавитом» [Там же. С. 49].

Уже упоминавшийся граф С.Д. Шереметев, известный в том числе и своей коллекцией книг и рукописей, в мае 1910 г. обратился к С.Ф. Платонову с просьбой помочь в поиске подходящей кандидатуры для описания библиотеки в его имении Михайловское. С.Ф. Платонов рекомендовал ему Б.Д. Грекова, в то время магистранта Петербургского университета, которого охарактеризовал как «человека знающего и основательного, скромного и даже застенчивого». «Он с удовольствием возьмется за дело и ставит лишь одно условие: возможность купанья, необходимого для его здоровья. Я думаю, что Вы, граф, снисходительно улыбнетесь, прочтя эти строки. Вероятно, такое условие очень легко достижимо» [Академик С.Ф. Платонов, 2003. С. 135].

Отношение историков к своим библиотекам было вообще очень серьезным. Их обладатели думали не только о пополнении книжных полок, но и о сохранности собранных книг. Так, в этих целях в годы Гражданской войны С.Б. Веселовский половину библиотеки «сдал на сохранение В.М. Хвостову в Научный институт» [Дневники С.Б. Веселовского, 2000. С. 120].

Наличие научной библиотеки, как и собственного кабинета в квартире, воспринималось как норма, стандарт жизни русской профессуры. Вероятно, в немалой степени революции октября 1917 г., занявшейся в числе прочего уплотнением «буржуазных» квартир, мы обязаны тому, что историки стали детально описывать свои жилищные условия. «Сегодня я в последний раз пишу в своем кабинете, в котором работал пять лет», – отметил Ю.В. Готье в дневнике 21 марта 1918 г. Весь следующий день прошел у него в суматохе с переносом вещей из освобождаемых комнат. «К вечеру более или менее убрались, имея уже не пять комнат, а три, и начали новую полупролетарскую жизнь. Жильцы въехали вечером; пока кажется, что будем ладить» [Готье, 1997. С. 124], – читаем запись, сделанную по горячим следам. Через год пространство сузилось до двух комнат, в которых еле помещалась часть имущества, необходимая семье историка для жизни. «Извольте при таких условиях заниматься и двигать науку, т. е. исполнять ту обязанность, которую с нас не снимают и большевики», – восклицал Ю.В. Готье [Там же. С. 226].

Работа в собственном кабинете, с использованием личной библиотеки была сама собою разумеющейся для историков поколения «старой профессуры». Вне их пределов научные занятия казались им малопродуктивными. Находясь в Москве, петербуржец С.Ф. Платонов писал В.Г. Дружинину, что он много читал, но диссертацией не занимался: не хотелось, да и неудобно для него было работать без собственной библиотеки [Академик С.Ф. Платонов, 2003. С. 11].

Со сходной проблемой столкнулся Б.Д. Греков, откомандированный осенью 1916 г. в Пермь для преподавания в открывшемся там Отделении Петроградского университета. «Стал я заниматься здесь шведским языком: беру уроки у своего товарища, – писал он 19 октября 1916 г. в письме своему учителю Д.М. Петрушевскому. – Занятия эти дают мне моральное утешение в бескнижье. Музыка и шведский язык – единственное утешение» [АРАН. Л. 33]. Начало работы в Перми Борис Дмитриевич напрямую связал с появлением у него жилья и доставкой из столицы его личной библиотеки. «С 4-го ноября я, можно сказать, уже устроился, так как 4-го пришли мои книги и попали в мою собственную комнату, приобретенную мною

накануне только, – рассказывал он Д.М. Петрушевскому о своем житье-бытье на новом месте в письме от 23 ноября 1916 г. – До этого времени я все скитался. Сейчас понемногу и работаю. Написал отчет о Соловецком монастыре, готовлю рецензию на С.Б. Веселовского (имеется в виду труд С.Б. Веселовского “Сошное письмо. Исследование по истории кадастра и посошного обложения Московского государства”, изданный в двух томах в 1915–1916 гг. – Л.С.) в “Рус[скую] мысль”. Давно обещал, но книг не было» [Там же. Л. 36]. Нахождение в провинциальном городе делало вопрос о собственных книгах еще более острым, так как местные библиотеки и книжные магазины просто не обладали необходимыми наименованиями научной литературы.

Как и их предшественники, историки советской формации также испытывали дискомфорт в отрыве от своих личных собраний. Например, М.В. Нечкина, по свидетельству ее учеников, многие книги приобретала в двух экземплярах: один для дома и один для дачи, чтобы не испытывать нехватку необходимых книг при частых переездах за город и обратно. В ее дачном саду на Николиной Горе была устроена специальная журнальная беседка. В ней все стены были сплошь заставлены комплектами периодики.

Можно сказать, что ее мечта иметь собственную библиотеку, которая служила бы ей для «приобретения больших, глубоких и основательных познаний во многих, в очень многих науках» и которая, полагала Милица Васильевна в самом начале своего творческого пути, «...уж ни в коем случае не исполнится» [«И мучилась, и работала невероятно», 2013. С. 76], осуществилась в полной мере.

Рассуждая о столь сильно желаемом книжном собрании, она коснулась даже эстетической стороны библиофильства. М.В. Нечкина рассказала о том, какие чувства вызывали у нее предполагаемые тома личной библиотеки. 31 октября 1915 г. на страницах дневника она призналась, что издания из общественных библиотек не могли доставить ей то счастье, что ей давали «собственные, красивые, толстые, красиво переплетенные книги» [Там же]. Осознавая нереальность своих библиофильских грез, М.В. Нечкина примирилась, казалось бы, с необходимостью пользоваться общими фондами. Нужные книги для работы, полагала она, можно взять из библиотеки, как и поступала, беря «некрасивые, тонкие, не переплетенные». М.В. Нечкина была согласна, что такое предубеждение «глупо», и одновременно признавалась, что внешний облик книги влиял даже на ее работу с ней: «Я так люблю красивую внешность в книгах, что, когда ее нет, мне неприятно, больно, тяжело читать» [Там же].

Собранными в своих библиотечных коллекциях книгами многие историки делились с другими исследователями, давая им возможность использовать их для научной работы. По свидетельству С.В. Бахрушина, С.Б. Веселовский одинаково охотно, с искренним удовольствием открывал свои коллекции и друзьям, и случайным знакомым, и молодежи. Сергей Владимирович с благодарностью вспоминал, как историк распахнул перед ним «все богатства своего собрания копий и богатейшей своей библиотеки» [Бахрушин, 1995. С. 151].

«Надо бы мне сегодня же побывать [...] и у Степана Борисовича Веселовского», – писал в письме к жене А.Е. Пресняков, добавив, что, хотя и не воспользовался любезным предложением коллеги остановиться в принадлежавшем тому доме на Арбате, он попросит «у него позволения пользоваться для занятий его библиотекой, особенно “Полным собранием российских летописей”» [Александр Евгеньевич Пресняков, 2005. С. 785].

Таким образом, книги и личные книжные собрания являлись неотъемлемой частью профессионального быта российских историков прошлого века и важнейшей частью атмосферы их научного творчества и духовной жизни. Библиофильство было одной из традиций сообщества российских историков. Ей продолжают следовать и многие современные историки.

Вместе с тем информационный бум XXI в. вносит свои особенности во взаимоотношения российских историков с книгой. Создание собственных рабочих библиотек остается в научной повседневности ученых как продолжение традиции, но не только. Покупка научной литера-

туры связана также с проблемой комплектации центральных библиотек: далеко не все книги появляются в них, существует проблема с поступлением книг из регионов и из-за рубежа.

Особую актуальность для исследовательской деятельности историков приобретает наличие электронных каталогов научных библиотек и электронных копий книг из их фондов. Они стирают временные и территориальные границы между книгой (научной информацией в широком смысле слова) и ученым. В определенном смысле современные технологии превращают фундаментальные книгохранилища в личные библиотеки историков, которые получают возможность работать с ними практически в формате собственных домашних собраний. Эта развивающаяся новая информационная среда создает благоприятные условия для творческой активности историков.

Библиография

Академик С.Ф. Платонов'. Переписка с историками: В 2 т. Т. 1: Письма С.Ф. Платонова. 1883–1930. М.: Наука, 2003. 388 с.

Александр Евгеньевич Пресняков. Письма и дневники. 1889–1927. СПб.: Дмитрий Буланин, 2005. 967 с.

Архив Российской академии наук (РАН). Ф. 493. Оп. 3. Д. 54.

Бахрушин С.В. Из воспоминаний // Проблемы социальной истории Европы: от античности до нового времени. Брянск: Брянский гос. пед. ун-т, 1995. С. 141–174.

Богословский М.М. Дневники (1913–1919): Из собрания Государственного Исторического музея. М.: Время, 2011. 800 с.

Готье Ю.В. Мои заметки. М.: ТЕРРА – TERRA, 1997. 592 с.

Гуревич А.Я. История историка. М.: РОССПЭН, 2004. 288 с.

Дневник историка С.А. Пионтковского (1927–1934) / Отв. ред. и вступ. статья А.Л. Литвина. Казань: Казан, гос. ун-т, 2009. 516 с.

Дневники академика М.В. Нечкиной // Вопросы истории. 2006. № 6. С. 131–146. Дневники С.Б. Веселовского 1915–1923, 1944 годов // Вопросы истории. 2000. № 2. С. 89–117.

«И мучилась, и работала невероятно»: Дневники М.В. Нечкиной. М.: РГГУ, 2013. 828 с.

Иконников В.С. Опыт русской историографии. Т. 1.4. 1–2. Киев: Тип. Имп. ун-та св. Владимира, 1891–1892. 1540 с.; т. 2. Ч. 1–2. Киев: Тип. Имп. ун-та св. Владимира, 1908. 1956 с.

Киреева Р.А. А.Л. Иконникова и ее записки по историографии // История и историки. Историографический ежегодник за 1973 г. М.: Наука, 1975. С. 189–213.

Пресняков А.Е. Царственная книга, ее состав и происхождение. СПб.: Тип. И.Н. Скороходова, 1893. 52 с.

Чирков С.В. Пресняков Александр Евгеньевич (1870–1929) // Историки России. Биографии. М.: РОССПЭН, 2001. С. 485–491.

Личные книжные коллекции ученых в собрании Научной библиотеки Государственного музея истории религии как информационный ресурс для исследований в области истории

Private book collections of scientists in the collection of Scientific Library of State Museum of History of Religion as an information resource for research in history

УДК 026.072+069.5

А.В. Панеях,

A. V. Paneyah

Аннотация: в статье Научная библиотека Государственного музея истории религии (ГМИР) представлена как единственная в России и странах СНГ профильная библиотека по истории мировых и национальных религий, религиозных течений и как информационный ресурс для научных исследований в данной области. Рассмотрены судьбы двух значимых личных библиотек (крупнейшего специалиста по истории русского масонства Н.П. Киселева и директора Музея истории религии в 1946–1955 гг., исследователя сектантских религиозных движений В.Д. Бонч-Бруевича), поступивших в нее. Высказана мысль о перспективности их выделения в качестве отдельных коллекций в фондах научных библиотек.

Abstract: Scientific Library of State Museum of History of Religion (GMIR) is presented as the only one in Russia and the CIS countries specialized library on the history of world and national religions, religious movements and as information resource for scientific research in this area. There is examined there fate of two important private libraries received (of a major scholar in history of Russian freemasonry N.P. Kiselev, and director of Museum of History of Religion in 1946–1955, researcher of sectarian religious movements V.D. Bonch-Bruevich). There was expressed an idea of prospects of their allocation as separate collections in funds of scientific libraries.

Ключевые слова: историческая наука, история науки, библиотековедение, Научная библиотека Государственного музея истории религии, личные библиотеки ученых, Н.П. Киселев, В.Д. Бонч-Бруевич, книжные коллекции, история религии.

Keywords: historical science, history of science, librarianship, Scientific Library of the State Museum of the History of Religion, personal libraries of scholars, N.P. Kiselev, V.D. Bonch-Bruevich, book collection, history of religion.

Научные библиотеки, особенно отраслевые, сформированные специалистами в данных областях, – неопценимый информационный ресурс для научных исследований. Это в полной мере относится к Научной библиотеке Государственного музея истории религии (ГМИР) – единственной в России и странах СНГ профильной библиотеке по истории мировых и национальных религий и религиозных течений. В ее уникальном фонде (около 190 000 ед. хр.) хранятся труды широчайшего охвата – хронологического (с древнейших верований и культов, религий Древнего мира до современных) и географического (все страны и ареалы, национальные и конфессиональные общности). Предметная область также обширна – труды общего характера (по истории, социологии, психологии отдельных религий и по сравнительному религиоведению) и исследования по частным вопросам (библейстики, истории церквей, агиографии, религиозной символики и т. п.). В составе библиотеки – редчайшие книги церковной старославянской печати и библии на разных языках, изданные в разных странах, богослов-

ская периодика духовных академий и семинарий, религиозно-философские сочинения русских философов начала XX в. (в том числе прижизненные издания), уникальная подборка атеистической литературы 1920—1930-х гг. Много редких и ценных изданий XVII—XVIII вв., а также книг с экслибрисами, автографами, дарственными и владельческими надписями, рукописными пометами исторических и религиозных деятелей. Уже одни только рукописные включения в книги представляют огромное поле деятельности для историков.

Комплектование книжных фондов происходило разными путями. В первые годы после образования Музея истории религии (МИР) и, одновременно, его научной библиотеки многие институты, музеи, библиотеки передавали в МИР непрофильную для них литературу. Сюда поступала литература из расформированных учреждений (Центрального антирелигиозного музея в Москве, Императорского Православного Палестинского общества), из монастырей и духовных академий, из частных коллекций. Руководство МИР предпринимало специальные усилия, чтобы приобрести ряд личных библиотек известных ученых.

Остановимся подробнее на собирательской деятельности В.Д. Бонч-Бруевича, директора МИР в 1946–1955 гг. Этот эрудированный интеллигентный человек, книголюб и библиофил считал создание библиотеки и рукописного отделения важнейшими делами по музею. Его не останавливали отсутствие помещения и стеллажей, библиотекаря, крохотный штат музея и его загруженность другими музейными и научными работами. Главным было – собрать редкие книги и тематические книжные коллекции и осуществить замысел создания самой крупной в Советском Союзе библиотеки для специалистов в области истории религии. В этом ему помогали его обширные связи и научный подход к делу. В.Д. Бонч-Бруевич хорошо знал научную литературу, был любителем и знатоком редких и ценных изданий, увлеченным собирателем книг. В вопросах комплектования библиотеки МИР он руководствовался не текущими задачами и планами музея, а установкой на формирование максимально полного собрания литературы по истории всех религий и религиозных движений. Понимая, что изучать эту область истории невозможно вне историко-культурного контекста, он собирал труды по общей истории, этнографии, археологии, искусствоведению, литературоведению, философии. Основопологающими в его деятельности были соображения такого рода: «заберите лучше больше, чем меньше», «теперь это величайшая редкость».

В.Д. Бонч-Бруевич высоко ценил личные библиотеки ученых: сформированные специалистами, они являлись ценными информационными ресурсами по конкретной исторической проблеме. Он настаивал на сохранении их целостности при включении в книжные фонды МИР, полагая, что анализ их структуры, авторских и владельческих помет в сочетании с анализом документов представляет интерес и для историков науки. Рассмотрим его роль в судьбе двух личных книжных собраний, которые с большим трудом удалось получить для библиотеки МИР.

Первое из них – крупнейшего специалиста по истории русского масонства, библиографа, палеографа, каталогизатора инкунабул и палеотипов, библиотечного и музейного деятеля Николая Петровича Киселева (1884–1965). В 1920-е гг. он приобрел у В.С. Арсеньева-внука большую часть самой значительной коллекции книг XVIII–XIX вв. по масонству. У него имелось и много других редких изданий, в том числе периодических, по масонству и оккультизму на русском и иностранных языках. В 1948 г. его собрание было обследовано с целью покупки для библиотеки МИР – по поддержанному Президиумом АН СССР ходатайству В.Д. Бонч-Бруевича, утверждавшего: «...замечательны масонские гадания XVIII – нач. XIX вв., по большей части весьма редкие, а редчайшая коллекция книг на русском и иностранном языках по масонству, без которой писать историю масонства, что нам предстоит сделать, нет никакой возможности» [СПФ АРАН. Ф. 221. Оп. 2. Д. 206. Л. 152, 152 об.]. Сам Киселев в 1942–1957 гг. находился в лагерях и ссылке, а его семья очень нуждалась в средствах к существованию. Его жена запросила за все 2500–3000 руб. (по отдельности эти книги стоили значительно дороже).

Эксперты оценили собрание как уникальное. Их заключение гласило: «Библиотека Киселева состоит из книг на иностранных языках, по преимуществу старинных, XVII–XVIII вв. в старинных переплетах. Содержание:

Сочинения известнейших религиозных писателей мистико-теософского направления, таких как Якоб Вем, Джон Кордеяс, Пьер Пуаре, Сведенборг, Бенгель, Гаман “Маг на Севере”, Сен Мартен, Дютуа Магобрант, Эккартсгаузен, Юнг, Штиллер и многие др.

Сочинения по отдельным тайным наукам, главным образом по алхимии (герметизму).

Масонские сочинения XVIII – нач. XIX вв. по большей части весьма редкие.

Произведения философских религиозных мыслителей 1 – ой пол. XIX в.: Шуберт, Мейер, Кстин, Кернер, Франк Баздер и др.

Сочинения по спиритизму на иностранных языках и на русском языке, между которыми и журнал “Ребус”, номера за ряд лет в хорошем переплете.

Сочинения по новейшей теософии обоих направлений (английского и германского), между которыми почти полный комплект журнала “Вестник теософии”.

Сочинения новейших оккультистов французского направления (Палюс, Седиридр.)

Книги различного характера по истории религии, философии религии, истории философии» [Там же. Д. 211. Л. 151].

Ознакомившись со списком книг этой библиотеки, зам. директора ГМИР М.И. Шахнович написал В.Д. Бонч-Бруевичу: «Это действительно выдающийся подбор книг по мистицизму. Смее Вас уверить, что такого подбора литературы сейчас нет ни в одной советской библиотеке, я знаю все, что хранится в Публичной, Академии наук и Ленинской, так что это без преувеличения одно из выдающихся собраний» [Там же. Д. 209. Л. 198].

Академия наук СССР в 1951 г. дала согласие на приобретение библиотеки, и ту перевезли из квартиры в Институт истории АН СССР в Москве, где она год пролежала в мешках в подвальной помещении, а потом была перевезена в Фундаментальную библиотеку общественных наук (ФБОН). Переживая за ее сохранность, В.Д. Бонч-Бруевич просил директора ФБОН В.И. Шункова как можно скорее переправить ее вагоном в Ленинград. Однако тот ответил: книги находятся в разных местах складских помещений ФБОН; извлечь их и собрать в единое целое в ближайшее время невозможно, «так как библиотека Киселева была получена без списков и даже без учета их количества, и на самих книгах не имеется ех libris или каких-либо других пометок, указывающих на принадлежность их библиотеке Киселева» [Там же. Л. 134]. Бонч-Бруевич был очень огорчен: «Нужно ли говорить о том, в каком я горе, узнав об участии драгоценной библиотеки Киселева. Вот что значит поручать иметь дело с книгами малокультурным людям: трудно представить, о чем думали отправители книг из Института истории, когда они, очевидно, навалом передали Вам эти книги, хотя я много раз говорил Бакаеву, что эти книги чужие, что они не оплачены, что их надо особо беречь, составить список (теперь придется собирать ее, полагаясь на память сотрудников) – я очень прошу, если возможно, начать с отдела по масонству, собрать эти книги особо бережно. Зайдет жена Киселева, знающая эту библиотеку, она поможет» [Там же. Л. 133].

Вице-президент АН СССР В.П. Волгин дал согласие выплатить за библиотеку Киселева 2500 руб., но для этого надо было оформить акты приема всех книг с обязательной их оценкой комиссией, для чего составить их список. В.Д. Бонч-Бруевич дал указание заведующей библиотекой ГМИР М.Д. Захаровой делать это по мере получения книг из Москвы. Он предупредил, что библиотека большая, около 1000 книг, очень ценная. В сентябре 1952 г. в Ленинград поступила первая партия (91 книга), в октябре – вторая (56 изданий), в основном комплекты журналов: «Вестник теософии», «Сионский вестник», «Христианские чтения», «Ребус»; в последнем имелись публикации по всем оккультным наукам, начиная с индусских и кончая русскими, и переводы таких произведений.

М.Д. Захарова посчитала, что дублиеты принимать не следует. Директору пришлось уже не в первый раз объяснять ей: «Вы ошибаетесь, когда негодуете, зачем-де Вам присылают книги те, которые у Вас имеются. В данном случае Вы имеете в виду посылки из ФБОН. Вы, очевидно, совершенно забыли то, что я Вам писал. Все эти присылки относятся к одной (подчеркнуто В.Д. Бонч-Бруевичем. – Л.Я.) библиотеке ученого Киселева, у которого приобретена вся целиком и полностью (подчеркнуто В.Д. Бонч-Бруевичем. – Л.Я.) его библиотека. Там книги все крайне редкие и крайне ценные. С этой библиотекой случилось несчастье. Вместо того чтобы ее целиком и полностью переправить в Ленинград в библиотеку Музея, ее смешали с другими книгами Института истории, к счастью сделав опись всей этой огромной массы книг, и переправили в ФБОН. И только лишь после моего протеста на это безрассудное и неправильное действие стали из этой огромной массы книг постепенно выбирать книги из интереснейшей библиотеки Киселева и пересылать в Ленинград в Музей. Конечно, эта работа делается постепенно, и книги отсылаются те, которые попадутся, и так будет до конца. А то, что у Вас встречаются дубликаты – это не беда. После разберемся и увидим, что с ними делать, а журналы эти очень редки... у него они все целыми комплектами» [Архив ГМИР. Ф. 2. Оп. 1. Д. 311. Л. 55]. К ноябрю поступили 198 книг и журналов на русском языке и 89 – на других языках.

В.Д. Бонч-Бруевич многократно просил заведующую не разрознивать библиотеку Киселева, богатую редчайшими книгами по масонству, а хранить особым фондом, составить библиографические описания, систематизировать и расставить в каталог. Он писал в Ленинград Шахновичу с просьбой вмешаться в ситуацию: «Причем помните, что по масонству там есть книги исключительные, и их надо ценить по действительной стоимости потому, что эта библиотека стоит гораздо дороже, чем 2500 руб. Так что М.Д. Захаровой не нужно вмешиваться в то, что высылается по этой библиотеке: ее приобрел я лично, прекрасно знающий, что заключается в этой библиотеке, как знают это все московские культурные люди, изучающие масонство» [СПФ АРАН. Ф. 221. Оп. 2. Д. 209. Л. 224]. Однако все просьбы о сохранении целостности коллекции не были выполнены. В 1953 г. были получены только 4 книги, в 1954 г. – 11 книг. К концу 1954 г. поступило 178 книг. Выявить остальные не удалось: они попали в общую массу неразобранной литературы, хранившейся в ФБОН. Бонч-Бруевич писал, что дело Н.П. Киселева тянется уже более пяти лет и дальнейшее промедление невозможно, все это время семье не выплачивали за нее деньги. В итоге его библиотека, очевидно, поступила не полностью и в фонде библиотеки ГМИР оказалась рассредоточенной.

Не менее драматична история личной библиотеки самого В.Д. Бонч-Бруевича. В 1927 г. он пожертвовал ее в Рукописное отделение Библиотеки Академии наук СССР (БАН), в которой работал в 1905–1914 гг. Спустя 25 лет (в 1952 г.) выяснилось, что она лежит неразобранной в одном из складов. «Это огромное собрание книг было оценено в 35 000 золотых рублей и вместе с большим количеством рукописей было пожертвовано. Туда входили рукописное собрание XVII в. академика Бера, приобретенное мной у его наследников в 1919 г. Я полагал положить основание большому отделу в Рукописном отделении БАН, специально посвященному вопросам истории религии и атеизма, отраженных как в печатных книгах, так и в рукописных. Так как за 25 лет мое пожертвование пролежало без всякого внимания, и соответствующий отдел не был организован, и книги не были введены в библиотечный каталог общего пользования, то я счел за лучшее теперь передать их в Музей истории религии. Если же удастся отыскать рукописи и рукописные книги, мною в свое время пожертвованные в БАН, то я нахожу необходимым поместить их в Рукописный отдел Музея для общего пользования в целях научного изучения», – писал В.Д. Бонч-Бруевич о своем решении в отчете Президиуму АН СССР за февраль – март 1952 г. [Там же. Д. 203. Л. 13–15].

Он просил дирекцию БАН сохранить его библиотеку в целом виде и считал, что с передачей ее в возглавляемый им МИР трудностей не возникнет. Курировавшая вопрос заведующая библиотекой музея М.Д. Захарова 11 апреля 1952 г. сообщила, что его письмо директору БАН

не прочитано и надо ждать решения дирекции БАН. Ответ взволновал В.Д. Бонч-Бруевича: «Очень прискорбно, что мою библиотеку так маринуют. Как же это так, что Д.В. Наливкин более месяца мое письмо не читал? Разве это допустимо? Очень прошу Г.А. Чеботарева (зам. директора БАН. – А.П.) ускорить это формальное решение, ибо ведь хозяин-то книг я: так как они не выполнили условия моего пожертвования, то я вообще могу взять книги обратно. Нехорошо они поступают. Очень прошу Вас помочь мне в этом деле, и книги перевезти в Музей как можно скорей и, конечно, и все, что там найдется еще: там были рукописи. Мне ответьте поскорей – меня этот вопрос сильно беспокоит» [Там же. Д. 311. Л. 4–4 об.]. 30 апреля 1952 г. он вновь отправил запрос: «Пожалуйста, сообщите мне, как обстоит дело с перевозкой моей библиотеки из Библиотеки Академии наук? Перевезли ли ее уже или все еще продолжают ее там солить? Прошу Вас помочь как можно скорее выволить ее оттуда и перевезти в Библиотеку Музея» [Там же. Д. 311. Л. 9 об.]. В мае 1952 г. М.Д. Захарова известила В.Д. Бонч-Бруевича об ответе Д.В. Наливкина: передать его библиотеку в МИР без решения Библиотечного совета БАН нельзя, поэтому надо ждать. Бонч-Бруевич справедливо возмущался: «Какая удивительная задержка в БАНе. Вот видите там, чтобы выдать книги, пожертвованные мною туда на определенных условиях, надо решение Библиотечного совета, а вот чтобы книги лежали 26 лет неразобранными, без пользы, для этого не требовалось решение Библиотечного совета. Что будешь делать? Приходится терпеть. Узнайте, пожалуйста, какое настроение у Библиотечного совета по поводу моих книг. Передайте им, что я книги им не оставляю. И если будут препятствовать, я войду с ходатайством здесь, в Президиум АН СССР, чтобы эти книги были мне возвращены обратно. Я глубоко возмущен, ибо, когда я передавал библиотеку в БАН, как радовались Срезневской, Ольденбург и другие, а после них все это тянется и тянется, и мне стыдно, что Академия наук могла такую вещь со мной проделать» [Там же. Д. 311. Л. 15 об. – 16].

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.